Гинс Г.К.

На путях к государству будущего.

Харбин, 1930.

НИЛ—Библиотека
ЦР
Г468

Проф. Г. К. ГИНС.

НА ПУТЯХ К ГОСУДАРСТВУ БУДУЩЕГО.

От либерализма к солидаризму.

1930.

ЦР
Г468

Г. К. ГИНС
Профессор Юридического Факультета
в Харбине.

НА ПУТЯХ К ГОСУДАРСТВУ БУДУЩЕГО.

От либерализма к солидаризму.

Кризис либерализма и социализма. Учение о социальной солидарности. Новые формы организации хозяйства. Синдикализм в фашистской Италии. Хартия труда и новейшее трудовое право. Корпоративное государство и фашизм. Лига Наций и международный солидаризм. Учение о прогрессе. Проблема неподвижности Китая. Марксизм перед судом истории. Солидаризм, как новое достижение культуры.

ХАРБИН.
1930 г.

ЦР
Г 468

1083294 (024 30) 12/88 с 1.

СР 16080

Печатано с разрешения Ректора Юридического Факультета О. Р. В. П.

Copyright
1930.

Типография Н. Е. Чинарева.

3012

Светлому гению учителя,

профессора Льва Иосифовича Петражицкого,

посвящаю эту книгу.

ОТ АВТОРА.

Задача настоящего труда—найти идею, которая могла бы дать план будущего устройства государственной и общественной жизни. Блуждания и споры не прекратятся, пока эта идея не будет установлена.

Солидаризм уже занял видное место в кругу экономических идей, ему должно быть отведено место и в юридических науках. Настоящая книга выполнит свою задачу, если убедит читателя, что солидаризм, как руководящая идея, поможет перестроить народное хозяйство, государственную организацию и международные отношения в духе тех тенденций, которые наиболее отвечают потребностям нашего времени.

Книга эта посвящается бывшему профессору С. Петербургского, а ныне профессору Варшавского Университета Л. И. Петражицкому, портрет которого перед нами.

Промежуточная идея солидаризированного хозяйства отступает от его учения о децентрализованной и централизованной формах хозяйственного уклада, но настоящий труд вдохновило учение Л. И. Петрожицкого о праве и прогрессе. Оно поддерживает ту веру в будущее человечества, которым проникнута настоящая книга.

Выручка от продажи книги предназначается на издание пособия для студентов по общей теории права и государства.

21 мая 1930 г.
г. Харбин.

L. Pasteur

„Смутился мир... окрест себя взирая,
„Обломки вер он видит пред собой".
(И. Аксаков).

После великой войны человечеством овладели мрачные мысли. Потоки пролитой крови, жестокие разрушения и усилившиеся противоречия ослабили Европу и подорвали доверие к ее культуре. Один за другим стали выходить труды, самые заглавия которых говорят о глубоком кризисе: сумерки, гибель, закат Европы. Головокружительный успех книги Шпенглера („Закат Европы") свидетельствует о том, что она отвечает настроениям времени.

В ожидании надвигающейся катастрофы, историки вспоминают погибшие культуры. Ростовцев описывает исчезнувшую культуру средней Азии, оставившую одни лишь развалины. Виппер напоминает о „круговороте истории". Фарреро проводит параллели между современностью и судьбою древнего могучего Рима: как там был утрачен правовой принцип власти, так теперь подорван престиж и монархии и народного суверенитета; как там христианство разлагало языческую государственность слишком резким несоответствием ей своих идей, так теперь разрушает основы существующего порядка социализм.

Пишут о неизбежном вырождении человечества, о надвигающемся господстве серой посредственности, и охваченные трепетом народы ищут спасения в евгенике и физкультуре.

Появляются опасения перенаселенности, от которой могут спасти только катастрофы. Но такого рода спасение способно породить только жуткое чувство беспомощности.

Автору этих строк удалось совершить большое, почти кругосветное путешествие, и после нескольких лет знакомства с жизнью Китая и Японии побывать в семи европейских государствах, присмотреться к их послевоенному облику, посетить на пути Филиппины, Суматру, Цейлон. Полученные им разнообразные впечатления помогают подойти к кризису с точки зрения менее односторонней, чем свойственно большинству современных пессимистов.

Внешних впечатлений недостаточно для того, чтобы решать вопрос о вырождении гениев и талантов. Для этого нужна статистика и, при том, очень тщательная и продуманная. Но и внешние впечатления заставляют сомневаться в серьезности подобного опасения. Умственная жизнь Европы продолжает развиваться полным темпом.

Кто умеет подойти к Парижу не с одной только правобережной стороны Сены, кто углублялся в спокойные районы Латинского квартала, посещал Сорбонну, видел тысячи людей, отдавшихся напряженной научной работе, десятки разнообразных школ, теснящихся одна около другой, множество новых книг по всем отраслям знания, написанных со свойственной французскому гению ясностью мысли и изложения — тот не решится говорить о вырождении культуры Франции.

Еще более импонирующее впечатление оставляет соприкосновение с культурою Германии. Эта страна показывает явный избыток интеллигентных сил. Среди команды и прислуги пароходов можно найти музыкантов, артистов, оптиков и т. п. Рабочие на фабриках нередко обращают на себя внимание солидною и серьезною внешностью явно интеллигентных людей, и представители рабочих в различных общественных учреждениях поражают, нередко, своею солидною подготовкою. Университеты и высшие школы по-прежнему процветают. Издательства заваливают рынок ценными книгами по всем отраслям знания. Всюду проявляется творческий гений, помогающий стране преодолевать исключительные экономические тяготы.

Никаких признаков вырождения не заметишь и в Англии. Образцовый порядок, царящий в ее колониях, обязан как организационным способностям и навыкам администрации, так и престижу ее солидной культуры. Демократизация Англии выдвигает из народа свежие силы, которые обещают омолодить эту на редкость солидную, но несколько неподвижную страну. Самостоятельность, которую получили английские доминионы, в свою очередь дает метрополии приток новых творческих сил. Равноправие женщин стало серьезным фактором ее прогресса, так как участие женщин в жизни страны становится все более активным.

В Италии фашизм поощряет все, что может украсить и прославить нацию. Научная и промышленная жизнь страны находятся в состоянии нового расцвета.

Опасающиеся, что демократизация культуры приведет к господству серой массы и погубит культуру, не доучитывают, что приобщение к культуре новых человеческих сил выдвигает свежие таланты и пополняет запасы умственной аристократии.

Помимо наследственности, играющей громадную роль в накоплении культуры, имеет значение и свежесть умственных сил. Римский император Веспасиан отдалил упадок империи, когда влил в ее вены новую кровь, включив в списки сенаторов и всадников тысячу выдающихся имен провинциальных домов, потомков галлов, испанцев и африканцев. Ныне обновление рядов умственной аристократии происходит само собою, благодаря легкости выдвижения в условиях демократического строя. Усиление конкуренции вызывает повышение качественного уровня. Нет никаких оснований утверждать, что в демократиях правят посредственности. Наоборот, если, не претендуя на научную точность, основываться на ограниченных наблюдениях, то можно скорее утверждать, что демократия выдвигает выдающихся людей.

К этому следует прибавить, что национальное движение, в частности национальный под'ем в новообразованных государствах, как, напр., Польше, Чехо-Словакии и других, также не пройдут бесследно.

Но, самое главное, нельзя теперь суживать горизонты, забывая о быстром приобщении к европейской культуре многомиллионных народов востока. Какие еще вклады дадут они грядущему, как велики их культурные рессурсы!

Если, однако, сомнение в будущем человеческой культуры кажется плодом болезненного воображения, то это не значит, что в мире все благополучно. Кто побывал в Европе, тот не мог не заметить, что она превращается в сплошную фабрику. Земледелие во Франции и Германии падает. Крестьяне и помещики бросают земли, города переполняются. Количество безработных растет. Немцы изучают условия Суматры, Явы, Южной Америки, чтобы выселяться туда. Немецкие купцы рыщут по свету, чтобы завоевать рынки сбыта. Англичане испытывают страх перед ростом промышленности в заморских английских владениях. Собственные детища наносят удар промышленности метрополии: развивая производство у себя, они сокращают закупки в метрополии. Вопрос безработицы играл решающую роль в последней избирательной кампании и шумная агитация либералов, доказывавших, что консерваторы честны, но бездарны и неспособны победить безработицу, способствовала успеху трудовой партии, которая, естественно, ближе всего к нуждам безработных и обещания которой быть наиболее решительной в излечении этой болезни вызывали больше доверия. В Бельгии нет клочка земли, с которого не было бы видно дома или фабрики. Цены на все быстро растут и все бла-

гополучие страны зиждется на заселении и использовании огромной колонии Конго.

Словом все государства Европы превращаются в поставщиков на внеевропейские рынки. Все находятся в затруднительном положении вследствие требовательности хорошо организованного и культурного рабочего класса, который настаивает на высокой оплате труда, в то время как изыскать новые средства удешевления производства становится все труднее.

В то же время происходит другое знаменательное явление, чреватое исключительно важными для Европы последствиями: европейская цивилизация быстро прививается востоку. Китай, Индия, Япония освобождаются от европейской опеки. Япония становится с каждым годом все более могущественною. Еще несколько десятилетий и физиономия мира должна серьезно измениться. Азия будет сама себя снабжать. Обладая огромными естественными рессурсами и дешевою рабочею силою, она нуждается только в руководителях и накоплении опыта. Пример Японии, быстро улучшающей качество своих продуктов, предвещает такие же успехи и в других внеевропейских государствах.

К этому присоединяется возрастающая конкуренция Америки, которая, благодаря обилию капиталов и успехам техники, удешевляет производство, несмотря на высокую оплату труда.

Таким образом, великий кризис нарождается прежде всего в условиях мирового хозяйства и взаимоотношениях рас.

Будущее мира смутно вырисовывается в тумане глубоких противоречий международных интересов и возникающие на этой почве тревожные предчувствия внушают мрачные мысли о „сумерках культуры".

После великой войны, которая явилась также результатом острых хозяйственных противоречий, положение всех европейских государств, участников войны, стало очень тяжелым. В острой политической борьбе, происходящей во всех почти странах, в богатом урожае диктатур и в смелых политических экспериментах отражается неудовлетворенность настоящим и либо бессилие запутавшихся политиков, либо смелые попытки найти новые пути.

К кризису хозяйственному присоединяется, поэтому, как естественный отклик, кризис политических идей. Больше чем когда-нибудь нужна руководящая идея, которая, как нить Ариадны, могла-бы вывести человечество из лабиринта противоречий.

Когда разрушается муравейник, несчастные трудолюбивые его обитатели начинают в ужасе метаться, не находя своего

прежнего жилища, блуждая по разрушенным путям, наталкиваясь на погибшие запасы, с таким трудом и терпением собиравшиеся. Но проходит день, два—муравьи начинают восстанавливать свои прежние жилища, собирать остатки запасов и вновь воздвигать сложное сооружение. Но что было-бы, если бы муравьев лишили жизненного инстинкта, опьянили бы их так, чтобы они не в состоянии были приступить к работе, забыли бы старый опыт и приемы. Тогда паника их перешла бы в отчаяние, и разрушение оказалось бы роковым.

Так и человеческое общество,—какие бы катастрофы его ни постигли, сумеет восстановить свое благополучие, если будет руководствоваться здоровыми принципами общественного устройства. Катастрофы, вызываемые влияниями естественного порядка, вырождением, охлаждением земли и т. п., не могут быть предотвращаемы социальными или политическими идеями, но экономические и политические кризисы могут быть и предотвращаемы и преодолеваемы здоровыми этическими принципами, этими „незримыми властителями" человечества.

То, что создает сейчас тревогу за будущее, вызывается несогласованностью интересов различных классов населения и глубокими противоречиями интересов отдельных наций. Но эта болезнь вполне излечима. В Лиге Наций выявляются поиски человечеством возможного разрешения противоречий. Мир еще не так тесен. Еще много обширных пространств Южной Америки, Австралии и Канады ожидает приложения человеческого труда. Многие колониальные владения, как напр., Голландская Индия, или Конго, и многие страны Южной Америки как, напр., Бразилия или Аргентина использованы далеко не в полной мере. Вместительнейшим рынком для западноевропейской промышленности могут быть Китай и Россия. Если человечество сумеет укрепить внутренний и внешний мир, то в течение нескольких десятилетий создастся приспособление к изменившимся условиям мирового хозяйства. Борьба наполняет жизнь содержанием, она укрепляет сильных и заставляет слабых напрягать усилия, чтобы не отстать от других. Но время от времени необходимо приостанавливать борьбу. Как больному организму нужен покой, выздоравливающему отдых, так после великой войны нужен народам мир, чтобы преодолеть исключительные трудности положения. На этот период нужны такие принципы, которые могли бы хоть на время согласовать противоречивые интересы, обеспечить внутренний порядок государствам и устранить войны между народами.

Происходящий кризис не агония умирающего мира, а болезнь исторических форм. О крушении цивилизации говорят

больше тоном предсказателей. Гибель современной культуры не доказывается, а предвидится. Подлинный кризис, очевидный и неопровержимый, наблюдается только в организации хозяйственной и государственной жизни. Кризис этот серьезный, но не безнадежный. Он затрагивает основы существования, но не подтачивает неизлечимою болезнью жизненных сил. Ощущение кризиса, как симпатическая боль, захватывает здоровые части, скрывая место, действительно пораженное болезнью. Но врач не поддается обманчивым ощущениям. Так и в общественных явлениях надо определить прежде всего источник гнилостных процессов, заражающих ядом разложения человеческую культуру. Как свидетельствуют факты, болезнь современного цивилизованного мира относится к хозяйственному и государственному строю. Показателями этого кризиса являются и те идеи, столкновение которых характеризует эпоху кризиса.

Идеи отражают тот бессознательно-гениальный процесс приспособления, который приводит человечество к удачному определению форм, наиболее соответствующих новым условиям. Прошлый век прошел под знаком индивидуализма и либерализма, новый—антииндивидуалистичен и антилиберален. Идеи, характеризующие эти противоположные направления, относятся к вопросам организации хозяйственной и общественной жизни. Индивидуализм борется с коллективизмом, либерализм отстаивает свои позиции от надвигающегося социализма.

Каким же принципам принадлежит будущее? Либерализм или социализм помогут культурному человечеству изжить остроту современного кризиса? Нет ли какого либо иного принципа, который мог бы с успехом руководить общественною мыслью при переустройстве современного общежития?

Такова задача нашего исследования. Для разрешения ее возможно было бы остановиться на истории и оценке различных социальных и политических идей. Фактам прошлого или настоящего можно было бы противопоставить воображаемое или желательное будущее. Социализм является как раз таким воображаемым будущим. Научно обосновывается неизбежность его наступления, но его подлинное содержание только угадывается и в него вкладывается, может быть незаметно для самих авторов, доля идеализации.

Мы избираем для решения поставленного вопроса иной метод. Исходя из того, что бессознательно-гениальный процесс социального приспособления лучше всего обнаруживает и намечает пути естественного исторического развития, мы полагаем необходимым сосредоточить внимание на тех явлениях,

которые характеризуют процессы преобразования хозяйственного и государственного строя. Анализ характерных для переходного времени новообразований, отражающих тенденции современности, может дать указания не только направления эволюции, но и того, какие идеи наиболее отвечают происходящему процессу общественного развития. Основываясь на анализе реальных явлений и сопутствующих им идей, можно уяснить сущность происходящего процесса и формулировать идею его характеризующую.

Таким образом, труд наш будет посвящен поискам руководящей идеи среди тех фактов современной действительности, которые являются характерными новообразованиями эпохи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Общее учение о солидаризме.

ГЛАВА I.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОПОРЯДКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ.

1. Сущность индивидуализма и либерализма. 2. Вырождение его. 3. Отклонения от индивидуализма, характеризующие новый век. 4. Увлечение социализмом, как реакция против индивидуализма и либерализма. 5. Неосуществимость социализма в современных условиях и необходимость формулировки другого руководящего принципа. 6. Отражение происходящего кризиса общественных и хозяйственных форм в правовых идеях. 7. Публично-правовой элемент в собственности. 8. Развитие корпоративного начала. 9. Учение Дюги о неотчуждаемых правах личности и государственном суверенитете. 10. Отсутствие руководящего принципа в новейших юридических учениях.

1. Человеческая мысль блуждает между противоположными принципами. С одной стороны, тяготение к полной свободе и независимости личности, с другой—увлечение идеей государственной регламентации хозяйства; с одной стороны, крайний индивидуализм, с характерным для него эгоизмом, с другой—подчинение личности требованиям „общего блага", поглощение ее общественным целым, коллективом.

Идеи либерализма и социализма, индивидуализма и коллективизма борятся между собою в течение многих веков.

Будет ли человечество преуспевать, если государство предоставит личности свободу действий, если индивид, который лучше всего может познать свои интересы, явится главным действующим лицом народного хозяйства? или государство должно принять на себя активную роль и, представляя общий интерес, должно об'единить в своих руках и обладание важнейшими хозяйственными ценностями?

Одна система предполагает, что индивид, руководимый эгоистическим интересом и инстинктом самосохранения, будет напрягать свои силы в борьбе за существование, создавать и накоплять, и государство будет процветать на основе индивидуального благополучия. Индивидуализм, с этой точки зрения, ос-

нова общего благополучия и чем меньше государство будет стеснять индивидуума в его деятельности, тем больше обеспечен успех народного хозяйства в целом.

Другая система утверждает, что государство должно уничтожить в корне хозяйственный эгоизм, должно экспроприировать из рук частных владельцев орудия производства и перевоспитать общество, направив энергию отдельных лиц на служение общему благу.

После феодальных порядков идеи экономической свободы, выдвинувшие мысль о свободно хозяйствующей личности, были откровением и возвещали новую эпоху. С тех пор как один из крупных промышленников Франции на совещании, созванном великим опекуном французской индустрии и торговли, Кольбером, сказал ему: **laissez nous faire**, т. е. предоставьте нам побольше свободы, не вмешивайтесь в наши дела,—эти слова стали догматом эпохи и еще до сих пор не утратили своей магической силы. Учение А. Смита и классической школы, основавшей экономический либерализм и сводившей до минимума вмешательство государства в свободную игру личных интересов, наиболее отвечало потребностям времени и лучше всего характеризовало эпоху промышленного переворота, когда инициативою и творчеством частных лиц творились чудеса. „Усилиями частных лиц возникали крупные сооружения; например, система каналов родилась благодаря инициативе ливерпульских купцов; без поощрений, без участия законодательства, каким то стихийным образом возникла эксплоатация минеральных богатств Северной Англии, большие фабрики Манчестера и других городов, а эта стихия слагалась из множества интересов личностей, направленных к одним целям и риску". Для этой эпохи характерны неутомимые искатели, в роде Аркрайта, который из парикмахера превратился в изобретателя и умер миллионером[1]). Эпигонами этой эпохи являются американские миллиардеры, увлекательные биографии которых заслуживают помещения в библиотеке жизнеописания великих людей.

В соответствии с направлением экономического либерализма и государственный строй приспособлялся к защите свободы и равенства граждан и охране их неот'емлемых прав.

Юриспруденция XIX в. изображала общество, как совокупность свободных хозяйствующих личностей. Игнорируя данные социологии, она забывала о групповом, классовом, коллективном начале, и даже народ изображала, как совокупность отдельных лиц или граждан, подчиненных высшей власти.

---

1) *Р. Ю. Виппер* Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX в. в. (теории прогресса) 2-е изд. 1925 г. стр. 95-96.

Так юридический индивидуализм дополнял и завершал идеологию экономического и политического либерализма. При этом, для упрощения и облегчения задач, игнорировались все бытовые и социальные различия и допускалась фикция математического равенства свободных личностей, выступающих пред лицом закона в качестве отвлеченных средних людей.

Такова сущность индивидуалистической системы организации общества и хозяйства, которую, по основным ее принципам, именуют либерализмом.

С идеями либерализма тесно связана современная форма демократии. Все граждане свободны и все равны. Все обладают правом инициативы и всем должна быть предоставлена возможность активного участия в государственной жизни. Поэтому вводится всеобщее избирательное право и власть опирается на ариѳметическое большинство. Принцип парламентаризма является логическим завершением этой системы. Правительство выходит в отставку, если не находит поддержки большинства, и состав его отражает соотношение парламентских сил, как сам парламент—настроения избирателей.

1083294
СФ 160/30

Покушение на демократию вызывает такую же реакцию индивидуалистических убеждений, как покушение на собственность. И то и другое оскорбляет самосознание и гордость личности, не допускающей посягательств на ее неотъемлемые права.

2. Идеи либерализма были настолько жизненны, настолько соответствовали психологии века и даже веков, что они глубоко проникли в сознание, в доктрины, в законодательство и до сих пор цепко держатся за свое влияние. Можно сказать, что они освещали путь человечества, вносили покой в его сознание, оправдывали несовершенства социального уклада и поддерживали государственный порядок, составляя основу конституций. И до сих пор учебники гражданского права повторяют азбуку либерализма, изображая частную собственность, свободу договоров, конкуренцию и наследование, как непоколебимые основы гражданского общества.

А между тем в недрах либерального порядка назревали глубокие преобразования. Капитализм—дитя либеральной системы, вырос в сверх-капитализм. Гигантские организации капитала заслонили собою индивидуальное начало [2]). Классовая борьба, развивавшаяся внутри капиталистического общества, заставила организоваться рабочих и предпринима-

[2]) *W. Sombart.* Das Wirtschaftsleben in Zeitalter des Hoch—Kapitalismus B. III, 1927 ср. напр.. стр. 1014 сл., где выдающийся своею наблюдательностью экономист отмечает современные тенденции к плановому хозяйству, в ущерб стремлению к выгоде и индивидуализму.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

телей. Мощные профессиональные и предпринимательские организации становятся лицом к лицу, защищая общие интересы класса, а не интересы отдельных лиц. Государство давно перестало быть пассивною стороною происходящего соревнования и проявляет все больше активности, то подчиняя борющиеся силы принудительному порядку, то сосредотачивая в своих руках производительные силы и ограничивая, таким образом, экономическую свободу.

С другой стороны индивида покрывают коллективные организации и общество утрачивает свой прежний индивидуалистический характер, обращаясь в совокупность групповых организаций.

Принципы индивидуализма и либерализма пошатнулись.

3. Если и в настоящее время индивидуальный интерес остается главным стимулом хозяйства, то рядом с ним занимает все более важное место интерес групповой, профессиональный, общественный. Условия экономической действительности все более затрудняют индивидуальную борьбу за существование: „Один в поле не воин", каждый ищет убежища в группе, а групповое сотрудничество перевоспитывает психологию. Полного обособления индивидуальности никогда не было, но личный интерес в эпоху расцвета либерализма не связывался в такой мере с интересом общественным, как это неизбежно бывает, когда становится общим правилом организованная коллективная защита интересов.

В связи с этим несколько утрачивает свое значение принцип свободы договоров. Стороны подписывают, нередко, готовый формуляр договора, в котором ничего нельзя изменить. Контракт как-бы диктуется (diktierte Verträge), условия подписываются, как непреложные (contrat d' adhesion), в шаблонной для всех одинаковой и не допускающей изменений форме[3]).

В области трудового договора распространенность коллективных договоров не только делает личное соглашение ненужным, но даже и вовсе исключает непосредственное соглашение рабочего с работодателем. Можно сказать, что для большинства рабочих договор заключается помимо их ведома, тем более, что он распространяется и на тех рабочих, которые в момент заключения тарифного договора еще не входили в профессиональный союз и не работали на фабрике.

После того, как развитие профессионального движения, распространение тарифных договоров и социальное законодательство коренным образом изменили положение организован-

[3]). Таковы договоры с телефонными, электрическими, водопроводными, страховыми, складочными и многими другими предприятиями.

ного рабочего класса, главы о капиталистической эксплоатации рабочих в курсах политической экономии во многом подлежат пересмотру. В современной Европе положение инженера нередко хуже, чем положение рабочего, и вместо проблемы эксплоатации стоит вопрос о возможности существования предприятий при улучшенных условиях труда.

Происходят еще и другие серьезные изменения.

Собственность перестает быть прежним „священным" правом, на нее начинают смотреть, как на социальную функцию (Дюги), как на обязанность (Германская конституция).

Характерное для индивидуалистического хозяйства начало конкуренции начинает также утрачивать влияние. Свободная конкуренция перестает властвовать в деловом мире, с тех пор как об'единения предпринимателей монополизируют отдельные виды промышленности. Тресты, синдикаты, концерны диктуют цены и регулируют производство и торговлю.

Естественно, что при таких условиях и уровень заработной платы и цены на продукты поддаются в большей степени рационализации, сознательному регулированию, чем это имело место при подчинении их стихии рынка: законам спроса и предложения.

Существенные изменения наблюдаются и в потреблении. Кооперация и общественные столовые меняют режим индивидуального потребления, отчасти улучшая его, отчасти экономизируя, с другой стороны оказывают влияние и изменяющиеся условия жизни. Необычайное распространение в Лондоне дешевых столовых Lions'a и A. B. C., из которых один только Lions отпускает ежедневно по миллиону порций, свидетельствует о заметном изменении жизненного уклада. Экономнее и удобнее забежать в дешевый и хороший ресторан, чем ехать через весь город к семейному столу.

Между тем, характер семейного хозяйства определяет и строй семьи. Конституция той семьи, которую имел в виду законодатель XIX и начала XX в., предполагает главенство в семье мужа, как лица, добывающего средства к жизни, при содействии жены в доме личным трудом и при частичной помощи детей их трудовыми заработками. Отсюда перевес голоса мужа при разногласиях и презумпция полномочий жены на совершение всех сделок, касающихся домашнего хозяйства.

Но, когда домашнее хозяйство превращается в предприятие, напр., при содержании пансиона, или когда семья отказывается от домашнего стола и даже содержания квартиры, тогда весь семейный строй видоизменяется. Отпадают основания к главенству мужа, окончательно утверждается равноправие в семье

мужа и жены и тип семьи, этой основной клеточки общественного организма—заметно перерождается, что неизбежно влияет и на строй общественной жизни.

Так видоизменяется бытовой уклад.

Даже закон населения, жестокая теория Мальтуса, в меньшей степени проявляет свою силу в современных цивилизованных странах, где прирост населения искусственно сокращается, так что развитие производительности может перегонять прирост населения.

Словом, если сравнить современное сверхкапиталистическое государство, где все эти явления особенно заметны, с тем типичным режимом либерального хозяйственного строя, который изображала политическая экономия прошлого века, то нельзя не заметить, что место прежнего господства естественных законов все более занимает сознательное регулирование хозяйства. Сверхкапитализм переродил частно-правовой строй и это дает основание искать новые юридические принципы, которые выражают характерные особенности и тенденции современного хозяйства[4]).

Либерализм выполнил свою задачу, вдохновив революции и реформы, которые эмансипировали личность от государственной опеки, создали современное правовое государство и обеспечили блестящий расцвет капитализма. Но уже в XIX веке обозначились и недостатки либеральных учений. Доктрина невмешательства государства в хозяйственную жизнь встретилась с необходимостью поддержать экономически слабых и создать опеку фабричного труда. Учение о свободах привело бы к обессилению государственной власти, если бы она не прибегла к ряду ограничений индивидульных свобод. Правовое государство превратилось в культурное, которое должно не только охранять свободную деятельность граждан, но и само проявлять культурную активность[5]).

4. Антиподом либеральных учений является, как уже указано, социалистическая доктрина. Она отрицает и осуждает индивидуализм, как источник социального неравенства и экс-

4). Уже делаются попытки изложить на новых началах политическую экономию, что в отношении описательной экономии во всяком случае находит оправдание. Во Франции делает пока мало убедительные попытки этого рода *G. Valois*, энтузиаст новых течений эпохи (ср. его Economie nouvelle и Un nouvel âge de l'humanité, 1929).

5). Очень характерны в этом отношении идеи, проникнувшие в официальные издания родины либерализма, Англии. Ср. напр., Report of Committee on trusts, представленный в 1919 г. парламенту министерством реконструкций. (Published by His Majesty's Stationary Office, переиздан в 1927). На страницах этого доклада пестрят выпады против евангелья эгоизма, каким является доктрина свободной конкуренции и противопоставляется ей начало согласования интересов и сотрудничества (стр. 16, 17). Об эволюции идей либерализма в Англии см. у *Новгородцева*. Кризис современного правосознания" 1909 г.

плоатации. Она предлагает устранить конкуренцию и рационализировать производство и распределение.

Социализм предполагает передачу орудий производства (земли, фабрики, машины) в руки общественного (соборного) хозяина, который может вести все хозяйство по строго обдуманному плану. Стихия неурегулированого частного хозяйства. приводящая к перепроизводству, периодическим кризисам и неразумному и несправедливому распределению, сменяется хозяйством плановым, централизованным, где производство в точности выполняет задания, соответствующие спросу, где не может быть, поэтому, перепроизводства и где обмен и распределение также подчинены руководящему центру.

5. Подобная система в идее—увлекательна, она подкупает своею разумностью. Но опыт Советской России показал на практике все отрицательные ее стороны, которые можно было предвидеть теоретически. Отсутствие конкуренции убивает стимул к усовершенствованию. Передача управления одному руководящему центру вносит в хозяйство мертвящий его бюрократизм. Подкупающая с первого взгляда разумность планового хозяйства оказывается призрачной, т. к. статистика не может быть так совершенна, чтобы точно уловить все многообразие факторов хозяйства. Просчеты и ошибки требуют частых изменений. От годового плана переходят к кварталам (четвертям года) и, исправляя план через один квартал, в сущности совершенно меняют его в течение года.

В связи с просчетами и недополучением продуктов, распределение подвергается сознательным изменениям в сторону неравенства и несправедливости. Государство покровительствует одному классу в ущерб другому и это создает состояние безнадежности и понижает трудоспособность и энергию большинства населения.

Представляющий из себя крайнее выражение идей социализма—коммунизм, оказался настолько гибельным для экономики, что сами создатели его поспешили отступить на позиции „нэпа“, предоставив на некоторое время возможность соревнования и накопления. И это отступление сразу оживило хозяйство. Даже небольшая доля свободы оказалась „живою водою“. Однако, ее хватило не надолго. Коммунизм вновь осушил источники „живой воды“.

Ни одна страна не последовала примеру Советского Союза. Нигде государство не решилось убивать частную предприимчивость и конкуренцию, но идеи социализма заразительны и даже в странах, где господствует капиталистическое хозяйство, государственная власть нередко злоупотребляет своими правами,

сосредотачивая в своих руках различные предприятия и расширяя объем принуждения, насаждая так называемый „этатизм", т. е. тенденцию расширить влияние государства на хозяйственную жизнь. Происходит это в значительной степени потому, что современное хозяйство обнаруживает тенденцию к самоурегулированию, и социализм, при отсутствии другой руководящей идеи, представляется естественным завершением происходящей эволюции [6]).

Таким образом, система либерализма изжила себя, а первый практический опыт осуществления социализма оказался неудачным. Выяснились все препятствия к его осуществлению, все причины, по которым он, в современных условиях, нежизнеспособен. Главною из этих причин является психологическая неподготовленность большинства населения к тем новым основаниям производства и распределения, которые создает социализм. Психология большинства населения оказывается еще слишком индивидуалистическою. Возникает, поэтому, необходимость в какой-то новой отвечающей потребностям века системе организации общественных сил и хозяйства, которая былабы ближе к индивидуализму, но улавливала бы и прогрессивные тенденции века, заглядывая в будущее.

6. Внимательнное изучение и сопоставление новых явлений права и хозяйства, отвечающих духу современности, может помочь разрешению этой задачи. В новых явлениях можно отыскать начала, выражающие руководящие принципы нашего времени. Обзор законодательных новелл, характеризующих процесс перерождения правовой системы, дает картину яркую и поучительную. При сопоставлении нового и старого права и при более близком рассмотрении особенностей нового, могут быть сделаны некоторые обобщения, помогающие напасть на след того руководящего принципа, который характеризует вновь возникающий порядок и новое правосознание.

Обзоры происходящих в наше время изменений правопорядка не представляют редкости и это служит свидетельством ясно ощущаемого процесса эволюции. Достаточно назвать труды Дюги [7]), Шармон [8]), Гедемана [9]), дающие наиболее яркую характеристику нового права. Помимо этих наиболее извест-

[6]) О кричащей опасности социализма, грозящего разрушить благосостояние Европы в пользу Америки предупреждает *G. Le Bon* L'évolution actuelle du monde 1927 особ. стр. 273 сл.

[7]) *Duguit,* Les transformations du droit privê. 2 ed 1920. и его же Les transformations du droit public. P. 1925.

[8]) *J. Charmont,* Les transformations du droit civil. P. 1926. 2 ed., его же Le droit et l'esprit democratique.

[9]) *Hedemann*—Die Fortschritte des Zivilrechts im XIX Jahrh. 1910 г., его же Das bürgerliche Recht ú. die neúe Zeit, Jena 1919 г

ных, существует немало и других подобных обзоров как общего содержания, так и по отдельным отраслям права [10]).

7. Видное место в подобных обзорах занимают изменения института собственности.

Крылатое слово Дюги о праве, как социальной функции, впервые отчетливо формулирует намечающиеся радикальные преобразования господствующего порядка. Собственность, это абсолютное, наиболее полное из всех существующих прав на вещь, проникается обязанностями. Собственность рассматривается как социальная обязанность, и собственник выполняет обязанность употреблять вещь надлежащим образом, считаясь не со своими только, но и с общими интересами[11]).

Собственность—обязанность, повторяет вслед за Дюги Германская конституция (ст. 153 абз. 3), а гражданский Кодекс СССР распространяет идею Дюги на всю область частного права; согласно ст. I этого кодекса, частные права не охраняются, если они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением.

Хотя собственность остается в основании частноправового порядка современной жизни, но в ней, как характеризует Гедеманн послевоенное германское законодательство, пробиваются бреши[12]), происходит социализация гражданского права: оно отчуждается от самого себя, в него все более подмешивается публично правовой элемент (es becommt eine immer stärkere öffentlichrechtliche Beimischung, [13])

Для того, чтобы оценить значение этих идей, надо напомнить, что со времени декларации прав человека и гражданина,

[10]) *M. Morin*, Le sens des transformations contemporains du droit. Gaston Morin, La révolte des faits contre le code 4-e ed. 1920. N. Politis — Les nouvelles tendances du droit international и др.

В России в дореволюционное время выходили сборники „Новые идеи в правоведении", носившие чисто теоретический характер. Обзор новых течений в юриспруденции с точки зрения желательных изменений в частно-правовом строе дает увлекательная книга проф. И. А. Покровского „Основные проблемы гражданского права" Петрогр. 1917 г. Критику основ буржуазной юриспруденции и ее индивидуализма дает Ильинский „Введение в изучение советского права". Ленинград, 1925 г.

[11]). *Duguit* Les transform. de dr. privé p. p. 65-166. Значительно осторожнее характеризует эволюцию собственности Шармон (Les transform de droit civil p. p. 208-209. Современное права исходит, как он говорит, из идеи внедоговорных обязательств между соседями. Собственники ограничены в интересах здравоохранения, безопасности, чистоты, а также в интересах сохранения и преумножения национальных богатств (недра, воды).

[12]). *Hedemann*—в качестве примера приводит Закон 15 января 1919 г. об Erbbaurecht. „Das bürg. Recht ûdie neûe Zeit стр. 16.

[12]). Там-же, стр. 11. *Keynes* в его памфлете „Laissez-Faire and Communism" N. I. 1926 стр. 61 „One of the most interesting and unnoticed developments of recent decades has been the tendency of big enterprise to Socialise itself".

Ср. Проф. *Синайский* „Основы гражданского права" В. II. Рига 1926 г. стр. 59. Автор справедливо подчеркивает социальный характер права собственности на ряду с индивидуальным его характером. Там же стр. 14-15 о преобразовании собственности в мире промышленности.

собственность характеризовалась, как „священное и неприкосновенное право". В этих качествах своих она охраняется конституционными законами. Собственность, не без основания, рассматривается, как фундамент существующего порядка, от прочности ее зависит судьба всего строя.

Философы поддерживали эти представления общими идеями. Собственность ставится ими (особенно Гегель) в непосредственную и интимную связь с личностью, как выражение ее воли и достоинства.

Все это соответствовало в полной мере общественному порядку, в основу которого положен индивидуализм.

Но на протяжении XIX в. произошло много перемен и формулы, определяющие сущность собственности, становились постепенно все более скромными и утрачивали торжественность. Из „священного права" собственность стала наиболее полным из прав, предоставляющих господство над вещью, и при том в пределах, очерченных законом.

Характеристика этого наиболее полного из прав, как обязанности—результат дальнейшей эволюции. Но здесь, по существу, происходит только осознание подлинного значения собственности. Оттого-то она и считалась священною и неприкосновенною, что носители собственности выполняли важнейшие в общественном отношении функции[14]). Но раньше подчеркивался и оценивался индивидуалистический момент, а теперь центр тяжести переносится в социальное назначение института. То, что достигалось само собою, ставится в качестве задания. Уклонение от выполнения социальной функции рассматривается, как неправильное пользованье правом.

В связи с этим приобретает исключительное значение объективная цель (affectation). Предназначение для общественно-полезной функции связывает даже государство и публично-правовое господство над вещью обращается в служение социальной цели.

Таковы вкратце основные идеи авторов, которые характеризуют, с известною долею сочувствия, происходящие видоизменения современного права. Ослабление индивидуализма, опутыванье прав обязанностями, социализация собственности, проникновение публично-правовых начал в гражданское право!

---

[14]). На собственника можно целиком перенести то, что говорил Адам Смит о купце и капиталисте. Характеризуя их эгоистическую натуру, чуждую забот об общем благе, он указывает, однако, что думающие о собственном выйгрыше и добиваясь личного обогащения, люди часто гораздо сильнее и действительнее работают на общее благо, чем если б они прямо его искали. Мановение невидимой руки ведет их к цели, которая не входит в их цели, так как, увеличивая свой доход, они вместе с тем увеличивают и доход всего общества. Поэтому собственность всегда выполняла важную социальную функцию.

8. Наряду с этим обращает на себя внимание уже отмеченное развитие корпоративного начала в современной жизни, все увеличивающееся значение ассоциаций, объединяющих силы отдельных лиц. Еще недавно государство подозрительно относилось ко вновь возникающим юридическим лицам (principe de suspicion), а ныне оно признает ассоциации, как необходимый элемент и организующее начало. От признания—переход к поддержке! устанавливается принудительное участие в ссудо—сберегательных кассах, оказываются преимущества членам профессиональных союзов и т. д.

Корпорации различного характера занимают все более важное место в общественной организации. Они становятся между государством и личностью, как это было в средние века. Только теперь они в меньшей степени стеснительны для своих членов, в виду отсутствия внутренней иерархии (мастера и подмастерья) и в виду большей гибкости организаций, приспособляющихся для обслуживания очень разнообразных целей. Общественный строй становится, таким образом, более сложным и менее индивидуалистическим, так как индивидуальные интересы покрываются, нередко, групповыми, а государству противопоставляются уже часто не личные права, а общественные.

Между индивидом и государством становятся коллективы. Поскольку коллективы эти занимаются хозяйственною деятельностью, отношения между ними и их членами с одной стороны, между различными коллективами и между коллективами и государством с другой—не всегда могут регулироваться нормами, предназначавшимися для индивидуальной деятельности. Отсюда потребность в особой системе норм и этим, по мнению проф. Л. Таля[15]), объясняется возникновение особой категории так называемого „хозяйственного“ права.

Не в меньшей степени проявляется необходимость особой нормировки тех отношений, которые складываются между государством и синдикатами, объединяющими работников одной профессии. Социализм вручает руководящую роль государству, вверяя ему управление всеми предприятиями (монизм). Синдикализм готов раздробить государство (плюрализм): угольные копи углекопам, железные дороги железнодорожникам и т. д.

---

[15]) *L. Thal* Arbeitsrecht u. Wirtschaftsrecht als wissenshaftliche Disziplin (Rigasche Ztchr. f. Rechtswissensch. 1929. H. 1). В отличие от многих других ученых, работавших над вопросами трудового и хозяйственного права (См. наше „Водное Право“, гл. V), проф. Таль не ограничивается одними логическими построениями, а обращается к тем жизненным процессам и явлениям, которые вызывают соответствующее новое законодательство, и находит в них специфические особенности, оправдывающие возникновение названных дисциплин.

В лице синдикатов государство вырастило силы, которые несут в себе угрозу его существованию [16]).

В то же время значительно изменяется характер семьи. Как некогда в Риме параллельно усилению государственной власти шло ослабление власти „домовладыки" (pater familias), так теперь (см. выше п. 3) наблюдается ослабление семейных связей и изменение уклада семейной жизни, в связи с возрастающим значением и конкуренциею общественных организаций (Verein'a) и тем изменением условий семейной жизни в больших городах, которое уже было раньше отмечено.

9. Подобные изменения в укладе общественной жизни не могут не сказаться и на учении о государстве.

„Понятие государственной службы (service public) становится основным понятием современного публичного права". В правящих видят только тех, кто держит в своих руках преобладающую силу и на кого, поэтому, ложится обязанность осуществлять известную социальную функцию — организовать государственную службу, обезпечить и контролировать ее выполнение [17]).

В связи с этим наносится новый удар индивидуализму. Если до сих пор государству, под влиянием либеральной доктрины, противопоставлялась независимая личность, то теперь, когда государство, по новому представлению, не только охраняет свободу личности, но и выполняет задания общественно важного значения, оно приобретает и большие права в отношении личности. Общественные цели могут входить в конфликт с индивидуальными.

Идея народного суверенитета покоилась на индивидуалистической концепции. Народ рассматривался, как совокупность свободных личностей, а верховная власть—как выражение общей воли этих независимых лиц. Теперь возникает вопрос о представительстве однородных групп, т. е. различного рода коллективных организаций. Парламент может быть составлен на новых принципах. Верховная власть может быть понимаема не как выражение воли безличной массы, а как авторитет организованной нации, сводящей к единству множественность индивидуальных и коллективных интересов и стремлений.

Вдохновитель демократий XIX в., автор „Общественного Договора" Руссо так характеризует свою основную идею: „Найти такую форму соединения, которая охраняла бы и защищала всею общею силою личность и имущество каждого и в которой каждый, соединяясь с другим, повиновался бы, однако,

[16]) *Ср. Le Bon*, L'Evolution actuelle стр. 124 сл.

[17]) *L. Duguit*—Les transform. du droit publ. p. XIX и 279.

только самому себе и оставался так-же свободен, как прежде [18]). Здесь ясно выявлена индивидуалистическая концепция государства.

При этой концепции существовала все же постоянная опасность, что суверенная „общая воля" подавит волю личную. Тем более это возможно, когда фикцию „общей воли" заменяют реальные цели „общего блага", вовсе не всегда совпадающие с интересами отдельных лиц. Здесь жертва индивидуальными интересами во имя „общего блага" становится уже необходимою. Таким образом возникла еще проблема политических прав личности, вопрос о правах и обязанностях гражданина по отношению к государству.

В результате идея неотъемлемых, непогасимых давностью естественных прав личности потускнела. А вслед за нею потускнела и идея государственного суверенитета! Отдельное лицо, в современном представлении, обладает правами, лишь поскольку это нужно для выполнения им возложенной на него социальной функции, а государство обладает властью, лишь поскольку это необходимо для осуществления им организации службы на общее благо. По учению Дюги „нет более ни неприкосновенных прав гражданина, которые ограничивали государственный суверенитет, ни самого суверенитета, как верховной надо всем господствующей власти. Общее благо является ныне истинным сувереном. Ради него охраняются права индивидов и для него организуется и облекается властью государство".

Получается стройная доктрина. Под нее подводится этический базис. Идея солидарности или социальной взаимозависимости (la solidarité sociale ou l'interdependance sociale)постоянно повторяется у Дюги; на ней он строит свое учение.

Новый принцип права формулируется у Дюги следующим образом: „не делать ничего, что является покушением на социальную солидарность и делать все, что по природе предназначено для осуществления и развития социальной солидарности".

Солидарность или социальная взаимозависимость в правильном ее понимании, говорит Дюги, „ничто иное, как постоянное совпадение индивидуальных и общественных целей". „Люди одной и той же группы солидарны 1) потому, что они имеют общие потребности, которые они не могут удовлетворить иначе как совместно и 2) потому что у них разные потребности и разные склонности и они обезпечивают удовлетворение различных своих потребностей обменом взаимных услуг, обязанных развитию и использованию различных их способностей". Отсю-

[18]) *J. J. Rousseau*, Contrat Soc. I, 1, ch VI.

да два вида солидарности: солидарность по принципу сходства и солидарность по принципу разделения труда [19]).

Но, как справедливо указывает Шармон, в идею солидарности не вкладывается, при этом, никакого морального содержания: люди должны сотрудничать на основах солидарности, потому что они люди, а между тем для того, чтобы применять закон, надо „понять солидарность определенным образом, надо сделать выбор" [20]). При этом, если солидарность рассматривается, как начало, объединяющее нацию, то она мало отличается от идеи общей воли или общего блага.

Действительно, выдающийся французский государствовед, плодотворная работа которого, к сожалению, слишком рано прервана смертью, высказал много смелых и оригинальных идей, но в то время как отрицательная (критическая) сторона его идей ясна, положительное (творческое) содержание системы Дюги лишено определенных очертаний. Представляя искания нового, его учение открывает широкий простор усмотрению и толкованию. Это не социализм и не индивидуализм. Какие характерные принципы определяют положительное содержание его учения, остается неясным.[21]),

Чуткий Гедеман уловил это бессилие как доктрины, так естественно, и идущего вслед за нею законодательства, и в своей уже цитированной раньше (прим. 12) работе объясняет успех школы свободного правотворчества невозможностью для государства урегулировать все новые быстро сменяющиеся жизненные явления и вытекающею отсюда необходимостью предоставить возможно большую свободу судье.

---

[19]) *L. Duguit*, L'Etat, le droit objectif p. 40-62, 89-91; 180-181. 615; его же Transform. de dr. publ. p. 44-45.

[20]) *J. Charmont*, La renaissance du droit naturel 2-ed 1927. Другие критики Дюги указывают, что термином „солидарность" он заменяет старое понятие „справедливости" и что, отрицая субъективные права, он возвращается к полномочиям (pouvoir), которыми должен обладать человек, чтобы исполнять свои обязанности. Таким образом, говорят критики, позитивист Дюги ввел в свое учение основы старого идеализма.

[21]) Обязанность правительства Дюги определяет общим образом, как обеспеченье того, что соответствует социальной солидарности. и недопущение того, что, будучи противно ей, вызывает коллективную реакцию L'Etat, le droit objectif p. 165, 214-215). Более детально положительный порядок, соответствующий принципам солидарности, определяется 1) с точки зрения солидарности по принципу сходства, как охрана равенства, всеобщая воинская повинность, прогрессивный налог, для сглаживания неравенства, всеобщее образование, ограждение жизни, недопущение скупки и вздувания цен на предметы первой необходимости, ограждение прав на передвижение, свободный выбор профессии, присвоение продукта труда, свободу мысли, совести и пр., 2) с точки зрения солидарности по принципу разделения труда, как ограждение равенства формального, а не материального или математического, допустимости свободы ассоциаций и договоров и пр.

Власти могут прибегать к принуждению и ограничению личной свободы, лишь когда это необходимо и, при том, в равной степени для всех (L'Etat p. 288-289). На обязанности власти лежит гарантировать труд и справедливое вознаграждение, оказывать покровительство детям, инвалидам и старикам, устранять эксплоатацию труда.

Не является-ли это признаком законодательного и, одновременно, научного бессилия и отсутствия определенной руководящей идеи? Собственность, общественный строй и государство ждут этой идеи.

ГЛАВА II.

ПРОЯВЛЕНИЯ СОЛИДАРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ.

1. Альтернатива будущего—этатизм или кооперация. 2. Особенность кооперации—организация на основах солидарности. 3. Солидарность и солидаризм. 4. Коллективные договора. 5. Соучастие рабочих в управлении и доходах предприятия: компартнершип, акции труда (франц. закон 1917 г.). 6. Организации концернов. 7. Сущность солидаризма: его отношение к либерализму и социализму.

1. Известный экономист В. Зомбарт на одном из последних съездов Verein für social Politik предсказывал, что через 200 лет будет господствовать либо этатизм, либо кооперация.

Этатизм—это недоразвившийся социализм, он означает постепенное поглощение индивидуального начала государственным, замену частного права публичным. В этатизме нет своей идеи. Это—корректив либерального хозяйства [22]).

Наоборот, кооперация представляет течение идейное, она несет с собою особый план организации народного хозяйства.

Что-же дает основание возлагать столь серьезные надежды на кооперацию? представляет-ли она своеобразную систему, чреватую новым творческим принципом?

2. Кооперация выросла на почве капиталистического хозяйства. Она организовала, можно сказать, „демократический капитализм". Знаменитые принципы Рочдельских пионеров привили кооперации начала трезвого экономического расчета и конкуренции. Каждая потребительская лавка работает, как обыкновенный купец, каждый союз, как добросовестный и серьезный оптовик. Приемы, расчеты, психология—те же, что и у индивидуальных хозяев, но только к этому присоединяется сознание, что кооперация представляет и ограждает коллективные интересы.

„В кооперативной лавке горит звезда", образно говорит Ш. Ж и д. Этим символизируется связь кооперативной идеи с

[22]) Известный современный социолог *Пит. Сорокин* отметил, что этатизм, в смысле расширения государственного вмешательства в частное хозяйство, исторически сопутствует обнищанию, войнам, внутренним безпорядкам, резкой противоположности в распределении, а потому сам по себе служит признаком неблагополучия. (The Amerik. Journ. of Sociology, Vol. XXXII. № 2 sept. 1926. Pitirim A. Sorokin, Impoverishment and the Expansion of governmental Control). Мы не можем, однако, согласиться с распространением этих выводов и на социализм, успехи которого являются показателем перевоспитания человеческой психики (ср. ниже ч. III—учение о прогрессе).

мечтой и надеждою на улучшение условий жизни. И действительно, то, чего нельзя достигнуть простым принуждением, достигается в кооперации сознанием собственной выгоды. Каждый работает для других, потому что это выгодно и для него самого. Каждый подчиняется ряду стеснительных правил, потому что слишком наглядна польза общественной дисциплины.

Гигантские шаги в поступательном развитии маслодельных артелей в Сибири, требовавших и понуждавших своих членов к аккуратной сдаче продуктов, могли быть достигнуты лишь благодаря убедительной для каждого выгодности совместных действий. Сотрудничество строится здесь на новых основаниях и в этом—залог успеха кооперации.

Кооперация объединяет своих членов на основе идеи солидарности. Взаимный интерес требует согласования действий и подчинения общему порядку. В кооперации не случайное проявление естественного в человеческом обществе начала солидарности, а организация на основах солидарности; здесь организованное принуждение, наряду с добровольным подчинением ему каждого во имя его собственных интересов. Такая система может быть названа солидаризмом.

3. Солидарность—моральная идея. Система общежития, основанная на этой идее—солидаризм.

Солидарность, как моральная идея, не дает права требовать солидарных действий; солидаризм же подчиняет определенной системе, основанной на правовых началах.

Уже упоминалось, что идея солидарности часто повторяется в учениях современных юристов. И не без основания. Попробуем остановиться на таких отраслях современного законодательства, как трудовое и промышленное право, организация концернов—и мы увидим, как значительно влияние здесь этой идеи.

В трудовом и промышленном праве регулируются взаимоотношения организованных групп или отдельных лиц и группы. Здесь выступает коллектив солидарно действующих лиц — новая активная сила в хозяйстве.

4. Примером может служить коллективный договор о найме труда. Особенности его регламентации связаны теснейшим образом с развитием активности коллектива рабочих, а иногда взаимодействия коллектива рабочих и коллектива работодателей и необходимости согласования интересов рабочих или отдельных предпринимателей с интересами коллектива. Положительные результаты достижимы здесь только при условии солидарности всех членов.

Если заключен коллективный договор, то ни один рабочий,

попадающий под категорию, к которой относится договор, не может уже, до истечения срока договора, потребовать изменения условий труда. А между тем обстоятельства могут измениться в пользу рабочих и, при отсутствии коллективного договора, они могли-бы, например, получить прибавку к заработной плате. Они обязаны, однако, соблюдать договор и не имеют права прибегать к забастовке. Коллективный договор распространяется при этом и на тех рабочих, которые поступили на фабрику или в союз уже после заключения договора и не только не давали согласия на его заключение, но и не могли быть осведомлены о его заключении.

Во имя чего-же отдельный рабочий должен подчиняться коллективу? отказываться от индивидуального соглашения, чтобы не подорвать силы соглашения коллективного? почему рабочие, связанные коллективным договором, должны воздерживаться от стачки в момент, когда предприниматель не мог-бы ее выдержать и пошел-бы на уступки? Все это не во имя каких-то отвлеченных целей и идеалов, а для собственного блага. Отступления и нарушения коллективного договора привели-бы к тому, что этот договор перестал-бы применяться. Рабочий или группа рабочих, случайно выйгравшие от нарушения договора, утратили бы одно из могущественных средств коллективной защиты своих интересов. Выгода целого—в то же время выгода каждого отдельного лица. Здесь солидарный интерес и, в целях его достижения и обеспечения, частный интерес должен быть юридически подчинен общему.

5. Новейшее промышленное право не в меньшей степени характерно для иллюстрации солидаристических начал. Управление предприятиями строится теперь на началах соучастия рабочих. В управление вводится, так сказать, конституционное начало, которое устраняет внутреннюю автократию. Прежнее самодержавие хозяина сменяется демократическими формами фабричных советов, с представительством труда. Эта новая организация свидетельствует о том, что в промышленных отношениях укрепляется сознание общего интереса в благосостоянии предприятия предпринимателя и трудящихся, что и приводит к солидаризации всех участников дела.

Не показателен ли в этом отношении успех системы т. н. компартнершипа, т. е. привлечения рабочих к участию в прибылях предприятия? Формы этого участия очень разнообразны. Применяется, в частности, система выдачи рабочим особых трудовых акций. Так, напр., 26 апр. 1917 г. во Франции был издан закон об акционерных обществах с участием рабо-

чих (les sociètés anon. à participation ouvriére). Закон этот, как и другие ему подобные, проводит ту точку зрения, что не только деньги, но и труд представляет собою капитал (capital argent et capital travail). Поэтому выдача рабочим особых трудовых акций (actions de travail) представляет собою не акт благотворительности, а признание того, что рабочий делает взносы (аппорт) в предприятие трудом и что у рабочего, привыкшего к предприятию, в которое он вносит свой труд, создается настроение соучастия, animus societatis. По закону 1917 г. трудовые акции составляют коллективную собственность всего получающего жалованье персонала, который организуется для этого в кооперативное товарищество рабочих и служащих предприятия. Право голоса дается на каждую сумму, равную низшему жалованью.

В дирекцию акционерной компании, организуемой с соучастием трудящихся, входят обязательно один или несколько представителей кооператива трудящихся.

Интересно отметить, что при ликвидации сначала погашаются акции денежные, трудящиеся же должны нести рйск убытков, разделяя ответственность за предприятие с владельцем его. Другая система привлечения рабочих к участию в предприятии—распространение мелких акций.

В Германии система привлечения эта применена заводами Круппа. В Соединенных Штатах это практикуется уже широко и статистика показывает, что рабочие и служащие являются, нередко, держателями большого числа акций и, таким образом, непосредственно заинтересованы в успехе предприятия. Для будущего уже вырисовывается возможность создания рабочего банка, влияние которого в предприятиях будет выражаться, между прочим, в проведении представителей интересов рабочих в правления.

Все эти юридические институты: коллективный договор, демократизация фабрики, соучастие рабочих в прибылях—привлечение их в ряды акционеров свидетельствуют, что принцип солидарности перестает быть натуралистическим фактом сотрудничества или голою моральною идеею. Он облекается в юридические формы и охраняется юридическою санкциею.

В этом облечении солидаризма в правовые формы мы видим симптоматическое явление. Ознакомление с правовою сущностью некоторых других современных явлений укрепляет в этой мысли.

6. История нашего века отмечена организациею грандиозных концернов. Множество разнообразных предприятий объединяются как в плоскости горизонтальной (однородные), так и вертикальной, т. е. в разных стадиях производства (добываю-

щие сырье, перерабатывающие его и, наконец, распространяющие товары). Объединяются они нередко вместе с банками, пароходствами и железными дорогами и составляют могущественные промышленные организмы, с чрезвычайно сложным взаимоотношением составных частей. Результатом является устранение конкуренции между связанными в одно целое предприятиями. Ценою взаимных уступок покупается согласованность хозяйства.

„Гигантские предприятия современности,—говорит один из выдающихся экономистов нового времени, Фр. Визер[23]),—картели, американские тресты, ставят на место хаоса более свободной конкуренции маленьких хозяев подлинные технические единства; они выполняют те же исторически неизбежные задания, какие выполнены переходом от маленьких государств к великим державам". Но выполняется это, прибавим, не всегда поглощением слабых сильными.

Начало организации концернов было положено картельными соглашениями, создававшими лишь договорные отношения между предприятиями по вопросу о совместных закупках, о размере и сроках производства, о ценах на продукты производства и о распределении районов сбыта. Для достижения общей выгоды отдельные предприятия отказывались или ограничивали конкуренцию. И здесь солидаризация интересов принимает чисто юридический характер, выражаясь в форме взаимных уступок и сопровождаясь необходимыми санкциями.

7. В сущности всякий договор содержит в себе солидаризацию интересов двух сторон, его заключающих. Но в отдельных договорах проявляется та же естественная солидарность, на которой основано всякое сотрудничество людей.

В отличие от солидарности, солидаризм означает, как уже отмечалось, особый тип общественной организации, создающий юридически организованное групповое сотрудничество, коллективы. Здесь не предусматривается все сразу, как при заключении договора, а устанавливается порядок и способы согласования действий и интересов.

Концерны, связывающие различные стадии производства, могут быть организованы, как в форме создания нового поглощающего или руководящего предприятия (фузия), так и путем сохранения самостоятельности отдельных предприятий, но при условии обеспечения их солидарных действий. Этот последний тип организации представляет для нас наибольший интерес.

Здесь недостаточно одних слов и заверений. Одним из са-

23). Fr. Wieser Recht ú Macht. 1910 г. стр. 120.

мых живых вопросов картельного права является вопрос о применении мер принуждения в картельных отношениях, об организованном принуждении (Kartellzwang; Organisazionszwang bei Kartellen). Силы договорного соглашения, даже при наличии всех мер обезпеченья, недостаточно, чтобы понудить членов большого концерна действовать согласно общей цели организации. В основе согласованной деятельности многочисленных предприятий лежит общий интерес, а на вершине находится око контроля и совместно выкованный меч взысканий.

Солидаризм представляет собою систему юридических взаимоотношений внутри общественных групп и между группами, при которой участники обеспечивают свои интересы совместными или согласованными действиями, обязуясь подчиняться установленному в связи с этим принудительному порядку.

Профессиональное и хозяйственное сотрудничество развивают солидаризм, который в настоящее время, благодаря большей сознательности, большему развитию общественности и более широким масштабам совместной деятельности, проявляет себя, как могущественный фактор, перевоспитывает психологию и видоизменяет общественный порядок.

Слово „солидаризм"—крылатое слово. Оно мелькает во всех обзорах новейших правовых институтов. Не здесь ли в самом деле руководящая идея? не может ли солидаризм послужить основою для создания нового правопорядка?

Царство солидаризма находится на пути от либерализма к социализму, от свободы частного хозяйства к государственному регулированью. Солидаризм допускает вмешательство государства и принудительное начало в отношении к личности. Он требует от государства активности, но он ограничивает вмешательство государства признанием собственности и конкуренции и допущением принуждения лишь при условии непосредственной выгоды от него как для общего блага, так и для принуждаемого.

Солидаризм не исключает индивидуализма, но он вносит в него коррективы, рассматривая личность не как обособленный атом, а как часть целого, как члена общества, пользующегося разнообразными выгодами общежития, и потому обязанного к согласованным солидарным действиям внутри однородной группы и к подчинению верховному интересу государства или даже человечества (универсализм в конечной перспективе).

ГЛАВА III.

ФИЛОСОФИЯ СОЛИДАРИЗМА.

1. История идеи социальной солидарности. 2. Попытка Леона Буржуа дать юридическое выражение идее солидаризма: конструкция квазиконтракта и её развитие у Шарля Жида. 3. Социальный долг и индивидуальные интересы (культ „самого себя"). 4. Попытки практического применения идеи солидаризма партиею радикал-социалистов во Франции. 5. Критика солидаризма. 6. Соответствие идеи солидаризма психологии века. 7. Отношение ее к философии персонализма и трансперсонализма. 8. Необходимость юридической разработки вопроса по новейшему законодательству.

1. Солидаризм, как социальная доктрина, продукт нового времени, хотя идея социальной солидарности стара, почти как сам мир, а солидаризм, как факт, родился вместе с человеческим обществом.

Самое древнее выражение этой идеи можно видеть в басне Менения Агриппы, у ап. Павла и у царственного философа Марка Аврелия, исходивших из биологической идеи сосуществования многих и разнородных членов одного организма.

И в новейшее время учение о солидарности нередко получает выражение в самых расплывчатых формах. Огюст Конт говорил о солидарности теоретических идей и моральных принципов. Дюркгейм объяснял солидарность необходимостью разделения труда. В книге Флеран [24]), она трактуется в связи с вопросом наследственности, с аналогиями между заразою с одной стороны и распространением идей и общностью художественных восприятий с другой; наконец, как и у Дюркгейма, она ставится им в связь с теорией разделения труда и учением о взаимозависимости предприятий.

Корниль[25]) вкладывает в понятие солидарности христианскую заповедь любви к ближнему.

2. Даже Л. Буржуа[26]), глава партии социалистов-радикалов во Франции, которому принадлежит первая попытка дать солидаризму юридическое выражение, прибегал к сравнению солидаризма с естественным законом тяготения. Но именно он попытался укрепить солидаризм, как самостоятельную юридическую систему и сделал его „официальною философиею третьей республики".

---

24). *E. Durkheim* Division du travail 1893; *Fleurant*, Sur la solidarité P. 1907.

25). *G. Cornil* Le droif privé P. 1924 стр. 42.

26). См. Annales de l'institut internat. de sociologie T. XII. La solidarie sociale dans le temps et dans l'éspace. P. 1910, доклад Ferd. Buisson, стр. 264.

Фигура солидаризма взирает с потолка парламента на законодателей, как покровительница законов социальной гигиены и взаимопомощи [27]). Солидаризму недостаточно возродить моральное чувство, он стремится восполнить систему права, к декларации прав он присоединяет декларацию обязанностей, но он не ограничивается этим, он готовит для этих обязанностей юридические санкции.

Сущность учения Л. Буржуа о солидаризме заключается в том, что между людьми существует quasi —контрактное соглашение в широком смысле слова, немой договор, в силу которого люди обязаны делить между собою радость и горе. „Каждый человек рождается должником человеческого общества“ [28]). Квази—контракт признается задним числом.

Закон должен санкционировать это признание, так как стороны сами признали бы его, если бы свободно обсуждали, оказавшись в равных условиях [29]).

Справедливость исправляет ошибки своей слепой сестры, взимая с тех, кому дано слишком много, для тех, кто имеет на это право.

Ш. Жид, большой приверженец этого учения, развивает его таким образом. На вопрос, кто субъект обязанности?—он отвечает: тот, кто обогатился в силу фактической солидарности. На вопрос—кому должен или кто управомочен?—он отвечает: определенных кредиторов нет, их представляет государство. Вопрос—как и сколько платить? разрешается государством, которое устанавливает налоги, исходя из того, как урегулировало бы отношения само общество [30]).

Сам Л. Буржуа, как юрист, хорошо понимал искусственность своей конструкции и, по свидетельству Ш. Жида, использовал ее меньше, чем его последователи. Но если его теория слаба конструктивно, то это не уменьшает ее ценности, как некоторой, хотя и неудачной, попытки найти общую формулу для ряда весьма интересных мыслей.

3. Идея Буржуа устраняет широкое вмешательство государства в частно-правовую сферу. Ограничения частных прав предполагают взаимное согласие (un consentement mutuel). Государство может только санкционировать достигнутые соглашения и охранять соблюдение свободно установленных условий. Государство не должно, таким образом, устанавливать такие огра-

27) *C. Bougle*, Le solidarisme P. 1907.

28) *L. Bourgeois*, Solidarité 7 ed. 1912 r, p, 54.

29) Там-же, стр. 61.

30) См. *Ch. Gide*, Hist.—des doctrines économiques 3 ed. 1920. p. p. 693-724, в частности 705 и др.

ничения и предъявлять такие требования, которые не могли бы быть поставлены самими заинтересованными.

С другой стороны—солидаризм, понимаемый, как quasi — контракт, отрицает полную и неограниченную свободу. Он сближается до некоторой степени с мютюализмом: свобода каждого ограничена его обязанностями по отношению к другим. Государство приобретает право вмешательства только для поддержания начала справедливости и равенства во взаимоотношениях частных лиц.

Таким образом, солидаризм избегает крайностей этатизма и в то же время не допускает того извращенного индивидуализма, который сводится к культу „самого себя" (culte de soi même [31]).

Поддерживая идею социального долга, „солидаризм напоминает нам, что мы не можем претендовать на неограниченную свободу в том обществе, организацией которого мы пользуемся, и что, в частности, мы не можем обладать таким правом собственности, которое не испытывало бы никаких ограничений. Точнее, теория квази—контракта подчеркивает необходимость подчинить коллективному контролю договорную автономию отдельных лиц" [32].

Разрушая отвлеченную идею изолированного человека, Буржуа отрицает равным образом и отвлеченную идею государства, изолированного от человека и противополагаемого ему. Государство должно оказывать регулирующее влияние на частное хозяйство.

Различие между областью частного и публичного права от этого не устраняется, но границы между ними становятся менее резкими и взаимоотношение их, долго игнорировавшееся, проявляется со всею значительностью, которая им свойственна [33].

Все эти мысли значительно интереснее, чем формула квази—контракта, которая должна была их синтезировать. Рассуждения французских ученых о солидаризме содержали в себе еще и другие любопытные соображения.

Французские солидаристы отмечают, что в маленькой примитивной группе коллективное начало действует тиранически. В сложном и большом общежитии конкурируют индивидуальные и социальные интересы, складывается взаимодействие индивидов, группы индивидов и государства. Здесь впервые вырабатывается сознание, что социальный интерес требует уважения и поддержки индивидуальных интересов [34].

[31] *Bouglé*—о. с. р. 108, 108, 155,
[32] Там-же, стр. 92.
[33] Там-же—стр. 148.
[34] *Bouglé* о. с. стр. 133.

4. Солидаристы искали различных практических выводов из своего учения. Они намечали целую социальную программу, которою руководствовалась политическая партия радикал—социалистов: безвозмездное всеобщее обучение в школах всех степеней, обеспечение прожиточного минимума, страхование от несчастных случаев и безработицы, развитие ассоциаций, особенно кооперации [35]).

Общий характер социальной доктрины солидаризма определяется его отношением к собственности.

В социальных доктринах нашего времени собственность занимает центральное место. Либерализм и социализм исходят из различного отношения к собственности и этим определяется глубокое различие экономических систем, которые складываются на противоположных основах либерализма и социализма.

Естественно, что исследование солидаризма, как особой системы юридических отношений, создающей особый хозяйственный и общественный уклад жизни, требует определенного ответа на вопрос об отношении этой системы к институту собственности.

Собственность должна быть защищаема, она необходима, говорит Буржуа. Солидаризм сохраняет базу современного социального порядка (Ш. Жид).

Но солидарность предполагает всегда некоторую жертвенность. Поэтому собственность должна быть, по учению солидаристов, менее абсолютною [36]). Солидаризм оказывает на право такое влияние, что его можно назвать социал-реформизмом или основою правового социализма (du socialisme juridique) [37]).

Остается еще вопрос, какими же средствами предполагают солидаристы осуществить свою реформаторскую программу. Допускают ли они и в какой мере принуждение сверху?

„Социальная проблема,—говорит Буглэ,—это, в последнем слове, проблема воспитания". „Без предварительной социализации идей мертвою буквою останется социализация имуществ. Люди должны стать социальными существами [38]).

Синдикальное и профессиональное движение, кооперативы,

---

35) *Ch. Gide*, Hist. des doctr. économiques. Ср. его Cours d'Economie politique, где он обосновыв ает необходимость помощи несчастным во-первых тем, что в их несчастьи виновны те, кто может помочь, и во вторых тем, что от распространения несчастья все пострадают. Ср. Annales т. XII (выше прим. 14) доклады о взаимопомощи, страховании и др.

36) L. *Bourgeois*, Solidarité стр. 188; ср. *Ch. Gide*, Cours d'Economie politique. *L. Bourgeois* и др. Applications sociales de la solidarité (1903) Préface и статья Ch. Gide p. 46 и сл. См. его же Essai d'une philosophie de la solidarité (conférences et discussions) 1902. особ. доклад *Raüch*, Propriété individ. et propr. solid,

37) См. *C. Bouglé*, Solidarisme p, 181 и *Ch. Gide*, Hist. des doctr. economiques. *A. Fouillé*. Le socialisme et la Sociologie reformiste. 3 ed. 1926.

38) *C. Bouglé*, Solidarisme—p. 181

кассы взаимопомощи—вот школа, воспитывающая демократию и солидаризм. „Корпоративный эгоизм облагораживается, постепенно расширяясь до пределов, при которых он охватит все человечество“ [39]). Солидаризм воспитывает в духе кооперации sub specie societatis, он приучает мыслить себя, как часть целого, благо которого—свое благо[40]).

Идея принудительной солидаризации встречает, в общем, отрицательное отношение со стороны солидаристов[41]), но Ш. Жид считает, что и принудительные формы солидаризации не плохи. „Хотя, с точки зрения моральной ценности, солидарность по обязанности ниже, чем свободная, но первая может подготовить вторую“.[42]).

Такова доктрина солидаризма, если разбросанные в различных книгах и статьях мысли собрать в систему[43]). Солидаризм находил более гостеприимный приют у экономистов и моралистов, чем в юридических исследованиях. Неудачная формула квазиконтракта, лишенная определенности и чрезвычайно растяжимая, не могла стяжать себе успеха у формально-мыслящих юристов.

Но они ничего не сделали со своей стороны, чтобы углубить солидаризм и развить его в правовую систему [44]). Недостаточно разработанною осталась и теоретическая сторона вопроса.

Сам Ш. Жид в курсе истории экономических учений говорит, что „нет школы солидаризма в собственном смысле слова, в том смысле, как говорится об исторической, либеральной школе или о марксизме. Есть флаг, который вывешивается раз-

---

39). *Ch. Gide*, Hist. dès doctr. économ. 3-e ed. p. 722.

40). *C. Bouglé* там же стр. 24.

41). *L. Bourgeois*, Solidarité 7 ed p. 244

42). *Annales* T. XII (см. прим. 14), доклад *Ch. Gide*, La solidarité dans l'espace. стр. 171.

43) В русской литературе *Б. Кистяковский*. Соц. науки и право М. 1916 г. стр. 587—589: „теория солидаризма неудачна, несмотря на правильность ее исходных социально-научных принципов“. По мнению Кистяковского, солидаризм следует строить на системе субъективных публичных прав; *В. Е. Спекторский*—Теория солидарности, „Юр. Вестник“ 1916 г., кн. XI, стр. 92 сл., его же „Христианство и культура“ Прага 1924 г. стр. 186 и 188. „Социация, говорит проф Спекторский, стремится провести во взаимоотношения людей начало общественности, солидарность и сотрудничество всех членов общежития, основанное не на принуждении, а на соглашении. *П. Новгородцев*—Кризис современного правосознания (в начале и конце). Надо обосновать солидаризм, как корректив права, а не ограничиваться чувством солидарности. Наше время ищет солидарности власти и народа. Развитие в духе справедливости и всеобщей солидарности—руководящая цель политики,—ср. *С. А. Котляревский* „Предпосылки демократии“, Вопр. Фил. и Псих. кн. 77, стр. 122—123. Проф. *Ф. В. Тарановский*—„Энциклопедия права“ 2-ое изд. Берлин 1923 г. стр. 179; „под знаменем общественной солидарности... совершается возрождение естественного права в наше время“. Ср. также Проф. *В. Синайский* Основы гражданского права В. I Рига 1924 г. стр. 38: „современное общество пытается сочетать начало ратвитой индивидуальности с повышенною социальностью“.

44) Ничего не прибавляет в этом отношении и сторонник солидаризма талантливый административист Hauriou.

личными школами и который помогает обосновать цели, иногда очень различающиеся“ [45]).

5. Критики солидаризма указывали, что 1) солидаризм не дает выхода из тупика неравенства и социальный вопрос не м. б., поэтому, разрешен солидаризмом, что 2) эволюция ведет к эмансипации личности, а солидаристы поворачивают вспять, 3) что солидаризм не развивает в человеке действенной любви и уменьшает чувство личной ответственности, перелагая ее на все общество, что 4) солидаризм понижает энергию борящихся за свои интересы (классовую борьбу).

Жорес высмеивал солидаризм, как систему паллиатива: „немножко хинина, немножко фенола“, а в социальном организме остается зародыш всех болезней—частная собственность.

Критики исходят, таким образом, из различных принципов. Солидаризм никогда не удовлетворит тех, кто увлекается утопиею насаждения равенства, или тех, кто хочет уничтожить частную собственность. Солидаризм отрицает классовую борьбу, как единственное средство преобразования общества, он не ограничивается также проповедью благотворительности, т. к. он привлекает к активности общественные организации и государство, ищет юридических санкций и гарантий.

Солидаризм проникнут верою в человека, в его способность к моральному совершенствованию, но он не страдает излишним оптимизмом и, поэтому, не предлагает коренных ломок.

6. Солидаризм является этапом прогрессивного развития человека, психика которого становится постепенно более социальною.

Испокон веков человек должен был сознавать все выгоды участия в обществе. Никогда человек своими единичными усилиями не мог бы обеспечить себе таких жизненных удобств, такого разнообразия культурных благ и такой возможности усовершенствований, какие представляет ему общественная организация.

Сознанием этого поддерживается принудительное подчинение государственной власти и поощряются случайные объединения по свободной инициативе и добровольному согласию объединяющихся. Рост социального сознания благоприятствует тому, что общественная организация может укрепляться даже при смягчении принудительного начала. В этом случае за счет принудительных государственных организаций развиваются крупные общественные группировки, объединяющие однородные интересы. Каждый новый член их подвергается ограниче-

[45]) О. С. стр. 709.

ниям, которые компенсируются выгодами его участия в организации.

Поскольку такого рода объединения завоевывают видное положение в государстве, общественный строй меняет свои очертания. Государство составляется из влиятельных общественных организаций, которые становятся между государственною властью и отдельными гражданами.

Государство не представляет из себя организованного насилия, оно возникает в естественном процессе жизни, как высшее объединение всех тех людей, стремлений и интересов, которые слились в одно историческое целое, народ. Государство представляет их солидарные интересы: внешнюю безопасность, внутренний порядок, единство права, суд, денежную систему и т. д. Все это соборные задачи и интересы, которые наилучшим образом обслуживает государство. Таким образом, каждое государство, как каждое правовое объединение, заключает в себе начало солидарности.

Но, солидаристическое государство представляет собою особый тип. Его особенностью является иерархия солидаристически построенных общественных организаций, которые, охватывая по возможности все население и представляя все его интересы в параллельно сосуществующих организациях, стремятся не к поглощению одних другими, а к согласованному сотрудничеству в государстве, как в высшем единстве. Государство этого типа, составленное из корпораций, может быть названо корпоративным. Теоретические идеи и практические опыты, относящиеся к этому новому типу государства, излагаются подробно в дальнейшем (см. глава VIII).

Такого рода государство предполагает достаточное воспитание общества в духе солидаризма. Психологическою базою солидаризма остается человеческий эгоизм, но сознавший выгоды самоограничения. Залогом его успеха является сознательность, но он не может все же вовсе обойтись без принуждения, хотя бы для того, чтобы обеспечить выполнение добровольно принятых обязательств.

Солидаризм исходит из теории прогресса на основе постепенного улучшения человеческой психологии (natura non facit saltus) и опирается на социальный опыт, свидетельствующий, что, при современном еще вовсе не высоком уровне цивилизации и культуры, осуществимы только те общественные преобразования, которые не игнорируют человеческого эгоизма.

Солидаризм может создать новые формы примирения индивидуальных и общественных начал и хотя он вызывает необходимость вхождения отдельных лиц в различные организации

и согласования личных интересов с общественными, но здесь движение вперед, а не вспять, как полагают некоторые критики. Солидаризм не подавляет личность, не уничтожает эмансипацию, достигнутую на основе индивидуализма, а открывает для нее более широкие возможности, т. к. всякое ограничение и принуждение, которое он устанавливает, обеспечивает выгоду и тому, кого ограничивает или принуждает. В то же время солидаризм объединяет усилия людей, имеющих общий интерес, организуя их для совместной работы в общих интересах. Не уменьшая активности отдельных лиц, он расширяет объем их достижений.

Идея эта не всегда могла бы пользоваться успехом.

Бентам, защищавший начала индивидуализма, не опасался его крайностей, так как находил, что личный интерес человека, его эгоизм разумно понятый, научат его соблюдать интересы общества, в котором он живет. Принуждение ненужно, так как согласование интересов индивида и общества будет происходить само собою. Действительно, в то время, когда развивал свои идеи Бентам, еще необходима была возможно большая свобода от всяких ограничений. Государственный порядок, как учил Бенжамен Констан, должен был охранять три свободы—свободу личности, собственности и совести, три неотъемлемых права человека.

Принуждение к солидарным действиям не только противоречило бы духу этой эпохи, которая должна была воспитать независимую и уверенную в себе личность, но было бы и бесполезно, так как культурная подготовка общества была еще в то время недостаточною. Но эволюция общественной психологии делала свое дело. Современный человек уже достаточно понимает необходимость и выгоду согласованных действий и участия в обществе.

Право не только может, но и должно содействовать этому прогрессивному явлению, предоставляя помощь своего арсенала: т. е. поощряя и принуждая, награждая и наказывая.

Но и здесь успех будет обеспечен лишь в том случае, если не будет преувеличена способность современного реального человека проникаться социальными интересами. В отличие от Бентама, мы можем теперь говорить, как о факте, что современный человек уже достаточно проявляет способность действовать солидарно с другими, в интересах своей выгоды, и что можно, поэтому, не бояться прибегать к принудительным и ограничительным мерам, когда они оправдываются общею выгодою. Применение репрессивных мер будет, при современных условиях, уже не общим правилом, а исключением.

Таким образом, идея солидаризма—продукт чисто реалистического мировоззрения. Она не представляет собою отвлеченной идеалистической формулы, в роде категорического императива (Кант) или „воления свободно хотящих людей" (Штаммлер), формулы, взятой вне времени и пространства. Идея солидаризма основывается на учете реальных данных: культурного уровня и психологии общества.

7. Наиболее важным вопросом философии солидаризма является определение его отношения к проблеме персонализма и трансперсонализма (терминология Радбруха)). Первый, отвечая началам индивидуализма, считает верховною идеею права обеспечение свободы творческих достижений личности. Искони человек обнаруживал безграничные дерзания, так увлекательно изображенные в легенде о похищении огня Прометеем. Персонализм обещает обществу высшее развитие, если этим дерзаниям духа будет открыт свободный путь. Предоставление человеку прав при этой системе дается не для достижения к. л. целей, а потому, что некоторых прав человек не может быть лишен.

Трансперсонализм, наоборот, делает личность средством для достижения тех целей, которые выдвигает общество. Отвечающий этому направлению Гражданский Кодекс Р. С. Ф. С. Р, в ст. 4 определяет, что гражданская правоспособность дается „для целей развития производительных сил страны".

Практическая сторона этих идей проявляется во взаимоотношениях личности и государства[46]). Система трансперсонализма способна беспредельно расширить власть последнего, жертвуя индивидуальными интересами в пользу „общего блага". Власть, как выразительница интересов целого, снабжается беспрекословным авторитетом. По учению идеолога абсолютизма, Гоббса, если человеку все позволено в естественном состоянии, когда он служит своим потребностям, то князю все позволено в социальном состоянии: здесь сила на службе у общего блага. Не в меньшей степени беспредельна власть народного суверенитета по учению Руссо. Хотя и вопреки истинному желанию автора „Общественного договора", его учение отдает человека „общей воле" (volonté générale) целиком, вместе с его совестью, его благами, его жизнью. Сам Руссо всегда предполагал, что государство не может не уважать таких прав, как свобода и равенство, потому что они даны природою и относятся к государству и обществу, как предыдущее к после-

46). См. *Beudant*, Le droit individuel et l'Etat. 3-e ed. P. 1920 особ. стр. 105-109, 162, 231, 245.

дующему[47]). Но учение Руссо было вульгарно понято, оно вдохновляло Конвент и оправдывало террор во время Великой французской революции, а теперь перевоплотилось в идеи беспредельной власти коммунистического государства, с его „железною метлою".

Совсем иначе учил Локк, который выдвигал на первый план индивидуальные права—свободы и собственности и всегда горячо возражал против всякого рода абсолютизма, как монархического, так и народного. Он настойчиво опровергал, что соглашение, создающее государства, равносильно признанию беспрекословного авторитета власти: „что за смысл гарантировать себя от куниц и лисиц и соглашаться предоставлять себя на съедение больших хищников".

Таковы две противоположных точки зрения, выражающие идеи трансперсонализма и персонализма в применении к праву.

В течение ряда веков римское право воспитывало народы в духе индивидуализма. Оно способствовало эмансипации человеческой личности от разнообразных ограничений: семейных, цеховых, феодальных, и культивировало собственность, про которую Фулье сказал: „спустите идею свободы с ее метафизических абстрактных высот в область позитивную и реальную и она примет там новую форму и получит новое имя, она будет называться собственностью". Конденсируя эту идею, можно сказать,—говорит Фулье, „собственность это свобода, ставшая видимою".

Когда под сенью римского права идея индивидуализма укрепилась, центр тяжести был перенесен в гарантии, давшие политические свободы и обеспечившие уверенное спокойствие и сознание безопасности.

Этим задачи индивидуализма оказались выполненными. Он воспитал сознательную личность и утвердил формальное равенство и свободу. Эти достижения индивидуальной культуры останутся лучшим ее наследием. Никакие экономические выгоды не могут заменить сладости свободы и не оправдают в глазах сознательного и культурного человека угнетения его личности.

Однако, индивидуализма в его прежних формах уже не существует. Как уже неоднократно указывалось, социальные тенденции века отразились и на собственности и на свободе договоров и на конкуренции. Предоставление собственнику возможности не допускать никого к пользованию водопадом, который может обогатить страну при утилизации его энергии, покажется ныне чудовищным, а между тем по принципам индивидуализма

[47]). Ср. *Del Vecchio.* Des caractéres fondamentaux de la philosophie politique de Rousseau. P. 1914 стр. 9.

это совершенно последовательно. Государство сознает теперь свою обязанность ограничивать индивидуальные права, когда они слишком резко сталкиваются с интересами общественными. Никому не покажется теперь противоестественным вмешательство государства в договорные отношения предпринимателя и рабочего, хотя и здесь нарушается принцип договорной свободы.

Крайний индивидуализм ослабил бы современное культурное государство.

С другой стороны, слабость индивидуальных усилий властно диктует стремление к солидарности. Индивид не в силах в современных условиях обеспечить свои интересы, без деятельного содействия общественных сил.

Таким образом, в интересах личности необходимы сильные общественные организации и властное государство, а в интересах государства необходимы некоторые ограничения индивидуальных прав, не обременительные для сознательных и культурных граждан.

Компромисс, к которому приводит развитие культуры, заключается в том, что из числа индивидуальных прав ограничениям подвергаются лишь те, которые не затрагивают высших духовных интересов человека [48]). Ограничения касаются почти исключительно имущественных прав или тех, которые ближайшим образом с ними связаны. Основные начала индивидуализма этим не нарушаются, завоевания его остаются в силе, но в него вносятся существенные поправки.

Даже римское право, несмотря на свой индивидуализм, знало различные ограничения частной воли. Так, напр., свобода завещаний ограничивалась необходимым наследованием и правилами об отказах. Эти ограничения не казались, однако, насилием, потому что они соответствовали взглядам населения. Римские граждане и без того в массе случаев не лишали своих ближайших родственников наследства. Принцип наследственного права римлян выражала поговорка: **solus deus heredem facere potest**, иначе сказать—наследники рождаются, а не назначаются.

Точно также не подавляют личность и те ограничения индивидуальной воли, которые вытекают из необходимости солидарных действий, когда выгодность их становится ясною большинству и люди воспитываются в привычке к солидаризации интересов. Сохраняя в неприкосновенности все права, охраняющие духовные блага: права свободы и равенства, солидаризм подчиняет человека некоторым ограничениям в имущественной области, с целью согласования противоположных интересов и для обеспечения общей выгоды.

[48]) Ср. *Покровский* „Основные проблемы гр. пр.“. стр. 59 сл.

Солидаризм преследует ту же конечную цель, как и индивидуализм — организовать общество, в котором личность была бы наиболее свободна и обеспечена, т. е. общество солидарных и свободных граждан.

Солидаризм чужд, таким образом, трансперсонализму и в теории и в практике. Он не навязывает личности тех целей, которые чужды ей, и не приносит индивидуальные интересы в жертву „общему благу", если эта жертва не вознаграждается выгодами для участников солидарной группы.

Но солидаризм отступает и от персонализма. Он высоко ценит значение общественной организации, в частности государства, для обеспеченья свободы и благосостояния личности, и признает необходимость жертв на благо того общественного целого, без которого личность оказалась бы беспомощной в борьбе за существование.

Философия персонализма и философия трансперсонализма одинаково односторонни. Они созданы качанием маятника отвлеченной мысли, которая выражала в подобных обобщениях не реальные отношения, а тенденции времени.

Подлинная действительность, как она изучается в настоящее время социологами, знает и индивидов и социальные группы, как одинаково реальные элементы. Они находятся в постоянном взаимодействии: то солидарны, то антагонизируют. Солидаризм основывается на этом реальном социалистическом базисе. Поскольку он представляет из себя юридическую систему, связывающую составные элементы социальных групп, он не может игнорировать существующего антагонизма, противоположных и враждебных настроений. Но в конечном результате каждая юридическая система вносит примиряющее начало, так как та социальная группа, в которой преобладал бы антагонизм, неизбежно распалась бы; то общество, в котором между его членами не было бы солидарности, представляло бы группу вечно враждующих людей.

Противопоставление индивида обществу и обратно, как это делает философия персонализма или трансперсонализма, условно, потому что в действительности общество состоит не только из индивидов, но и из групп, и только в исключительных случаях одинокая личность выступает против всего общества: обычно одна солидарная группа борется против другой солидарной группы.

Таким образом, философия солидаризма занимает обособленное место; она не примыкает ни к персонализму, ни к трансперсонализму; она признает одинаково важными и

индивидуальный и общественный элементы человеческого общежития.

Практическая сторона солидаризма — гармонизация общественных и личных, государственных и индивидуальных правоотношений. Общество и личность, государство и гражданин взаимно управомочены и обязаны, одна сторона в отношении другой. На каждую сторону возлагаются обязанности, так чтобы обе стороны могли развить наибольшую активность и, при этом, государство или общество не подавляли личность, но в то же время не были бы распылены и расслаблены независимостью своих составных частей. В этом сказывается преодолевание индивидуалистических воззрений и односторонности.

Осуществление этих практических задач солидаризма должно происходить постепенно, но непрерывно. „Часы человеческого общества—живые часы; их надо починять, не останавливая" (Шиллер). Солидаризм как-раз и ищет тех процессов, которые поддерживают закономерное движение стрелки человеческой культуры на пути к прогрессу.

Идеи и цели солидаризма могут проложить себе широкий путь, но для этого нужна дальнейшая их разработка и освещение, в частности, с юридической точки зрения. Современное законодательство, как мы уже видели, дает достаточный для этого материал. Вместо придумывания юридических конструкций, следует внимательно всмотреться в юридическую сущность тех явлений, которые отражают в праве самою жизнью творимый солидаризм.

ГЛАВА IV.

СОЛИДАРИЗМ И СОБСТВЕННОСТЬ

(организация хозяйства).

1. Опыт великой войны и попытки организации народного хозяйства. 2. Английский земельный закон 1920 года. 3. Признание солидаризмом собственности и связанных с нею институтов, как базы. 4. Отношение солидаризма к системам централизованного и децентрализованного хозяйства. 5. Административно-хозяйственное право. 6. Личная и корпоративная активность.

1. Базою солидаризма служит частно-правовой строй с его непременными аттрибутами: частною собственностью, свободою договоров, семьею и наследованием.

Все эти институты солидаризм принимает, как необходимые предпосылки. Он относится к ним не как к пережиткам, которые надо постепенно вытравить, а как к живым, действен-

ным и полезным началам, отвечающим современному уровню человеческой культуры, почерпающим свою силу в психологии реального человека и способным стимулировать хозяйственную деятельность на пользу материальной и духовной культуры.

Эти основные положения отмежевывают солидаризм от социалистических доктрин, которые, как бы они ни представляли себе будущее устройство, с полным ли уничтожением частной собственности (марксизм) или лишь с преобразованием ее путем замены индивидуальных собственников коллективными и согласованием их действий (гильдейский социализм) — все же исходят всегда из отрицательной оценки частно-правового строя и стремления к радикальному его преобразованию.

Социализм устраняет свободу хозяйственной самодеятельности, его принцип — государственная организация хозяйства. Отличие солидаризма от этой системы властного вмешательства государства в сферу частного хозяйства проявляется и в его отношении к собственности: он предполагает сохранение собственности и вносит существенные коррективы лишь там, где начала хозяйственного либерализма стали совершенно непригодными.

Опыт организации хозяйства, при сохранении собственности, был проделан во время великой войны [49]). Наиболее ярко выражена была организованность хозяйства в Германии и вдохновитель ее, Ратенау, предлагал и впредь сохранить за государством руководство хозяйственною деятельностью, с целью рационализации хозяйства, но без уничтожения частной собственности и частной инициативы. Частные хозяйства существуют, но подчиняются общехозяйственному регулированию [50]).

Сотрудник Ратенау, Мöллендорф, развивая ту же идею, предложил план объединения представителей однородной промышленности и управления предприятиями при участии паритетных органов из рабочих и предпринимателей.

Эти идеи нашли себе отражение в новейшей германской конституции, создавшей рабочие советы на фабриках и Державный Хозяйственный Совет, который внедряется в социальную систему и самым фактом своего существования прививает новые начала в хозяйственной организации [51]).

2. Иллюстрацией того влияния сверху на частное хозяйство, которое мыслит система, рекомендуемая Ратенау, может служить Английский земельный закон от 23 декабря 1920 г., содержащий следующие любопытные постановления. „Если ми-

[49]) См. н а ш у работу „Продовольственное Законодательство", очерк организации народного хозяйства во время войны Омск. 1918 г.

[50]) *W. Rathenau.* Gesammelte Schriften 1925. B. III.—Von Kommenden Dingen, bes. 161—162; Die neue Wirtschaft. B. V, особ. стр. 250.

[51]) *E. Westhoff*—System des Wirtschaftsr. B. I. L. 1926 г. стр. 31.

нистр земледелия полагает, что пахотная земля или пастбище (не являющиеся парком, садом или местом для охоты) эксплоатируются несоответственно правилам хорошего сельского хозяйства, что производство продовольственных продуктов на этой земле (в интересах нации, без ущерба для управомоченного и без изменения общего характера имения) может быть поддержано на теперешнем уровне или увеличено оккупантом посредством улучшения теперешнего способа обработки земли, что оккупант или собственники пренебрегают без достаточных оснований производством необходимых для поддержания хозяйства работ,—он может сделать соответственным лицам указания о том, что необходимо произвести указанные работы в определенный срок или что земля должна обрабатываться, согласно его инструкциям, по правилам хорошего сельского хозяйства или так, чтобы гарантировать необходимые улучшения применяемого способа обработки. В случае неисполнения—штраф до 20 фунтов и за каждый день промедления по 1 фунту. Если отказывается произвести необходимые работы собственник, то может быть уполномочен произвести их за его счет арендатор. Если собственник значительно ухудшит свое имение, так что причиняет значительный ущерб продовольственной продукции или благополучию лиц, это имение обрабатывающих, то министр земледелия может назначить определенное лицо заведывать и управлять имением" [52]).

Примеров подобных ограничений в частном хозяйстве после великой войны можно найти немало Нередко высказываются и идеи об организованном хозяйстве[53]).

Эти разрозненные идеи и системы, исходящие из соображений целесообразности, можно объединить принципами солидаризма.

Солидаризм исходит из реальных основ. Его задача—способствовать тем процессам, которые сами собой зарождаются в обществе под влиянием вновь возникающих потребностей и отвечают идее самоограничения в целях совместной выгоды. Солидаризм рассматривает подобное самоограничение, как проявление более высокой социальной психологии, свидетельствующей о развитии общественного духа, и там, где усматривается достаточная подготовка для восприятия соответствующих мер,

[52]) См. *Гойхбарг* „Очерки преобразования земельного и гражд. права в буржуазных государствах" Москва. 1925 г. стр. 42.

[53]) Ср. особенно литературу „хозяйственного права", напр., A. Nussbaum. D. neue D. Wirtschaftsrecht 1922, говорит (стр. 46-47), что „государство не может, по прежнему, предоставлять предпринимателям полной свободы" и потому создаются т. н. смешанные предприятия (с участием государства), принудительные синдикаты и др. К этому же направлению можно отнести и предположения о „государственно-частном" хозяйстве, излагаемые *Н. Н. Алексеевым* в очерке „Собственность и социализм" Париж 1928 Автор считает полезным расширение положительных прав государства в отношении собственников и подчинение последних обязанностям по отношению к обществу.

допускает инициативу государства для ускорения процесса солидаризации.

Принимая собственность, как могущественную и полезную силу, нельзя закрывать глаза на возможные извращения в практическом ее применении. Как мы писали в нашей книге „Водное право[54]), социальное значение собственности обращается в свою противоположность, когда право употреблять собственность во зло (jus abutendi) находит себе реальное проявление. Если собственник источника бесполезно затрачивает воду, в которой чувствуется вопиющая нужда другими, или собственник водопада без разумных хозяйственных оснований не разрешает пользоваться водною энергиею, которою не пользуется сам, то собственность перестает себя оправдывать и возникает основание для ограничения ее или подчинения принудительным нормам.

Существование частной собственности не противоречит принципам солидаризма, поскольку собственник, действуя в своих интересах, обслуживает, хотя бы незаметно для себя, и общественные интересы. Но если действия собственника явно вредны для общества, то это рассматривается уже как „злоупотребление правом". Солидаризм требует тогда ограничительных мер, нисколько не нарушая последовательности в принципиальных своих положениях.

Солидаризм оправдывает вмешательство государства также в тех случаях, когда надо предупредить неизбежно вредный для общества результат. Такие меры всегда существовали, даже в период расцвета самого яркого индивидуализма и здесь нет ничего оригинального.

Что касается добровольного самоограничения для совместной выгоды, то оно не всегда достаточно заметно проявляется. Мы видели примеры такого самоограничения в коллективном договоре, когда примыкающие к нему отказываются от принадлежащей им свободы индивидуальных соглашений. В отношении собственности мы можем воспользоваться примером водных товариществ, члены которых добровольно подчиняют себя принудительным правилам для осуществления общеполезных предприятий.

Солидаризм не только поддерживает подобные начинания, требуя помощи принудительного аппарата для гарантии выполнения добровольно принятых обязательств, но и требует поощрения и стимулирования инициативы в направлении синдицированья. Для достижения этого, государство можно принуждать ко вступлению в соответствующие организации или, что более соответствует принципам солидаризма, устанавливать невыгодные

54). *Г. К. Гинс,* „Современное водное право." Хрб. 1928 г. стр. 228.

последствия для уклоняющихся или не сознающих выгоды совместных действий.

Оправданием вмешательства государства в частную сферу является выгода, которую получат отдельные лица от общего начинания. Целью вмешательства является не только устранение искусственных тормозов общеполезного дела, но и внедрение принципов солидаризма, поддержание авторитета идеи, для расширения сферы ее практического применения.

Концессионное законодательство, способствующее созданию прочных индивидуальных прав, также проникнуто принципами солидаризма, которые проявляются в специальных условиях, обеспечивающих согласование деятельности концессионного предприятия с общественными интересами.

Таким образом, солидаризм предполагает частичное регулирование хозяйства, сближаясь в этом отношении с этатизмом.

4. Неизвестно, будет-ли когда-нибудь существовать такая система хозяйства, когда все будет построено по строго продуманному плану и подчинено единому руководящему центру. Подкупающая своею рационалистическою красотою идея „централизованного" хозяйства на деле, после опыта войны[55]) и коммунистического эксперимента, вызвала глубокое разочарование. Но это не значит, что система децентрализованного „стихийного" хозяйства сохранит навсегда и везде нераздельное господство[56]). Если „нэп" представляет собою частичный возврат к началу децентрализации, то, с другой стороны, такие явления, как кооперативное объединение производителей, водное законодательство, знаменуют движение на встречу организованному хозяйству.

Как мы увидим дальше, водное право не проводит начала централизованного водного хозяйства в полном смысле слова, но даже индивидуалистические системы водного законодательства направляют и корректируют действия собственников и пользователей, в целях согласования частных и общих интересов, они намечают некоторую среднюю форму, которой, быть может, и принадлежит ближайшее будущее. Форма эта—солидаризированное хозяйство.

Двум названным выше системам хозяйства: централизованному и децентрализованному соответствуют две системы права: публичного и частного. Централизованное хозяйство предпола-

55). См. нашу работу „Продовольственное законодательство" (выше прим. 49) стр. 52 сл. и 60. Основательная критика тенденции социализировать хозяйство у проф. *Р. Лифмана*, Формы предприятий 1924, стр. 248 сл.

56). Различение систем централизованного и децентрализованного хозяйства впервые предложено проф. *Leo. v. Petrazycki*, die Lehre v. Einkommen т. II стр. 708. Ср. проф. *Покровский*—Основные проблемы гражданского права, стр. 9-10.

гает господство принудительных начал публичного права. Здесь все основано на власти и подчинении во имя общего блага. Выполняется определенный план заданий. Хозяева-чиновники обязаны указанною им службою.

Децентрализованное хозяйство означает свободу деятельности каждого хозяина. Он сам определяет цели и способы ведения хозяйства. В этой области он не связан обязанностью определенных действий: право не вмешивается в сферу его хозяйственной деятельности, устанавливая лишь диспозитивные, податливые нормы. Децентрализованному хозяйству соответствует частное право.

Таково схематическое разграничение двух систем права и двух систем хозяйства и, хотя в действительности обе системы часто соприкасаются и принудительные нормы, в большей или меньшей степени, проникают и в стихию частного хозяйства, тем не менее это разграничение правильно отображает истинное состояние вещей.

Но распространение солидаризма в хозяйственной области существенно изменяет положение. На примере водного права (гл. IX) будет видно, что частное и публичное право соприкасаются в нем теснейшим образом. Собственность подчинена административному режиму. Принудительные нормы не только определяют границы свободного хозяйствованья, но и возлагают положительные обязанности.

5. Рядом с системою частноправовых норм строится система административно-хозяйственных и обе системы действуют совместно, обеспечивая желательные, с точки зрения общего блага, результаты [57]).

По существу нет надобности искусственными понятиями затемнять существующую в действительности двойственность явления: частная собственность подчинена административно-хозяйственному режиму, частный договор обусловлен выполнением публично-правовых обязанностей. Теория „смешанных" институтов, признающая сочетание обоих элементов частного и публичного права, гораздо больше соответствует истинной природе отношений.

Возражения против теории „смешанных" институтов исхо-

[57]) Характеризуя подобные институты, О. Майер дал им новую конструкцию: „публично-правовая собственность", „публично-правовой договор". Но эта конструкция представляется нам неправильною. Она создает новые понятия, объединяющие два совершенно разнородных начала, при чем частно-правовые: собственность, договор—поглощаются началом публично правовым. О. Майер, как и другие сторонники этого учения, подходили к вопросу чисто формальным путем.

См. наше „Водное право" Вып. II стр. 12 и 26; ср. *L. Duguit*, Les transformations du droit publ. 1925: „понятие публично-правового договора отжило свое время" (a fait son temps) „Le contrat est un acte juridique ayant le même caractère en droit public et en droit privé". Государство связано договором, как и всякое частное лицо (стр. 164).

дили, главным образом, из желания устранить двойственность положения государства, с одной стороны как фиска, субъекта частно-правовых отношений и с другой—как носителя публично-правовой власти. Однако, понятие публично-правовой собственности устраняет затруднение чисто формально. Все особенности юридического положения, поскольку речь идет о собственности государства могут быть объяснены сочетанием двух систем права. С другой стороны, теория публично-правовой собственности не может быть распространена на обладание частных лиц, подчиняющихся административному режиму, а между тем по существу различия нет, если и частные лица ограничены предназначением вещей для общего пользования.

Административное право, определяя взаимоотношения власти и населения, содержит в себе, по преимуществу, нормы, ограничивающие индивидуальные права граждан[58]). Каждому гражданину принадлежит право устного и печатного слова, исповедыванья религии, передвижения. В целях согласования поведения отдельных граждан с интересами общественного порядка, полиция безопасности устанавливает ряд обязательных правил, определяющих границы свободы. Тот, кто нарушает установленные правила, выходит за границы своего права[59]).

Административное право в интересах общего блага может устанавливать ряд принудительных норм и в отношении частного хозяйства. Система норм этого рода может быть названа административно-хозяйственным правом. И здесь мы видим главным образом ограничение существующих частных прав и возложение некоторых стесняющих существующие индивидуальные права обязанностей (напр., участия в водном товариществе, содержания плотины).

Таким образом, две системы права могут сосуществовать в самом тесном взаимодействии. Это сочетание системы частных прав с административным регулированьем представляет из себя то, что можно назвать солидаризмом в области имуществен-

58). „Одни авторы под административным правом понимают систему юридических принципов, которые регулируют деятельность государства, направленную на достижение его целей. Другие видят в административном праве науку, изучающую правоотношения между управляющим государством или публично-правовой корпорацией, уполномоченной осуществлять функции государственного управления и гражданами, отдельными индивидами и коллективами" (Проф. *В. В. Энгельфельд* „Новые течения в науке административного права". Известия Юр. Фак в Харбине т. VII стр. 259).

59). Поэтому полицейская неправда всегда наказуется меньше, чем уголовная неправда, предполагающая поступок абсолютно неправомерный. Красть и убивать вообще запрещено. Говорить же и ходить можно, но с соблюдением ряда условий, гарантирующих интересы других лиц и общественного порядка. Формальная теория неправды, различающая нарушения норм в зависимости от того, кем они установлены, отрицается большинством юристов.

ных отношений. Правильное понимание этой системы возможно лишь в том случае, если совершенно ясно осознано преобладающее значение частно-правового порядка, принимаемого за основание, так как от прочности его зависит судьба всей постройки.

И здесь, как и в отношениях между личностью и обществом, солидаризм подчиняет частные интересы общим в целях общей выгоды.

В область частного хозяйства, как и в отношения общественные, солидаризм вносит организующее начало, подчиняя собственность административному режиму.

Вместо искусственной формулы (вроде quasi контракта), мы даем определение, соответствующее тем новым жизненным явлениям, отображение которых мы видим в современном законодательстве и которые обнаруживают тенденцию развития и распространения.

Так как солидаризм, в отличие от социализма, сохраняет частно-правовые основы хозяйства, и, следовательно, не только не требует радикальной ломки сложившегося быта и психологии, но, наоборот, опирается на нее, то он так же легко и просто прививается в жизни, как кооперация и профессиональные союзы. Сознание собственной выгоды освещает путь к кооперативной лавке и дверям профессионального союза и даже в отставших странах эти организации быстро пускают корни.

Солидаризм может иметь успех лишь до тех пор, пока в характерном для него сочетании частных прав с административным режимом первые будут приниматься за основание. Принудительные нормы солидаризма основаны на действительной выгоде тех лиц, по отношению к которым они применяются. Если этой выгоды нет, то ограничение или принуждение принимают характер публично-правовой обязанности, публичного служения и, следовательно, в этих случаях возобладает публичное право. Солидаризм предполагает самопроизвольное движение в сторону согласования интересов, он лишь содействует этому движению, поддерживая соответствующие ассоциации, и если создает новые принудительно, то по типу уже существующих и с предоставлением им самодеятельности.

Таковы общие принципы солидаризма. Отсюда проистекает необходимость в особом административно-правовом процессе для защиты прав, регулируемых системою солидаризма. Каждому гражданину должна быть предоставлена возможность возражать против проектируемых мероприятий, защищая свой интерес и доказывая невыгодность для него этих мероприятий.

Сущность процесса должна заключаться в выяснении, насколько общественный интерес оправдывает вводимые ограничения частной свободы и в какой мере и как компенсируются невыгоды, причиняемые отдельным лицам [60]).

6. Солидаризм поощряет групповую активность. Он отрицает непосредственное руководство хозяйством из одного центра, но он способствует возникновению ассоциаций и группового сотрудничества. Между государством и отдельными хозяевами создается сеть общественных организаций, объединяющих лиц, связанных общим интересом. Государство должно согласовывать взаимоотношения как между отдельными лицами и группами, так и между самими группами, когда им не удается столковаться самим. Так получается сложная координация личной и корпоративной активности с наименьшею степенью принудительности.

Личные возможности каждого отдельного хозяина расширяются началом сотрудничества и взаимопомощи, народное хозяйство в целом выигрывает от расширения коллективной работы. Солидаризму, как системе, наиболее соответствующей современному хозяйству, с его элементом соборности [61]), открываются, поэтому, широкие перспективы будущего.

---

[60]) Некоторые особенности процесса, связаннаго со спором, вытекающим из начал солидаризма может иллюстрировать порядок рассмотрения трудовых конфликтов (см. гл. VII).

[61]) Ср. *Hedemann*, Einführung in die Rwissensch. стр. 202.

По идее своей солидаризм захватывает очень широкую область и чем большее значение получает эта идея в деле организации хозяйства, тем больше это может отразиться и на государственном устройстве.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Солидаризм, как юридическая система.

ВВЕДЕНИЕ.

Литература солидаризма довольна обширна. Мысли о солидаризме рассыпаны в разнообразных произведениях философов, социологов и юристов. Но ничто не может так убедительно и ясно показать осуществимость солидаризма и те жизненные формы, в которые он может облачиться, как изложение действующих законов, построенных на принципах солидаризма.

Общественное значение права заключается в том, что оно устанавливает равнодействующую поведения людей. Однообразное понимание прав и обязанностей вносит в человеческое общество мир. Так, например, в случае разногласия и конфликта стороны идут к судье. Они заранее обязуются подчиниться его решению. Его устами говорит право и оно заставляет одну из сторон или обе принести жертвы, которые восстанавливают нарушенное равновесие. Воспитанные в духе права люди заключают между собою договора, которые выражают большею частью результат компромисса, достигнутого на основе стремления согласовать интересы. Некоторые договора, напр., товарищества требуют постоянного согласования действий. Один товарищ должен считаться с желаниями другого, иначе для них станет невозможным осуществление общей цели. Сознание необходимости поступаться своими интересами для достижения общей цели является необходимым условием для существования более сложных объединений, чем товарищество. В частности, этим сознанием сильно государство: патриотизм один из видов солидарности.

Таким образом, право вообще подготовляет психологию людей к солидарным действиям, но оно может поощрять и даже требовать солидарности в более широком масштабе.

Чем культурнее человеческое общество, тем более социальным оно становится, т. е. тем более сознательно относятся его члены к важности общественного сотрудничества, а потому законы, специально укрепляющие солидарность, составляют достояние более позднего времени. В частности современное право уже богато многими образцами такого законодательства.

Отдельные проявления солидаризма рассыпаны во многих законодательных актах нашего времени (ср. гл. II), но наибольший интерес представляют те, которые строят законченную юридическую систему взаимоотношений на основах солидаризма. Это продукт еще более передовой культуры. Так, напр., об общественной организации, построенной на началах солидаризма, можно составить: представление по формам современного итальянского синдикализма. Впрочем, внутренние отношения и других общественных организаций служат, нередко, примером солидаризма. Особенно характерен в этом отношении строй большой трудовой семьи: здесь можно наблюдать и разделение труда, в зависимости от способностей, и согласование интересов, и взаимопомощь. Здесь очень наглядно выявляются и те ограничения, которые налагает принадлежность к семье на каждого члена ее, те выгоды, которые она обезпечивает.

Отношения сотрудничества всегда тяготеют к солидаризму, новейшее трудовое право повсюду проникнуто духом солидаристических принципов.

Корпоративное государство, которое пытается воздвигнуть фашизм, может быть примером того, в каком направлении возможно преобразование государства, под влиянием учений о солидаризме.

Для характеристики особенностей солидаризма в отношении народного хозяйства, его отличия от либерализма и этатизма, очень показательно водное законодательство. В этой специальной и недостаточно изученной области права можно найти много материала для ознакомления с характером организации хозяйства на началах, не подходящих ни под тип централизации, предполагаемый социализмом, ни под стихию децентрализации, охраняемую либеральными началами.

Наконец, новейшие явления современного международного права являются результатом проникновения солидаризма в международные отношения и преодоления здесь национального эгоизма началами организованного сотрудничества народов.

Таким образом, современное положительное право уже в достаточной степени богато примерами, способными укрепить и разъяснить идею солидаризма, как юридической системы, которой принадлежит будущее.

ГЛАВА V.

НОВЫЕ ФОРМЫ СИНДИКАЛИЗМА.

1. Социальный атомизм и групповая активность. 2. Учение Гастона Морэн о синдикализме; монополия представительства; обязательность организации синдикатов рабочих и синдикатов предпринимателей. 3. Осуществление этих начал в Италии (закон 3 апреля 1926 г. о регулировке коллективных трудовых отношений). 4. Схема синдикальных организаций итальянского фашизма (федерации и конфедерации). 5. Практическое значение этих организаций.

1. Философия индивидуализма выдвинула личность на первый план. Она противополагала личность государству [1]), отстаивая индивидуальные свободы и стремясь ограничить государство ролью сторожа („ночной сторож" по ироническому замечанию Лассаля).

Либеральная революция 1789 г. была враждебна ко всем организованным коллективам; закон 14 авг. 1791 г. воспретил все организации как рабочих, так и работодателей, создаваемые для защиты их интересов.

Сбрасывая с себя гнет абсолютизма и средневековых стеснений в хозяйстве, человек XVIII-XIX в. в. искал яркого выражения индивидуализма. Либеральные доктрины (Вольтера в политике. А. Смита в экономике) отвечали этому настроению.

Как всегда, в таких случаях, идеология вдается в некоторые крайности. Когда сильный прожектор ярко освещает одно место, все окружающее кажется особенно темным. Индивидуализм осветил личность и затемнил ее социальное окружение.

Не без основания упрекают индивидуализм в том, что он представляет собою теорию социального атомизма: общество разложено на ряд атомов, каждый индивид-атом представлен независимым и самодовлеющим. Между тем, в действительности, человек без общества ничто. Самая одаренная личность обязана своими достижениями той общественной среде, в которой она живет. Самая сильная личность бессильна, если не опирается на общественную поддержку.

Нет изолированнаго человека, есть люди, связанные между

[1]) Ср. *H. Spencer* — „The man versus the state"

собою в пространстве и времени — такова социологическая правда, которую заслонили крайности либералистического индивидуализма [2]).

Неизбежное взаимодействие и необходимое сотрудничество объединяют людей в группы и в действительной жизни, наряду с отдельными хозяйствующими субъектами, проявляют все большую активность групповые объединения, достигающие подчас исключительного могущества. Профессиональные союзы и объединения предпринимателей могут служить ярким примером этого могущества.

В недрах либерального государства родились коллективные силы, которые резко нарушили равновесие отдельных элементов. Личность противостоит не только государству, но и ряду групп, которые грозят ее существованию и независимости, если она сама не найдет себе защиту в другой группе. Государству надлежит регулировать взаимоотношения не только граждан, но и групповых объединений [3]),

2. Отсюда проистекает новая теория синдикализма. До сих пор организация синдикатов предоставлялась свободному усмотрению инициаторов. Вступление в синдикаты ни для кого не было обязательным, а организация и деятельность их оставались свободными. Большинство синдикатов приняло революционное направление.

Разрастаясь в большую силу, синдикаты стали чувствовать себя способными на руководящую роль в государстве. Идеологи революционного синдикализма (Сорель) проповедуют разрушение современного государства и передачу руководства хозяйством в руки синдикатов производителей.

Опасность для государства подобных тенденций несомненна. Синдикальное движение должно быть введено в рамки, отвечающие существу и назначению синдикатов. Государство должно представлять всю нацию, а современные синдикаты обнимают преимущественно производителей. Переход власти к организациям столь односторонним грозил-бы нарушением интересов и порабощением всех, кто оказался бы вне их. С другой стороны, положительная сторона синдикальной организации—организованная защита интересов, ослабляется при чрезмерном расширении задач и при наличии конкурирующих организаций, преследующих те же цели. Поэтому, новая теория синдикализма, яркое выражение которой мы видим в известной работе

[2]) Ср. *Сорокин*—Система социологии т. II Социальная аналитика Птргр 1920 г. стр. 458 сл.

[3]) „Произошло обобществление человеческой судьбы и нет уже судьбы индивидуально-изолированной. Индивидуализм кончен". *Н. Бердяев* „Новое Средневековье" Берл. 1924 г стр. 102, „Профессиональным союзам, кооперации, цехам принадлежит, конечно, огромное будущее" там же стр. 50.

Гастона Морэн [4]), выдвинула идею ограничения синдикатов задачами исключительно профессиональными, отвечающими их компетенции, но с тем, что каждый синдикат будет обладать монополией представительства (syndicat unique). Для меньшинства, говорит Морэн, выгоднее быть составною частью синдиката, пользующегося правом исключительного представительства, чем составлять самостоятельный синдикат.

Но, зато, синдикаты, получающие право исключительного представительства, подлежат контролю государства.

Практически Морэн представлял себе осуществление этих идей в форме двух параллельных организаций: синдикатов рабочих и работодателей, с ограниченным кругом компетенции, но с привилегией монопольного представительства в подлежащей сфере интересов. Таким образом, лица каждой профессии, рабочие и предприниматели отдельно, должны быть обязаны организоваться в синдикаты. Подобная организация не означает утраты свободы, она гарантирует ее [5]).

Практическое значение подобных организаций можно оценить на примере коллективных договоров. При наличии только двух параллельных организаций рабочих и работодателей, коллективный договор между ними будет связывать всех рабочих и всех предпринимателей известной профессии. Это дает, несомненно, наибольшие гарантии интересам каждой стороны, т. к. устраняет возможность к. л. конкуренции и позволяет установить наиболее выгодные для обеих сторон условия. Если необходимость участия в одной определенной организации несколько стеснительна, то, зато, это дает каждому отдельному члену наибольшие гарантии, что его интересы будут защищены в полной мере.

3. Трудно сказать, находился ли Муссолини под влиянием идей Морэна, но только теория последнего, оставшаяся без применения во Франции, как будто предопределила фашистское законодательство Италии.

В 1919 г. во Франции в противовес Всеобщей Конфедерации Труда C. G. T. (Conféder. générale de Travail) организована была Всеобщая Конфедерация Производителей (Conféder. générale de la production francaise). Статут ее был представлен в департамент Сены 31 июля 1919 г. Но союз этот остался малодеятельным.[6]).

В Италии 2 окт. 1925 г, в палаццо Vidoni состоялось под председательством Муссолини заседание представителей пред-

[4]) См. выше стр. 22 прим. 10. *G. Morin* — La révolte, стр. 189.
[5]) L'association n'est donc pas la perte de la liberté. Elle en est la garantie". *J. Valadour*, La doctrine corporative, P. 1929. стр. 131.
[6]) *G. Morin* о. с. стр. 56.

принимательских и рабочих организаций, закончившееся подписанием исторического пакта (Patto di Pallazzo Vidoni) об учреждении двух центральных конфедераций: Confederazione generale dell' industria и Confederazione delle Corporatione fascisti. Таким образом, состоялось объединение работодателей и объединение рабочих Италии и взаимное признание ими исключительного представительства интересов каждой стороны. С этого момента все договорные отношения между двумя категориями (работодателями и рабочими) были предоставлены на разрешение организаций, зависящих от соответствующих конфедераций.

В развитие этого соглашения, фашистское правительство провело закон 3 апреля 1926 г. „об юридической регулировке коллективных трудовых отношений" (Sulla disciplina giuridica dei rapporti collettivi di lavoro).

Закон этот не требует обязательной организации синдикатов, представляющих интересы рабочих и работодателей, но в том случае, если синдикаты организуются, им предоставляются по закону такие преимущества, что сама выгода участия в них побуждает к созданию синдикатов.

Для учреждения синдиката необходимо 1) добровольное вступление в него по крайней мере одной десятой части рабочих данной профессии, проживающих в округе, где синдикат организуется, или соответственно работодателей, нанимающих по крайней мере одну десятую часть рабочих. Кроме того 2) синдикаты должны принять на себя обязательство попечения не только об экономических и моральных интересах их членов, но также организации различного вида помощи просветительной работе и заботы о моральном и национальном воспитании членов; 3) руководители синдикатов должны представить гарантии своей пригодности, этичности и преданности отечеству[7]).

Синдикат, отвечающий требованиям закона, получает права юридического лица. Другого юридически признанного синдиката для лиц и предприятий той же профессии уже не может быть (ст. 6, разд. 3). Здесь мы видим осуществление принципа, предложенного Морэном. Каждый признанный синдикат считается единственным законным представителем всех соответствующих работодателей или рабочих, следовательно и тех, которые не состоят его членами. Синдикату предоставляется право обложения в принудительном порядке опять-таки всех, даже не приписанных к нему, но представляемых им (ipso jure) рабочих или работодателей, в сумме однодневного заработка,

[7]). В регламенте 1 июля 1926 г. „о применении закона 3 апр. 1926 г." указывается, что синдикату может быть отказано в признании не только в указанных в законе случаях, но также когда оно нежелательно по соображениям политическим, экономическим и социальным.

или соответственно работодателей—в сумме однодневной выплаты ими заработной платы.

Признавая синдикат и снабжая его особыми правами, государство возлагает на него и ряд публично-правовых обязанностей, как-то: организацию профессиональных школ, ссудных касс и др. Но, в то же время государство подчиняет синдикаты своему контролю. Президенты и секретари синдикатов могут быть смещаемы правительством или не утверждаемы им. В чрезвычайных случаях руководящие органы синдикатов могут быть распускаемы и замещаемы другими по усмотрению правительственной власти.

Синдикат, преследуя интересы своих сочленов, не должен, однако, упускать из виду высших интересов продукции и интересов страны. Финансовые мероприятия их подконтрольны (ст. 30 Регламента 1 июля 1926 г.).

4. Организация синдикатов охватывает в Италии все активное население.

Государство не может входить в непосредственное соприкосновение со всеми мелкими организациями и фашизм последовательно создал стройную пирамиду иерархически соподчиненных синдикальных организаций. Однородные синдикаты образуют федерации (местные или национальные). Некоторые федерации объединяются в конфедерации.

Всех конфедераций и центральных федераций организовано тринадцать: шесть для представительства работодателей, шесть для трудящихся и одна для лиц умственного труда.

Эти конфедерации должны охватить все население и для итальянского законодателя представлялось немало затруднений при распределении тех или иных синдикальных организаций по намеченной классификации. Так, напр., небезинтересно, что директора предприятий признаны стоящими ближе к нанимателям труда, чем к трудящимся, и организации их отнесены, поэтому, к федерациям работодателей. Федерация владельцев ремесленных предприятий отнесена к конфедерации, представляющей индустрию. Организация потребительских кооперативов отнесена к конфедерации коммерсантов, кредитная—к банковской и т. д.[8]).

В организационной схеме итальянских синдикатов замечается порою некоторая искусственность, а в практике синди-

---

8). Список всех существующих и организуемых конфедераций, федераций и синдикатов в книге *Oddone Fantini* „Stato e Lavore" 1928 г. и в сборнике таблиц „Associaz. sindacali... costituite o in corso di costituzione". Minist. delle Corpor. Roma 1927.

Ценнейшие материалы для изучения итальянского синдикализма содержит книга „Disciplina giuridica dei rapporti collettivi del Lavoro e. ordinamento corporativo dello Stato", издание Ministero dèlle corporazione, Roma 1927. Здесь собраны все законодательные материалы, объяснительные записки, доклады, речи и административные распоряжения, относящиеся к синдикальным организациям фашизма.

кализма, вероятно, и излишняя ускоренность постройки. То, что в других государствах совершается путем естественной эволюции, фашизм хочет создать в несколько лет, форсируя движение сверху. Но фашистская синдикальная организация представляет собою факт крупного исторического значения, грандиозный опыт, положительные и отрицательные результаты которого будут использованы другими нациями.

Сложилась эта организация следующим образом:

1) Конфедерация индустриальная состоит в первой степени из провинциальных индустриальных союзов с секциями для каждой категории промышленности (сельско-хозяйственной, добывающей, строительной, механической, металлургической и т. д.); вторую степень составляют национальные федерации.

2) Рабочие индустриальных организаций организованы в провинциальные синдикаты по отдельным отраслям. Вторую степень составляют национальные федерации, составляющие групповые объединения синдикатов (более общие категории, напр., строительные обнимают каменщиков, плотников, маляров и т. д.).

Третья степень—общее объединение.

3) Конфедерация землевладельцев обнимает провинциальные федерации землевладельцев, объединяющихся в синдикаты трех категорий: не обрабатывающих землю, обрабатывающих непосредственно и, наконец, сдающих в аренду.

4) Рабочие земледельческой промышленности объединены в синдикаты провинциальные (первая степень) и национальные (вторая степень), в зависимости от различия условий, на которых они работают (технический персонал, батраки, арендаторы, исполовники, дровосеки и др.).

5) Конфедерация коммерсантов объединяет провинциальные синдикаты (по секциям) и национальные федерации (вторая степень). В отдельные федерации объединяются банки, вспомогательные торговые заведения, торговые агентуры, потребительские кооперативы и др.

6) Федерации служащих торгово-промышленных заведений состоят из провинциальных (первая степень) и национальных (вторая степень) синдикатов по категориям (торговые, страховые, комиссионные, гостиницы, рестораны, проводники, банщики, сиделки и др.

7) Конфедерация работодателей морского и воздушного транспорта (ассоциации и федерации по территориальному признаку: Адриатика, Тиррен, Сицилия).

8) Конфедерация работодателей сухопутного и внутрен-

него водного транспорта (по каждому виду транспорта, окружные ассоциации—первая степень и национальные федерации—вторая степень).

9) Федерация рабочих и служащих сухопутного и внутреннего водного транспорта объединяет провинциальные и национальные синдикаты по категориям труда (трамвайные служащие, грузчики, матросы, телефонисты, шоферы и пр.) Федерация рабочих морского и воздушного транспорта входит непосредственно в центральную конфедерацию трудящихся (см. п. 13).

10) Конфедерация банковских учреждений (сюда включается и кредитная кооперация).

11) Федерация служащих банковских и кредитных учреждений.

12) Федерация работников интеллектуального труда (писатели, художники, адвокаты, врачи, акушерки и т. п.). Интеллигентные работники, служащие в предприятиях (технический и административный персонал) объединяются в синдикаты, которые входят в соответствующие федерации трудящихся.

13) Конфедерация трудящихся и лиц свободных профессий представляет собою высшее объединение всех синдикальных организаций (федераций) трудящихся.

5. Практическое значение этих организаций очень велико. Ими заключаются коллективные договора. Таким образом, весь уклад хозяйственной жизни страны: условия труда и распорядок его определяются соглашением соответствующих синдикатов. В случае конфликта, имеющего общее значение, синдикат может выступать стороною в процессе.

Ассоциации высших степеней руководят и контролируют деятельность нисших. Они обладают правом представлять интересы всех синдикатов, ими объединяемых, и располагают даже дисциплинарной властью[9]).

Насколько высоко стоит авторитет высших синдикальных организаций в Италии, можно судить по тому, что Муссолини не проводил ни одного экономического мероприятия, рекомендованного Лигою Наций, не получив одобрения со стороны заинтересованных конфедераций. Однажды конфедерация предпринимателей запротестовала против злоупотребления вызовом с фабрик рабочих, состоящих в фашистской милиции, и, несмотря на все преимущества и привилегии последней, Муссолини согласился издать приказ, чтобы милиционеров, из числа рабочих и служащих промышленных предприятий, не вызывали

[9]) *Nino Orsi.* Fascismo e legislatione fascista, Mil. 1928 г. стр. 255-256.

иначе, как в случаях безусловной необходимости (отпадают вызовы на парады и ложной тревоге).

Уже самая организация синдикатов, объединяющих лиц одинаковых профессий и интересов, в целях солидарных действий, так же, как и те коллективные договора, которые являются главным внешним выражением их деятельности, служат несомненным показателем господствующего в фашистской системе принципа солидаризма. Основная ее идея подчинение частных интересов целому для достижения общих целей.

Но еще отчетливее выявляется этот принцип в тех руководящих началах, согласно которым управляется огромный синдикальный механизм. Эти принципы изложены в фашистской „Хартии труда" (Carta del Lavoro).

ГЛАВА VI.

ХАРТИЯ ТРУДА.

1. Carta del lavoro—конституция фашизма. 2. Основные начала ее: подчинение индивида нации; охрана собственности и частной инициативы; покровительство труду всех видов; согласование интересов всех участников народного хозяйства.

1. Фашисты не без основания гордятся своею Carta del Lavoro [10]), которая по их мнению, займет в истории не менее видное место, чем „Декларация прав человека и гражданина".

Хартия труда—не закон. Она обнародована Верховным Национальным Советом фашизма (Gran Consiglio Nazionale del Fascismo) 21 апреля 1927 г., спустя год после издания изложенного уже закона 3 апр. 1926 г. об юридической регулировке коллективных трудовых отношений. По словам Муссолини, Хартия труда является конституциею фашизма, предопределяющею направление фашистского законодательства: „руководствуйтесь Хартией труда, как мореплаватели руководствуются компасом".

2. Большинство положений Хартии изложено в общей форме, но находит себе постепенно выражение в отдельных законодательных актах.

Основные начала Хартии таковы: [11]).

1) Индивид подчиняется нации, а так как нация это государство, то, следовательно, должно быть признано и верховенство государства. Фашизм не следует доктрине Дюги, колеблю-

[10]) Non vi é paese del mondo che possa vantare qualche cosa di simile (Aüg. Turati).
[11]) См. Giuseppe *Battai* La Carta del Lavoro в сборнике La civilta fascista 1928 г. и *Vincenzo Zangara* l. Sindikati e lo Stato—1928. стр. 41-69.

щей государственный суверенитет, он укрепляет власть государства, но в то же время он дает личности новые гарантии, предоставляя ей прочную защиту в виде синдикатов.

Индивид находит в синдикате опору своих прав и интересов и в то же время границы своей свободы. Государство признает и снабжает полномочиями синдикаты, поощряя коллективную активность, и синдикаты находят, таким образом, в государстве свою опору, но в то же время и границу своей деятельности. Государство—нация выше индивида и выше всех организаций.

Получается гармоническая система, проникнутая идеями солидаризма. Индивид подчиняется целому во имя общих интересов, солидаризируя, следовательно, свои интересы с подобными же интересами других. Общественные организации подчиняются на тех же началах государству.

2) Другой принцип хартии — охрана собственности и частной инициативы.

Развитие производительности—испытание режима. Это вопрос жизни и смерти нации. Если государственный порядок таков, что производительность падает и государство нищает, то и самый порядок не отвечает своему назначению и обречен на смерть.

Развитие производительности обусловлено творческою энергиею нации. Когда частная инициатива стеснена, энергия понижается, прекращается накопление. Наоборот, свободная инициатива и предприимчивость отдельных лиц способствуют прогрессу нации. Накопление богатств отвечает интересам нации, а процветание государства улучшает и жизнь его граждан. Эта азбука либеральной доктрины не отрицается „Хартией труда". Она отрицает контроль над предприятиями, который предлагает социализм. Этот контроль выражается в форме принудительного руководства, он отрицает собственность и индивидуальные права и в этом смысле антиюридичен, поскольку расходится с современным правосознанием. Он подчиняет талант и энергию предпринимателя бюрократическому режиму и в этом смысле антикультурен. Хозяйственный режим должен охранять нематериальный капитал нации—интеллигентность, опыт, способности организатора.

Охраняя все живые силы, в том числе и капитал, как источник национального богатства, фашизм все-же отступает от либерального принципа „Laissez faire, laissez passer".

И в хозяйственной области должен быть применяем принцип подчинения частного интереса коллективному. Частная инициатива должна быть согласована, когда это требуется, с

высшими и преобладающими целями общей национальной экономики. И здесь проводится общая идея, что человек не атом, а часть целого и что его интересы не могут быть в противоречии с интересами государства.

Власть, руководствующаяся общим представлением об экономии и социальных феноменах, должна обладать правом не только поощрять деятельность предприятия, но и закрывать его, когда оно вредит интересам государства, или когда для коллектива представлялось бы более выгодным, чтобы оно находилось в других руках. „Капитал в неумелых руках — зарытый клад“ [12]).

Эта точка зрения отличается и от воззрений либерализма, для которых последняя фраза революционна, и от социализма, который отрицает собственность и подчиняет частную инициативу принудительному режиму. По духу фашистской декларации, государство оберегает собственность и частные интересы и только в качестве героических мер (un remedio eroico) [13]), только в исключительных случаях, когда это оправдывается безусловно общественною необходимостью, она может контролировать деятельность предприятия и прибегать к принудительным мерам.

Центр тяжести не в ограничениях, а в гарантиях частной инициативы.

3) Государство должно охранять и опекать труд во всех его проявлениях, т. е. труд не только физический, но и технический и умственный.

Труд одновременно и социальный долг (dovere sociale) и высшее наслаждение (piu granda gioia). Труд открывает простор творчеству—этому высшему наслаждению человека; он дает возможность совершенствовать способности, в то же время он выражает силы человека и нации.

Во имя государственного блага государство должно оберегать те виды труда, которые создают наиболее ценные блага, которым наиболее доступно творчество.

Хартия Труда уделяет особое внимание интересам трудящихся. Так, напр., она провозглашает принцип соответствия заработка (salario) нормальным потребностям жизни, возможностям предприятия и продуктивности труда. Это положение разрывает как с жестоким „железным законом“ Лассаля, так и с теориею, распространяющею на труд общий закон рынка, законы спроса и предложения. Хартия труда учитывает не только объективные факторы и возможности, но и „нормальные пот-

12) La Civilta Fascista 1928 г. стр. 371.

13) *V. Zangara* о. с. стр. 53.

ребности жизни". Она вносит этим элемент справедливости и культуры в сферу влияния фактов экономики. Она осторожно преподает к руководству принцип „достойного существования".[14]).

И другие декларативные положения Хартии выражают специальные заботы о трудящихся, предопределяя развитие социального законодательства Италии: платный отпуск после года труда, страхование от несчастных случаев и болезней, улучшение положения матерей, страхование от безработицы и помощь трудящейся молодежи. Многие из этих декларативных заявлений Хартии уже получили выражение в форме законов.

Но особенность Хартии Труда не в ее социальном направлении, а в решительном отмежевании от одностороннего покровительства труду физическому.

Благополучие отдельных лиц и развитие национальной мощи обусловлены производительностью труда во всех его формах, и труд физический не должен заслонять собою труд умственный: труд мозга нужен нации не менее, чем труд рук.

4). Хартия Труда, призывая к свободной деятельности все активные силы нации, подчеркивает необходимость их согласованной работы (**unità della produzione**). Она требует, как мы уже видели, чтобы рабочие и работодатели солидарно и организованно защищали каждые свои интересы, объединившись в свои синдикаты.

Этим, однако, еще не достигается согласованность работы отдельных производительных сил (**solidarieta fra i vari fattori della produzione**).

Необходимо, чтобы две параллельно сосуществующие и противостоящие организации признали необходимость согласования интересов, ими представляемых, с высшим интересом нации-государства. Они должны заключать между собою такие соглашения (**patti nazionali**), на основе и в духе которых могла бы производиться работа на местах.

Один из отделов Хартии Труда может иллюстрировать указанную тенденцию. Государство устанавливает контроль над наймом рабочей силы (ст. XXII-XXV). Оно организует на паритетных основаниях бюро по найму труда (**uffici di collocamento**), во главе которого ставятся агенты Министерства корпораций. Задача этих бюро (учреждены декретом 18 марта 1928 г. R. D. n. 1003)—установить сотрудничество классов, обеспечить интересы

[14]) Таково направление и советского „Кодекса труда", который, как следовало ожидать от законодателей пролетарского государства, является передовым. Ст 59 этого кодекса гласит: „размер вознаграждения не может быть ниже обязательного минимума оплаты, определяемого на каждый данный период надлежащими государственными органами для соответствующих категорий труда". Практическая действительность мало благоприятствует последовательному осуществлению добрых желаний советского законодателя.

рабочих, гарантировать предприятиям подбор наиболее подходящих сотрудников и содействовать воспитанию прочного корпоративного сознания (una solda conscienza corporativa).

Таким образом, в форме итальянского фашизма солидаризм выходит из рамок группового, профессионального и даже классового сотрудничества и служит идейной основой организации, которая охватывает жизнь всей нации.

ГЛАВА VII.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И СОЦИАЛЬНАЯ ГАРМОНИЯ

(тенденции современного трудового права).

1. Отрицательное отношение солидаризма к классовой борьбе. 2. Примирительное течение в профессиональном движении (желтые союзы). 3. Попытки современного законодательства смягчить классовую борьбу (бюро для регулированья заработной платы, принудительное третейское разбирательство и факультативный арбитраж). 4. Запрещение стачек и локаутов в Италии (зак. 1926 г.). 5. Надклассовый (национальный) солидаризм. 6. Корпорации—надклассовые органы фашизма. 7. Министерство Корпораций в Италии. 8. Специальные трудовые суды в Италии и их особенности. 9. Тенденции современного трудового права.

1. В докладе, прочитанном в 1909 г. Л. Буржуа, развивая идеи синдикализма и применяя к нему свои общие воззрения, так определяет его границы: 1) синдикат не должен разрушать связи его членов с другими людьми и группами: член синдиката является семьянином, солдатом, гражданином; 2) каждая группа должна соблюдать высшую солидарность междугрупповую, все они должны помнить о государстве, как о высшем объединителе и покровителе, т. к., с разрушением государства, рухнуло бы и благополучие синдикатов[15]). Ш. Жид, в свою очередь, указывает, что теория солидаризма, признавая и поддерживая все виды ассоциаций, заставляет оказывать предпочтение тем из них, которые объединяют людей по более общему признаку перед более специальными и узкими.

Таким образом, солидаризм рисует себе общество, как сложное сооружение, поднимающееся от индивидов через ряд всевозможных групповых организаций к государственной вершине, все связывающей, но опирающейся на самодеятельность и самоопределение индивидов и групп.

Естественно, что подобное учение отрицательно относится

[15]) *L. Bourgeois*, Solidarité 7-e ed. 1912. стр. 290. ср. его же доклад (Annales de L'Institut internat. de sociologie XIII p. 316): если не будет высшей солидарности всех социальных групп, то синдикализм разрушит государство.

к идее классовой борьбы. Когда солидаризм замыкается в рамки одной группы, он превращается в сектанство. Секта это патология солидарности „La secte c'est la patologie de la solidarité" Barofalo). К. Маркс своим учением о классовой борьбе разрушает солидаризм, т. к. проповедует узкую солидарность одного только пролетариата[16]).

Некоторые из сторонников солидаризма выражали уверенность, что борьба классов приведет в конечном итоге к компромиссу, который объединит все общественные группы. Развитие картелей, синдикатов и трестов, параллельно с развитием пролетарских организаций, создает возможность столкновения гигантов, но в этой невыгодной для обеих сторон борьбе будет выковано сознание и чувство солидарности[17]).

Если бы хозяин стал на точку зрения рабочего и рабочий на точку зрения хозяина, то у них возникло бы взаимное понимание. Это взаимное понимание не исключено. Симптомы его уже наблюдаются: в Австралии многие льготы для рабочих достигнуты соглашением синдикатов рабочих с организациями работодателей[18]).

Классовая борьба—порождение либерализма. Если государство не вмешивается в отношения труда и капитала, то рабочим не остается ничего иного, как организоваться для совместной борьбы. В борьбе этой воспитываются классовое сознание и дисциплина, основанная на чувстве солидарности.

Известный знаток трудового права, недавно умерший немецкий ученый Каскель, характеризует предмет трудового конфликта следующим образом: „индивидуальные споры между отдельными предпринимателями и их рабочими, вытекающие из их специального договора, не могут быть предметом легального конфликта. Если, наоборот, организованный коллектив рабочих объявляет о своей „солидарности" со спорными требованиями отдельных рабочих и для отстаивания их прибегает к борьбе (забастовка солидарности), то, по общему правилу, здесь дело идет о споре существенного значения, в котором одна, по крайней мере, сторона добивается принятия в коллективном соглашении оспариваемых другою требований, а потому здесь и спор коллективный [19]).

Таким образом, совместное отстаивание рабочими их прав

---

16) Annales XII. p. 61-62; ср. *C. Bouglé,* Syndicalisme et Démocratie—1908 г. радикалы поддерживают синдикализм, лишь посколько он сотрудничает с государством.

17) Доклад *R. Goldscheid*' а (австр.) Annales. XII p. 296.

18) *Bourgeois* о. с. стр. 136,257. Об этом же говорит *C. Bouglé* в его Solidarisme, где он указывает на возможность смягчения классовой борьбы, т. к. противоположность интересов, о которой говорит марксизм, не всегда остра и часто работодатели и рабочие могут иметь общий интерес, напр., против потребителя или поставщиков сырья.

19) *Dr. W. Kaskel*—Arbeitsrecht. 2-е А. § 101 стр. 300.

и интересов предполагает солидарность и сознание общих интересов.

Чем шире распространяется сознание общности интересов среди рабочих и чем могущественнее становятся их профессиональные союзы, тем больше сплачивается и противоположная сторона—предприниматели. Дух солидаризма проникает и в их менее дружную среду. Рабочие подымают оружие забастовки (массовой приостановки работы), предприниматели прибегают к локауту (массовому расчету). Обе стороны несут тяжелый урон в войне, а результаты этой борьбы нередко бывают неожиданными: там, где действует сила, разум теряет свое влияние.

Классовая борьба разжигается политиками, ее можно смягчить и устранить.

Не может быть сомнений, что обострение классовой борьбы обязано во многом политической доктрине марксизма, который обосновал на ней свои революционные расчеты [20]).

Стремление избежать отрицательных последствий борьбы привело к заключению коллективных договоров. Связывая себя подобным договором, стороны добровольно согласовали свои интересы и обеспечивали мир на срок действия соглашения.

Но если вред классовой борьбы сознан ее непосредственными участниками, то тем более очевиден он для третьей стороны.

Государство не может быть равнодушным к тому, как подрывается благополучие нации постоянным перерывом работ. Статистика [21]) показывает, что за период 1919-1923 г.г. в Англии, в среднем, потеряно было $35\frac{1}{2}$ милл. рабочих дней, на каждую 1.000 жителей — 819 дней; в Германии — 35,3 милл. дней, на 1.000 жителей—591 день; в Италии—13,6 милл. рабочих дней, на 1.000 жителей—352 дня, во Франции — 10,1 милл. дней, на 1.000 жителей—259 дней.

Подобные потери рабочего времени и непроизводительные расходы, связанные со стачками и локаутами, как-то: поддержка забастовщиков или безработных, содержание администрации и заводов, наконец, утрата рынков при длительных забастовках —все это причиняло и причиняет такой ущерб государству, что последнее не могло не искать способов предотвращения забастовок и локаутов.

2. Сознание вреда классовой войны распространяется и

[20]) *Лабриола* признает, что классовая борьба возникает не инстинктивно, а в результате политики социалистов (*Socialismo contemporaneo* — стр. 303-310). Даже *Ленин* признает, что рабочий класс, предоставленный сам себе, не идет дальше тредъюнионизма („Что делать" стр. 31).

[21]) *O. Fantini.* „Stato e Lavoro" стр. 134.

среди рабочих. Новейшая эволюция капитализма много содействует победе мирных течений. Идею непримиримости классов сменяет идея сотрудничества рабочих и предпринимателей[22]).

В самом деле, жестокая конкуренция промышленных предприятий разных стран показала, что победителями выходят не те из них, которые выжимают из рабочих наибольшую прибавочную стоимость, а те, которые, при наличии высокой заработной платы, ограждаемой тарифным договором, пользуются новейшими техническими усовершенствованиями, вводят наилучшую организацию труда (фордизм), наилучше используют труд (тэйлоризм) и умело объединяют свои усилия с другими предприятиями (синдикаты, тресты). Увеличением доходности предприятие становится обязанным гению технического и административного руководства. Рабочие все больше сознают, что успех конкуренции, благополучие предприятия, а следовательно и их благополучие, находятся в зависимости от таланта руководителей, которые выполняют не только более сложную работу, но, при современных условиях, вынуждены отдавать делу почти все свои умственные силы и не восемь рабочих часов. К тому же чем крупнее предприятие, тем относительно меньшая доля прибыли используется самими предпринимателями, рабочие же, благодаря своей организованности и системе коллективных соглашений, отвоевывают себе наибольшую долю прибавочной стоимости, какая по условиям хозяйства им может быть предоставлена[23]).

Необходимо, наконец, учитывать то влияние, которое оказывает на распределение доходов демократический строй. Благодаря возрастающему политическому влиянию рабочего класса, государство становится орудием в руках масс, для осуществления социальной политики. В демократическом государстве пролетарии получают возможность разделить с буржуа участие как в труде, так и в прибылях.

Поэтому стремлениям руководителей рабочего движения больше отвечает идеал „промышленной (индустриальной) демократии", чем перспектива классовой войны. Это особенно заметно в С. Ш. А., где покойный Гомперс и заменивший его теперь Грин вдохновляют, в качестве руководителей рабочего движения, борьбу за улучшение положения рабочих, но без превращения ее в политическую борьбу и тем более в социальную революцию[24]).

[22]) *G. Wünderlich* Der Kommende Hochkapitalismus Berl. 1927 стр. 35.
E. Dietzgen, Fort mit dém Klassenkrieg. Zürich, 1929 г. bes. стр. 76-112.

[23]) *E. Dietzgen* о. с. стр. 31, 96 др.

[24]) *W. Walling*, American Labor and American Democracy N. Y. Workers Educ. Bureau. 1926 г.

Подобного рода движение развивается и в Европе. В Германии в 1919 году союзы хозяйственного мира насчитывали 100.000 рабочих, в 1925 г.—247.173. В процентном отношении это число рабочих составило в 1919 г.—1,03, а в 1925 г.—3,01 общего числа рабочих[25]). Это движение не может еще считаться влиятельным, но оно уже заметно. Будущее его зависит во многом от вождей[26]).

Несомненно то, что классовая борьба, борьба труда с капиталом, много способствовала прогрессу. Профессиональные политические и кооперативные организации пролетариата способствовали его культурному развитию и самосознанию. Они во многом улучшили положение трудящихся и существенно изменили внутренние отношения в капиталистических странах. Картина современного капиталистического мира вовсе не похожа на ту, которую видели перед своими глазами Маркс и Энгельс. Продолжительность жизни и среднее благосостояние рабочего с тех пор увеличились, а в периоды тяжелых кризисов и депрессии безработные находят поддержку у профессиональных союзов, общественных организаций (городские и земские самоуправления) и государства (страхование от безработицы). Вера в то, что социализм увеличит производительность хозяйства и, следовательно, благосостояние народов, угасает, так как промышленность и без того достигла высокой степени организованности при посредстве концернов. Таким образом, не пропаганда со стороны предпринимателей, а опыт и факты внушают лидерам рабочего движения сознание безнадежности классовой войны.

Но здесь легко впасть в крайность. Отказ от классовой войны не должен сопровождаться прекращением организованной профессиональной борьбы. Борьба, как и конкуренция, служит стимулом прогресса. Сорель не без основания осуждает примиренчество, как признак упадочности[27]). И рабочим и предпринимателям следует объединяться и организовываться для защиты своих интересов. Сотрудничество рабочих с предпринимателями на современной демократизированной фабрике не должно заслонять расхождения их интересов. Но в современных условиях уже нет надобности прибегать к таким приемам борьбы, которые причиняют вред обеим сторонам и грозят по-

[25]) Dr. *H. A. Apolant*, Die Wirtschaftsfriedliche Arbeitnehmerbewegung Deutschlands. Berl. 1928 стр. 62.

[26]) Противники подобных союзов, называемых, обычно, „желтыми" (Gelbe Gewerkschaften), обвиняют их в том, что они действуют под руководством предпринимателей (см. Dr. *E. Lederer*, Die socialen Organisationen. Leipz. 2-е A. 1922 стр. 49) и называют их членов ренегатами (Apolant о. с. стр. 7).

[27]) *G. Sorel*, Réflexions sur la violence 6-e ed 1925 г. см. *Г. К. Гинс* „Сила и право", стр. 52.

дорвать благосостояние государства. При современной международной экономической конкуренции, государство, в котором часто происходят забастовки и локауты, как будто намеренно подрывает свои силы, истощает себя в интересах конкурентов. Поэтому, помимо тех предупредительных мер против злоупотребления забастовками, которые выработаны самими профессиональными союзами (коллективные соглашения и профессиональная дисциплина), должно проявить инициативу в этой области и само государство.

С юридической точки зрения, это не представляет больших трудностей. „Право стачки" (или вернее „свобода стачек") не охраняется специально конституционными актами, оно является производным от свободы коалиций (Vereinigungsfreiheit), которая обеспечивает возможность объединения для защиты своих интересов всеми не противными закону способами. Свобода коалиций охраняется конституциею и м. б. ограничена только конституциею, а свобода стачек, как способ борьбы м. б. ограничена и в обычном порядке[28]).

3. Лучшим из средств борьбы против стачек следует, конечно, признать предупреждение конфликтов. Одною из таких попыток является учреждение особых бюро для регулированья заработной платы (Wage boards). Подобное бюро существует в Австралии (Виктория) с 1896 г. Бюро организовано на паритетных основаниях, оно определяет минимум заработной платы и условия труда. Рабочие сохраняют право стачек, но точное и справедливое определение условий труда устраняет поводы к крайним мерам[29].)

В Новой Зеландии приблизительно в то же время с 1894 г. (Industrial and Arbitration Act) учреждены особые суды для разрешения трудовых конфликтов. Это система принудительного третейского разбирательства. Страна разбита на семь районов, в каждом существует Local Board of Conciliaton. Состав этих примирительных камер: два представителя союза хозяев, два от ассоциации трудящихся и председатель по выбору или, за отсутствием выборного, по назначению правительства.

Примирительные камеры разрешают трудовые конфликты по инициативе союзов или частных лиц и если стороны прибегают к забастовкам и локаутам, не обратившись в камеру или вопреки ее решению, то уплачивают штраф.

Многие государства приняли систему факультативного арбитража. В Англии с 20 ноября 1919 г. существует для этой цели постоянный промышленный суд. В советском союзе

[28]) *Kaskel* о. с. стр. 231, 315 сл.

[29]) *Zangara* о. с. стр. 137; ср. *Schachner*, Sociale Frage in Australien".

23 марта 1923 г, издано Положение о примирительных камерах и третейских судах. В Германии примирительное производство (Schlichtúngsverordnúng) регулируется законом 30 окт. 1923 г. и учреждены специальные суды по делам трудящихся 23 декабря 1926 г. В Южно-Африканском Союзе подобный суд учрежден 26 марта 1924 г.; в Финляндии—28 окт. 1924 г.; во Франции 24 сент. 1925 г., в Японии—1 июля 1926 г.. Приказом 22 марта 1928 г. предусматривается учреждение специальных трудовых судов в Польше. Существуют подобные суды и во многих штатах Северной Америки.

4. Фашистское законодательство разрешило вопрос о стачках и локаутах со свойственной ему прямолинейностью. Оно абсолютно запретило эти вредные для государства способы борьбы за односторонние интересы, установив за применение их уголовные наказания (Закон 3 апр. 1926 г. гл. III Della serrata e dello sciopero). Запрещены также всякие коалиции, направленные в сторону подобной борьбы, и конспирация.

Фактически таково же положение в С.С.С.Р. Вопрос о стачках здесь не урегулирован. В частных предприятиях они остаются нормальным средством борьбы, но частных предприятий почти не существует. В государственных же предприятиях забастовки законом не запрещаются, но фактически не могут быть осуществлены, т. к. при общем характере режима они будут квалифицированы, как выступления против государственной власти.

Право стачек было в свое время прогрессивным. Оно способствовало организации рабочих для самозащиты, укрепляя чувство солидарности в кругу лиц одинаковой профессии.

5. Синдикальные организации не только не разрушают сознание профессиональной солидарности, но еще более укрепляют его. Однако, существует солидаризм еще более высокий, солидаризм, объединяющий противостоящие группы, во имя целей, стоящих выше интересов обоих категорий (классовых интересов). Забастовки и локауты нарушают мирную жизнь и причиняют слишком тяжелый ущерб стране, для того чтобы государство могло спокойно допускать их.

Фашистское законодательство исходит из следующих соображений: нация имеет организованную юстицию, которая представляет могущественный орган для регулирования интересов, и никто не имеет права игнорировать эту юстицию. Противоположные группы должны проникнуться тем сознанием междугруппового интереса, тою высшею солидарностью, о которой говорил идеолог солидаризма Буржуа (см. начало гла-

вы). Если же этого сознания недостаточно, то конфликт должен быть разрешен методом права, а не силы.

Италия и здесь идет по пути, который предугадывали французские мыслители, но Италия принудительно указывает направление на этот путь, тогда как Франция предоставляет найти его свободно развивающемуся сознанию национальной государственности.

В странах давно установившейся демократии и с высокою культурою принудительные меры фашизма внесли бы только раздражение, однако, даже в Англии, несмотря на царящий там дух свободы, прошел в 1927 г. закон, запрещающий политические забастовки (забастовки сочувствия), как представляющие собою подлинное восстание против государственной власти.

Во всяком случае идея, которою руководился итальянский законодатель, новая не по существу, а по решительности, представляется нам жизненною и отвечающею потребностям и тенденциям нашего времени.

6. Коллективные договора—выражение воли двух сторон, добровольное их самоограничение. Каждый синдикат выражает интересы одной из категорий. Договор устанавливает равновесие интересов. Государство, со своей стороны, обязано поддерживать это равновесие, чтобы обеспечить достижение высших целей. Организации, с помощью которых фашистское государство поддерживает это равновесие, носят название корпораций. В законе 3 апр. 1926 г. об „юридической регулировкѣ коллективных договорных отношений" упоминается (ст. 3) организация центральных органов, объединяющих обе параллельные ассоциации: работодателей и рабочих, без устранения самостоятельности каждой из этих параллельных организаций.

В регламенте к указанному закону основы организации корпоративных органов намечены уже достаточно подробно.

Корпорации представляют собою государственные органы. Они, как определяет Хартия Труда (C. d. L. VI.), образуют орган, объединяющий производительные силы и представляющий их интересы в совокупности (integralmente).

Как государственный орган, корпорации стоят над обеими сторонами и обладают двоякого рода функциями: юрисдикции и административного регулированья. Они примиряют стороны при конфликтах и могут нормировать общие условия труда. Этим достигается высшая солидарность двух классов в национальном сообществе.

Корпорации—административные, а не законодательные органы. Поэтому они могут действовать только в пределах суще-

ствующих законов, устанавливая 1) общую организацию производства, 2) минимальную заработную плату, 3) учреждение бюро труда, 4) стаж подмастерий, 5) общие условия, благоприятствующие производству[30]).

В 1928 г. корпорации еще не были учреждены. Вместо них действовали междусиндикальные комитеты, Comitati intersindicali органы партии, председательствуемые секретарями фашистских федераций. Действиями этих комитетов руководил Центральный Междусиндикальный Комитет, с участием товарищей государственных секретарей (т. е. товарищей министра) Министерства Корпораций и Министерства Национальной Экономии и президентов Национальных синдикальных конфедераций (см. выше гл. VI). Работе этих органов придавалось чрезвычайное значение, т. к. она проводит в жизнь то, что составляет душу режима, новый синдикализм, основанный на сотрудничестве и солидарности.

Был момент, когда обстоятельства потребовали уменьшения заработной платы и центральный междусиндикальный комитет достигнул этого, подтверждая на опыте, что национальная солидарность представляет собою факт.

7. На вершине корпоративной организации находится Министерство Корпораций, учрежденное указом 2 июля 1926 г. Министерство возглавил Муссолини. В составе министерства всего 32 человека, т. к. правительство стремилось устранить из этого учреждения всякую бюрократичность. Министерство состоит из двух департаментов: один ведает корпорациями, другой—профессиональными ассоциациями. Функции Министерства политико-административные (покровительство и надзор за ассоциациями) и политико-экономические (ограждение высших интересов национальной продукции).

При новом Министерстве состоит национальный Корпоративный Совет (Consiglio Nazionale delle Corporationi) для высшей координации корпоративных органов, с участием представителей ведомств и корпораций.

Новое Министерство, как характеризует его один итальянский автор[31]), является органом политического и социального обновления Италии. „Министерство внутреннего мира"—называет его другой автор[32]).

8. В деле воспитания народа в духе национальной солидарности существенную роль, на ряду с ведомством корпораций, выполняет т. н. Magistratura del lavoro (Трудовые палаты). (См. Begolamento 1 luglio 1926, tit. V).

[30]) См *Zangara* о. с. стр. 122-123.
[31]) *Nino Orsi* (см. прим. 54) стр. 294.
[32]) Prof. *P. Chimienti*, L'organizzazione nazionale fascista, 1928, стр. 80.

Эти специальные судебные органы организованы при апелляционных судах в составе председателя, двух членов суда и двух лиц, приглашаемых из списка экспертов по вопросам промышленности и труда[33]). Эксперты участвуют в рассмотрении дел не как представители интересов, а как сведующие лица.

Судебному разбирательству должна обязательно предшествовать попытка примирения сторон корпорациею. Если примирение не удается, то суд разбирает дело и может вынести решение двоякого характера: либо чисто-судебное, основанное на толковании действующего коллективного договора, либо правотворческое (**jus novum**),вносящее новое начало в отношения сторон, как, напр., изменение действующего еще не потерявшего силу договора или нововведение в условиях труда, в виду существенного изменения фактических обстоятельств **(rebus sic stantibus).**

Решения выносятся **secundum artem boni et aequi,** т. е. по началам доброй совести и справедливости, принимая во внимание интересы обеих сторон и руководствуясь во всех случаях высшими интересами народного хозяйства.

Все особенности этого суда объясняются тем, что законодатель запрещает классовую самозащиту[34]) и стремится устранить необходимость в ней, устанавливая гармонию интересов (социальную гармонию).

Стремясь сплотить рабочих и работодателей в солидарно действующие организации, фашистское государство расчитывает в то же время воспитать в них сознание принадлежности их к одной и той же нации и необходимости согласовывать сталкивающиеся интересы, во имя интереса общегосударственного.[35]).

8. Эта тенденция не является, повторяем, новою.Она только более решительна. Примирительный процесс в Германии (по закону 1923 г.) и ее особые трудовые суды (A. G. G. —23 дек. 1926 г.) построены приблизительно так же, как и магистратура **del lavoro.** Примирители рассматривают дела, руководствуясь процессуальными правилами, но они, тем не менее, не судьи. Их задача—помочь заключению нового коллективного договора. Они не стеснены нормами действующего соглашения,

---

33) Списки экспертов составляются на два года провинциальными Советами Экономии, по рекомендации законно признанных профессиональных организаций.

34) *N. Orsi* о. с. стр. 272.

35) Этой цели нельзя достичь при разбирательстве индивидуальных конфликтов. Поэтому споры отдельных лиц по трудовым конфликтам не пользуются покровительством, о них предварительно уведомляются синдикаты. Процесс по таким делам производится в общих судах (закон 26 февр. 1928 г.), но все-же с участием заседателей, на паритетных началах представляющих стороны. Одиноко стоит в этом вопросе германское законодательство (закон 1926 г.), которое относит к компетенции трудовых судов и коллективные, и индивидуальные трудовые конфликты.

а, наоборот, должны стремиться установить новые, которые были бы приемлемы для обеих сторон.

Подобно административным органам, они действуют, руководствуясь принципами целесообразности. В тех случаях, когда они учреждены властями, они действуют, как вспомогательный публично-правовой орган с целью поддержания мирного труда и предотвращения конфликтов. Если же они действуют, как учреждения автономных союзов, то их деятельность носит характер актов самоуправления[36]).

В некоторых случаях решение примирительной камеры, в силу закона, обязательно для сторон[37]).

Новые трудовые суды Германии (по зак. 23 дек. 1926 г.) построены также с паритетным представительством рабочих и работодателей и, в интересах рабочих, как стороны с менее благоприятным для самозащиты положением, действуют с многочисленными отклонениями от обычного процесса. Они также не стеснены действующими нормами и могут не только выносить судебные решения, но и творить право.

Проф. Таль характеризует это, как общую тенденцию: „в новейшее время все сильнее проявляется тенденция в случаях, когда трудовые конфликты угрожают жизненным интересам общества, предоставить суду, как постоянному государственному так и ad hoc учрежденному третейскому, устанавливать условия труда на будущее время. Здесь уже речь идет не о суде в обыкновенном смысле. Его задача не судебное решение, а правотворчество, как, напр., установление минимума заработной платы, новых методов исчисления ее, установление нормы рабочего времени, распространение обязательности третейского решения или условий тарифного контракта на предприятия и лиц, которые не участвуют в споре или тарифном договоре и т. д. (ср., напр., Industrial Conciliation and Arbitration Act в Новой Зеландии). Практический результат подобных судебных решений таков же, как при установлении обязанностей министерским указом. Его юридическая сила такова же, как и решения, вынесенного в обычном судебном порядке, но суд выполняет здесь новую функцию, существенно отличную от обычной судебной“[38]).

Таково направление современного законодательства, желающего мирного разрешения трудовых конфликтов. Это стремление логически приводит к запрещению стачек.

Законодатель Германии, как и в других странах, не ре-

---

[36]) *Kaskel* о. с. стр. 282.

[37]) Там-же, стр. 297 сл

[38]) *L. Thal,* Rechtsvergleichender Überblick (*Die Arbeitsgerichtsbarkeit.* Arbeitsrechtliche Seminarvorträge IV, 1929).

шился, однако, запретить стачки. Лучше ли это? Вопрос этот не может получить общего ответа. Стачки очень опасны в стране отсталой или переживающей тяжелый экономический кризис, с трудом выдерживающей конкуренцию других, опасны в стране низкой культуры и недостаточной национальной сознательности; менее опасны в стране с устойчивым хозяйством, с высокою культурностью. Стачки могут быть запрещены без большой опасности для успеха рабочего движения там, где гарантирована внеклассовость государственной власти, и специальные суды по трудовым делам действительно независимы от односторонних влияний, и, наоборот, право стачек следует сохранять в резерве, как силу, необходимую для поддержки права, когда правам грозит опасность со стороны другой силы.

Но при всех условиях трудно отрицать, что тенденция современного трудового права найти такие организации и правовые гарантии интересам рабочих, чтобы потребность в дорого стоющей борьбе забастовками была сведена к нулю.

ГЛАВА VIII.

КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

(фашистский режим в Италии).

1. Надклассовое и внепартийное начало в корпоративном государстве. 2. Отличие от государства либерально-демократического типа. 3. Сопоставление государственных организаций фашизма и коммунизма. 4. Идея солидарности в применении к демократическому государственному строю. 5. Проекты Коля (гильдейский социализм), Дюги, Ратенау. 6. Государственный строй современной Италии; значение фашистской партии; Верховный совет (реформа 1928 г.); фашистский парламент 1929 г. 7. Усиление центральной власти в Италии и общий политический режим. 8. Фашизм, как авторитарная демократия. 9. Существо фашизма и его значение.

1. Корпоративная организация общественных классов не связывается непременно с определенным политическим строем. Но общему духу корпоративного государства не соответствует парламентаризм с его господством партийности и политиканства. Не соответствует ему и формальная демократия, с ее безличною основою, голосованием большинства и фактическим господством влиятельных групп или случайных настроений[39]).

[39]) Литература — Dott. *A. Penorachio*— Lo Stato Corporativo Fascisto. *V. Zangara*, Rivoluzione sindacale (lo stato corporativo). *Costamagno*, C. Diritto corparativo italiano. *Guarnieri Ventimiglia* A. I. Principi giuridici dello stato corporativo. Офиц. издание Министерства Корпораций — Disciplina giuridica dei rapporti collettivi del lavoro e ordinamento corporativo dello stato.

Где общество организуется на началах солидаризма, там на всех этажах государственного здания должно господствовать единение живых сил нации: вершина государства должна представлять собою надклассовое и внепартийное начало. Политические партии приучают к сознательности, дисциплине и борьбе. Синдикаты достигают той же цели, но с преимуществом чисто делового направления. Политическая партия ищет увлекательных лозунгов, старается воспользоваться промахами противника, соблазнить нейтральных. Синдикату, по характеру его работы, чужды подобные приемы. Но, зато, синдикат связан с узким интересом определенной группы, большею частью узкоклассовым эгоизмом. Это направление деятельности синдикальных организаций обеспечивает им в то же время жизненность. Современный человек больше понимает то, что непосредственно связано с его повседневными интересами. Поэтому синдикат, как хорошая кооперативная лавка, всегда обеспечен клиентурой.

Узкий характер деятельности синдиката корректируется синдикальными инстанциями: федерациями и конфедерациями, горизонты которых шире. Они представляют только профессиональные интересы определенной категории, хотя уже не в местном, а в более широком, областном и даже государственном масштабе. Но истинно государственное начало в синдикатскую организацию вносят корпорации, регулирующие и примиряющие классовую борьбу. Естественно, что и все высшие государственные учреждения в корпоративном государстве должны быть построены на тех же принципах национального солидаризма.

Торговый и промышленный капитал, интеллигенция, религиозные движения, чиновничество, адвокатура—все это живые силы, активно действующие в государстве, и власть должна согласовывать и направлять их действия так, чтобы обеспечить достижение высшего национального блага.

2. В современном демократическом государстве предоставляется полная свобода соревнования активных сил. Государство, раньше только „ночной сторож“ (Лассаль), теперь, правда, не вполне безучастно к происходящей борьбе, но все-же оно не считает себя вправе вмешиваться в нее и регулировать.

Иное положение создает солидаризм. Поскольку эта система, охраняя частные права, связывает их однако, подчиняя публично-правовому контролю, она усиливает и роль государства. На примере водного права (гл. IX) мы будем видеть, в какой мере активна должна быть административная власть для того, чтобы согласовать индивидуальные интересы собственников вод и обеспечить наилучшее использованье вод с точки

зрения общего блага. Развитие идеи солидаризма предполагает распространение такой системы и на другие отношения хозяйственной жизни (см. гл. IV). Упадок земледельческого хозяйства в Европе уже вызывает необходимость некоторого руководства из центра и, может быть, в этой области предстоит очередное применение начал солидаризма в широком масштабе. Законодательство, регулирующее отношения труда и капитала, в свою очередь показывает, насколько современное государство непохоже на „ночного сторожа", ограниченного в своих заботах о покое охраняемых им граждан и безучастного к их жизни. Государство солидаризма должно обладать самостоятельною инициативою, должно быть деятельно и властно.

В этом его первое отличие от либерального государства. В этом отношении солидаристическое государство продолжает традиции так называемого „культурного" государства, признающего своею обязанностью активное участие в проведении культурных начинаний и недопущение антикультурных явлений.

Изменяется и внутренний строй нового государства. Как уже указывалось, оно составляется из организованных групп, а не из распыленных граждан. При этом само государство содействует организации противостоящих сил, в целях расширения индивидуальных возможностей, благодаря коллективной работе. Но если государство само организует противостоящие силы в могущественные конфедерации, то оно уже не может оставаться в роли наблюдателя, оно должно властно простирать свою руку над ними, готовое в любой момент сдержать эгоистические порывы классовых организаций в русле общенациональной политики.

В этом второе также существенное отличие нового государства от государств обычного либерально-демократического типа, в котором власть переходит из рук в руки, в зависимости от соотношения сил и влияний. Наряду с отдельными лицами, официально призываются к активности корпоративно организованные группы и над ними ставится всегда внеклассовая государственная власть, которая, вследствие своей независимости от случайных политических комбинаций, приобретает большую устойчивость, чем современные парламентарные кабинеты. Такова идея корпоративного солидаризированного государства.

3. Великая война, которая, по словам Ратенау, в действительности была „великою революциею", создала и другой тип государства, совершенно противоположный по характеру, а именно государство пролетарское, чисто классовое, в котором национальный интерес отожествляется с классовым и где, сле-

довательно, все расходящиеся с пролетарскими интересы и силы подавляются.

Между двумя типами нового послевоенного государства: фашистским и коммунистическим, замечается некоторое внешнее сходство. Оба они отрицают чрезмерный индивидуализм и формальную демократию—всеобщее избирательное право, парламентаризм, неустойчивую власть, опирающуюся на число голосов, систему, не обеспечивающую преобладания одной влиятельной группы. Оба признают, что правит государством не народ (разоблаченная идея народного суверенитета), а активное руководящее меньшинство „элиты", как это в действительности всегда бывает, но лицемерно вуалируется. Но сходство это чисто внешнее. Корпоративное государство организует все силы нации и партия, руководящая этим государством, по праву революции, должна стремиться к полному слиянию с нациею. Пролетарское государство боится этого слияния, т. к. нация заключает силы противоположных или противоречащих интересов (мелко-буржуазная стихия), которые грозят поглотить или растворить в себе господствующий класс.

Это коренное отличие ставит пролетарское (коммунистическое) государство в существенно отличное от прочих положение, в то время как корпоративное государство представляет из себя лишь перерождение существующего демократического строя.

Идеологи фашизма, противопоставляя его коммунизму, предсказывают их неизбежное в будущем столкновение: „С коммунизмом фатально суждено решительное столкновение в будущем—близком ли или далеком". „Латинский рассудок вступит в борьбу с монгольским. Запад подымется против востока"[40]).

4. На чем же однако, основано утверждение, что корпоративное государство не расходится так же резко с демократическим государством как коммунистическое?

Если мы характеризуем идею корпоративного государства, как солидаризацию всех национальных сил, то эта идея не расходится с практикою парламентарных стран. Как бы ни были внешне отличны формы государственного устройства, но и в стране парламентаризма, где правит большинство, все направлено, однако, в сторону согласования интересов и оппозиция, превращаясь в большинство, неизбежно сглаживает остроту своих требований, чтобы дольше удержаться у власти (теория компромисса)[41]).

---

40) *V. Zangara*, Rivoluzione sindacale, 1927, стр. 61.

41) Ср. статью Prof. *Bonn* в сборнике „Internationaler Faschismus", 1928 г. стр. 137.

В момент же государственных затруднений все партии сговариваются о взаимных уступках, избирается коалиционное правительство и утверждается „национальное единение“ (union nationale в современной Франции).

Таким образом, идея национальной солидарности отнюдь не чужда парламентарному государству, но здесь она возникает, как политический факт, тогда как в корпоративном государстве она облекается в юридические формы.

5. После великой войны необходимость солидарной работы всех классов общества сознавалась очень отчетливо и существует немало попыток практического и теоретического характера юридически обеспечить такую солидарную работу наций.

К числу этих попыток следует отнести хозяйственные организации Германии, т. е. прежде всего Хозяйственный Совет, объединяющий предпринимателей и рабочих. Здесь представительство построено уже на принципе интересов, каждому интересу отдается должное и противоположные интересы примиряются на основе общенациональной выгоды.

Далее интересною является попытка Габриэля Д'Аннунцио организовать свою эфемеридную республику Карнара, в которой для управления и законодательства предусматривалось два Совета из специалистов и представителей различных групп населения. Раз в год эти советы объединялись.

Из теоретиков интересен английский писатель Коль[42]). Сначала он предлагал передать все промышленные предприятия в собственность государства и объединенных гильдий. В гильдии входят все трудящиеся данного вида индустрии, не исключая и представителей умственного труда. Работа гильдий объединяется смешанными комитетами, затем окружным и, наконец, национальным конгрессом гильдий. В целях равновесия публично-правовых и частно-правовых собственников, Коль предлагал лишать государство права наказаний, угрожающих личной свободе, права распоряжаться военною силою и вести международные сношения. Критика этих проектов, расшатывавших государство, побудила Коля изменить его проект и он наметил три организации: политическую (государство), профессиональную или гильдейскую (vocational) и потребительскую (appetitive: consumers and users [43]).

Совместными собственниками предприятий Коль представлял себе гильдии и организации потребителей.

И здесь мы видим попытку согласования расходящихся

[42]) *Cole* „Chaos and Order in Industry“, The Warld of Labour“ и „Social Theory“.

[43]) *Cole* „Social Theory“. стр. 66 сл.

интересов посредством юридической реорганизации государства и хозяйства.

Не менее интересны идеи Дюги, учения которого непосредственно близки нашей теме, так как он утверждал в своем учении о государстве, как это уже было раньше изложено (гл. I п. 9), что в основе государства—социальная солидарность[44])

Дюги обращал внимание на то, что нация состоит не только из индивидов, но и из групп, объединяющих индивидов[45]). Поэтому Дюги считал целесообразною двухпалатную систему представительства на следующих началах: первая палата представляет индивидов, вторая—группы, именно—ассоциации рабочих, земледельцев, промышленников, коммерсантов, ученых и религиозные общества.

В Германии Ратенау[46]) предлагал объединить однородную промышленность, ремесла и торговые предприятия и возложить управление промышленностью на индустриальные союзы. Он допускал избрание на основе всеобщего голосования генеральных штатов, но, кроме того, предлагал избирать специальные организации, в том числе коммерческие и экономические, на основе функционального представительства.

Таким образом, известно немало проектов, отрицательно относившихся к избранию депутатов всеми и никем, анонимною и безответственною массою, и требовавших взамен, чтобы государственная власть отражала деление общества на группы и вносила единство в их деятельность.

6. Новая политическая организация в Италии отвечает этим тенденциям. После того как закончена была организация синдикальной иерархии, представилась возможность реорганизовать и политическое представительство.

Муссолини терпел парламент, пока не знал, чем его заменить. Политика итальянского диктатора заключается в том, чтобы постепенно все органы фашистской партии превратить в государственные органы. Вождь партии—дуче" становится Capo del governo (главою правительства). Секретарь партии, по декрету 1929 г., назначается указом короля и является участником высших правительственных учреждений. Пострадавшим участникам фашистской революции присвоены все привилегии участников великой войны. Фашистская гвардия, совершавшая поход на Рим (marcia su Roma), составляет ядро милиции, преданной опоры режима, подчиненной непосредственно „дуче". Некоторые фашистские организации преобразуются в синдикаты и

[44]) Droit constit. t. 1 p. 297. Там-же стр. 371. см. выше часть I прим. 21.

[45]) Ср. *G. Valois* Un nouvel âge de l'Humanité 1929 p. 76, 152 и др., где говорится: „государство—собрание граждан и федерация синдикатов.

[46]) *W. Rathenaû*—(см. выше ч. I прим. 50) B. V Der neûe Staat, стр. 291—302.

корпорации. Верховный Совет партии в 1928 году преобразован в Верховный Совет Италии.

Муссолини считает фашистскую партию выразительницею духовного и национального облика страны. С момента перехода власти к партии он повел ее по пути слияния с нацией. Но при таком положении партия могла бы раствориться в массе. Выгода участия в господствующей партии толкнула бы в нее массы населения и партия потеряла бы свое значение руководящей организации. Поэтому фашизм забронировался. Творцы фашистской революции считают себя наиболее приспособленными для организации нового строя. Не потому, что уже с самого начала они обладали определенною программою (этого в действительности не было), но по своей психологии, воспитанной в принципах солидарности, национализма и смелости действий. Поэтому запись в партию с 1927 г. прекращена и введена система набора (la leva fascista). Вступление в партию открыто только авангардистам, достигшим 18 лет. Подготовка новых партийцев ведется в широком масштабе через посредство, главным образом, Opera Nazionale Balilla (Национальная организация имени Балилла), которая воспитывает молодые поколения в вере и преданности начатому делу, чтобы они могли продолжить его в веках, побеждая время и неизбежные противодействия[47]).

Через несколько лет сотни тысяч молодых людей будут пополнять ряды фашистской партии. Уже в 1927 г. главнейшие организации по подготовке и воспитанию молодежи в духе фашизма насчитывали в совокупности свыше 600.000 участников[48]).

Другая организация, вовлекающая массы населения в сферу влияния фашизма и воспитывающая их в симпатии к новому режиму это „Организация послетрудового отдыха (Opera Nazionale del dopolavoro). Эта организация охватила страну сетью культурных учреждений. Она открывает трудящимся и их семьям самые разнообразные возможности: дает художественное воспитание (музыка, пение, кино, театр, открывает льготный доступ на концерты и спектакли; содействует физическому воспитанию (спорт, экскурсии), специальному образованию (профессиональная подготовка для повышения квалификации) и общему (библиотеки, курсы, школы); содействует гигиене и санитарии и улучшению жилищ; оказывает различные виды помощи при посредстве ссудных касс, кооперации и всяких других органи-

47) *„La Civilta fascista“* 1928 стр. 597 сл. Балилла—фамилія юноши, бросившего камень в австрійцев и положившего начало национальному освобождению, символизирует патриотические цели юношеских организаций.

48) Авангардистов—280 000; Balilla—405.000; Giovani Italiani—14.000; Piccole italiane —80; Universitari fascisti—12500.

заций более специального характера, обслуживающих земледельцев, индустриальных рабочих, моряков, рыбаков, женщин, как матерей и хозяек и пр.

Общая линия работы этой организации, которая законами 1 мая 1925 г. и 8 мая 1927 г. поставлена под опеку государства и поставлена, при том, на широкую ногу, соответствует жизненным интересам миллионов трудящихся. Им помогают повысить квалификацию труда, приобрести полезные сведения, развивать духовные и физические силы в противовес гибельным последствиям тэйлоризма, и в то же время воспитывают национальное самосознание и любовь к родине (экскурсии, фольклор, исторические сюжеты и пр.),

Opera Nazionale Dopolavoro обслуживает миллионы граждан; синдикаты же охватывают почти все население. Неудивительно, поэтому, что фашистские организации все более врастают в жизнь. Фашизм создал себе опору в нации. Этим объясняется успех последней политической реформы, которая обогащает опыт государствоведов новым типом представительного учреждения, построенного на основе синдикальной организации и завершающего постройку корпоративного государства.

В ноябре 1928 г. Муссолини провел через Сенат и Парламент закон о Верховном Совете, как высшем политическом органе страны. В состав его входят члены трех категорий: 1) пожизненно заслуженные деятели фашизма, участники Marcia su Roma, лица, которые по должности министров в течение по крайней мере трех лет принимали участие в Верховном Совете до его преобразования и все секретари фашистской партии, занимавшие эту должность со времени 1922 г.; 2) по должности входят все те, кто возглавляет учреждения, отражающие политическую жизнь нации, как то: председатели палат, министры, начальники милиции, президент института фашистской культуры и организации по воспитанию юношества (Opera Nazionale Balilla), председатели крупнейших синдикальных организаций общенационального характера, председатели кооперативного центра и председатель специального трибунала по делам о государственной безопасности; 3) на срок до трех лет приглашаются те, кто по заслугам перед нациею и фашистскою революциею может быть ценен в качестве членов Верховного Совета[49]).

Верховный совет является совещательным органом при ко-

[49]) В 1929 г. последовало новое изменение организации Верховного Совета. В составе его решающее значение по всем вопросам приобрели квадрумвиры похода на Рим. Вторую группу составляют те же лица, при участии некоторых министров и высших должностных лиц. Наконец, третью—составляет неопределенный круг лиц, оказавших услуги нации или фашистской революции.

роле и правительстве. Председательствует в нем глава правительства. На обсуждение вносятся проекты важнейших правительственных мероприятий, вопросы войны и мира, кандидатуры на пост главы правительства.

Несмотря на свой консультационный характер, Верховный Совет фактически связывает корону и определяет подлинное престолонаследие, преемство фактической верховной власти.

Самый трудный политический вопрос личной диктатуры, вопрос о судьбе власти после смерти диктатора, разрешен в Италии законом о Верховном Совете, который составляет список кандидатов на пост главы правительства, для рекомендации королю.

Нетрудно видеть, что учреждением Верховного Совета фашистская партия инкорпорируется в государство и, как сказано в объяснительной записке к законопроекту (см. Il Jiornale d'Italia 9 novembre 1928.): „Национальная Фашистская партия из частной ассоциации, каковы были партии при старом режиме, преобразуется в крупное учреждение публичного права, основное орудие режима в деле пропаганды и политического и социального воспитания итальянского народа".

В самом деле все крупнейшие деятели партии получают положение постоянных советников короля и правительства, и самые близкие к фашизму учреждения, как-то: общенациональные синдикальные организации, фашистская милиция и академия (институт фашистской культуры) получают в верховном совете постоянное представительство.

Учреждение Верховного Совета предшествовало осуществлению уже ранее объявленной реорганизации парламента (закон 17 мая 1928 г.). По словам проф. Кимиенти, реформа эта „наиболее сложная и решительная из всей юридико-политической системы фашистского режима[50]).

На основании этой реформы политическое представительство перешло к организациям, ограждающим интересы социальных категорий. Задавшись целью перевоспитания нации через посредство организаций синдикального характера, фашизм соответствующим образом приспособил и политическую систему. Корпоративное государство, консолидирующее нацию, укрепляется и получает новые силы для своего дальнейшего прогрессивного развития[51]).

Политические реформы предприняты были фашистским правительством уже после нескольких лет существования син-

[50]) *Prof P. Chimienti* о. с. (прим. 32) стр. 82.

[51]) Декрет—закон 3 сент. 1926 г. утвердил Муниципальные советы с паритетным представительством работодателей и рабочих. Таким образом, корпоративная база последовательно подводится под самые разнообразные учреждения.

дикальных организаций, когда выявились активные работники нового строя и представилась возможность наметить кандидатов в преобразуемый парламент.

Новый парламент избирается следующим образом. Первоначально намечается тысяча кандидатов: восемьсот кандидатов намечается синдикальными организациями и двести ассоциациями другого рода. Пропорция кандидатур различных синдикальных организаций такова:

Конфедерация земледелия—землевладельцы и рабочие по 96 кандидатов; конфедерация индустрии—предприниматели и рабочие по 80 кандидатов; конфедерация торговли—коммерсанты и служащие по 48 кандидатов; конфедерация морского транспорта и воздухоплавания—предприниматели и служащие по 40 кандидатов; конфедерация сухопутного и внутреннего водного транспорта по 32 кандидата от предпринимателей и рабочих; конфедерация банковская по 24 от банков и служащих и, наконец, от конфедерации лиц умственного труда—160 кандидатов. Всего 800 кандидатов.

Конфедерации:	Предприним.	Рабочие	Всего
Земледелия	96	96	192
Индустрии	80	80	160
Торговли	48	48	96
Морского транспорта и воздухоплавания	40	40	80
Сухопутного транспорта и внутреннего водного сообщения	32	32	64
Банков	24	24	48
Лиц умственного труда	160	—	160
Итого			800

Остальные двести кандидатов представляются следующими ассоциациями: национальным союзом служащих государственных учреждений (синдикаты чиновников в Италии запрещены) — 28; национальным фашистским союзом учащих первоначальных школ 10; железнодорожники (cheminots)—5; от служащих почт и телеграфа—2; персонала государственных предприятий—2; от университетов—30; от средних школ—15; академий—9; институтов изящных искусств—2; фашистского института культуры—3; общества имени Данте Аллегиери—2; союза комбаттантов—45; союза увечных—30; национального итальянского центра—8; морской лиги—1; колониального института—1; ко-

операции—1; сберегательных касс—1; акционерных компаний—1; общества земельных улучшений—1; итальянского бюро туризма—1; итальянского комитета олимпийских игр—1; организации послетрудового отдыха—1. Всего 200 кандидатов.

Все перечисленные организации представляют реальные деловые интересы. Исключение составляет только национальный центр—организация политического характера, приютившая многих деятелей бывшей народной партии и тесно связанная с католическими кругами. Но здесь можно видеть желание дать представительство католической церкви, как могущественной организации, которую фашизм всеми мерами старается привлечь на сторону нового режима. Двести кандидатов, выдвигаемых перечисленными организациями не синдикального характера, вместе со 160 кандидатами представителей умственного труда, занимают больше третьей части всего списка. Отсюда видна тенденция законодателя обеспечить возможно более высокий интеллектуальный уровень будущего представительного учреждения.

Весь список в числе тысячи кандидатов представляется Верховному Совету, который отбирает из него четыреста наиболее достойных занять депутатские кресла. Верховному Совету предоставлено, впрочем, право включить в окончательный список часть своих кандидатов, лиц, пользующихся высокою репутациею в области наук, искусств и политики, которые случайно не попали в список кандидатов, составленный по первоначальным указаниям.

Окончательно утвержденный список в 400 кандидатов подвергается плебисциту. Как известно, состоявшиеся в марте 1929 г. выборы дали преобладающее большинство голосов в пользу списка, предложенного Верховным Советом, и с 20 апреля 1929 г. в Италии работает парламент, избранный по совершенно новой системе, а главное органически связанный со всею системою синдикальных учреждений.

Выборы производились без шумной избирательной компании. Муссолини и префекты накануне плебисцита произнесли речи в защиту режима. Никто, конечно, не мог выступить с возражениями. Свободы слова и печати фашистская диктатура не допускает. Не было конкуренции списков, следовательно, ничего нельзя было и противопоставить правительственному предложению. Не допускалось и частичных поправок. Голосование производилось по древнему римскому обычаю за или против списка целиком, без оговорок (**jussum** или **non jussum populi, rogante magistratu**).

Как сообщала после выборов пресса, фашистские списки

напечатаны были на бумаге, окрашенной в три цвета национального флага, бюллетени же против — на белой бумаге. Даже когда бумаги были сложены, разница между ними была совершенно ясна. К тому же на наружной стороне бюллетеней была подпись правительственного чиновника, при чем она была написана по разному на белой и на разноцветной бумаге, так что ее сразу можно было отличить.

Оказывалось, помимо того, и давление. Все это вовсе не плюс новой системы. Но результат тайного голосования, давшего более восьми миллионов голосов в пользу списка против ста тридцати шести тысяч, едвали мог иметь место только благодаря избирательным ухищрениям и репрессиям. Слишком трудно было-бы собрать восемь миллионов голосов при общем населении в 40 миллионов, если бы фашизм не врос в нацию. Теперь после первого опыта правительство могло бы уже не бояться свободной избирательной кампании и вообще смягчить режим, который оправдывался лишь необходимостью закрепить завоевания фашистской революции.

На случай, если бы плебисцит дал отрицательные результаты, закон 17 мая 1928 г. о реформе политического представительства предусмотрел (ст. 8) новые выборы на основе конкуренции списков, которые могут быть представляемы всеми обществами и организациями, насчитывающими не менее пяти тысяч членов, занесенных в избирательные списки. Ни один список не может выставить более трех четвертей всех кандидатов.

К этой запасной системе выборов фашистской Италии прибегать не пришлось.

7. Государственный строй современной Италии очень далек от совершенства и интересен для нас лишь как опыт организации политической жизни страны на основе солидаризации общественных классов, исключающей классовое или партийное преобладание.

Кризис современного правосознания отожествляется с кризисом демократии и фашистскую диктатуру изображают обычно с ее отрицательной стороны, как реакцию против демократизма. С этой точки зрения производится и сопоставление итальянского фашизма с русским большевизмом[52]). Сходство заключается в принятии обоими движениями идеи руководящего меньшинства, принципа власти вождей. Сходство заключается и в приемах управления, возрождающих начала „полицей-

[52]) *Н. Устрялов* — Итальянский фашизм, Харб. 1928 г. стр. 166. Книга эта добросовестно и сочувственно излагает внешнюю историю фашизма, но характеризует его крайне односторонне и не дает правильного представления о его природе. Ср. издание Centre international d'Etudes sur le faschisme. (Cinef) Annuaire 1928 № 1

ского" государства. Но этим и ограничивается чисто внешнее сходство двух режимов. Существо их совершенно различно. Государство классового господства и государство „социальной гармонии"—два различных мира. Параллели можно проводить лишь в отношении внешних приемов власти.

Фашистский „дуче", в качестве главы правительства, является таким же диктатором, как генеральный секретарь коммунистической партии в С.С.С.Р. Глава итальянского правительства не первый среди равных в совете министров, а подлинный властелин. Политикою руководит он, а не совет министров. Муссолини долго держал к тому же в своих руках портфели Военного Министерства, Воздухоплавания, Внутренних дел, Иностранных дел, Корпораций, Колоний. Глава Правительства отвечает непосредственно перед монархом, а не перед парламентом. Ни один вопрос не может быть поставлен на обсуждение парламента без согласия главы правительства[53]).

Между тем, компетенция правительства значительно расширена предоставлением ему права издания „декретов-законов" (закон 31 янв. 1926 г.), что много больше, чем обыкновенное право издания указов. Так напр., в 1928 г. Муссолини испросил себе право издания актов в развитие Хартии труда, что, при декларативном характере хартии (см. выше гл. VI), почти равносильно самостоятельному законодательству.

Сильной центральной власти соответствует расширение полномочий префектов и учреждение губернаторства в Риме. Префекты обьединяют деятельность всех органов власти, не исключая органов юстиции, военных и железнодорожных. Они связывают управление на местах с политикою центра, ежемесячно созывая начальников всех правительственных учреждений, для установления инструкций.

Одновременно с расширением объема полномочий исполнительной власти, фашистское законодательство проводит ряд исключительных законов, ограничиваюших „свободы" граждан.

21 ноября 1925 г. издан очень интересный закон, преследующий секретные общества, он направлен, главным образом против массонства. Закон требует от общества сообщения властям списка членов и других необходимых им сведений. За несообщение этих сведений представители обществ подлежат наказанию и могут быть смещены. Чиновникам и офицерам запрещено входить в общества, прибегающие к секретным действиям, т. к. иначе возможна недопустимая в государстве коллизия приказов власти с одной стороны и тайного общества

[53]) Вдохновитель фашистской юриспруденции, Альфредо Рокко, объясняет это тем, что законодательство по конституции осуществляется королем и палатами, а представителем короля является Capo del Governo.

—с другой: офицер или чиновник могут получать от них противоположные директивы.

Ряд законов с 1923 по 1926 г. установил репрессии против печати. Полная свобода печати, говорит один фашистский автор[54]), создает „тиранию невежества". Власть получила право прекращать тенденциозные издания, привлекать к ответственности редакторов и даже ограничить доступ к профессиональной журналистике созданием особого „ордена журналистов". Только те, которые приписаны к этому ордену, могут заниматься профессиональною журналистикою.

Законом 25 ноября 1926 г. введен исключительный режим для ограждения общественного спокойствия, с установлением смертной казни за покушения на высших должностных лиц и учреждением специального трибунала по этим делам с военным производством.

Введена конфискация имуществ у итальянских подданых, ведущих за границею агитационную работу против нового строя в Италии.

Наконец производится чистка правительственных учреждений от лиц, не понимающих или не сочувствующих новому строю.

8. Составляют ли все эти мероприятия специальную особенность фашизма? Мы видим в них обыкновенных спутников диктатуры и революции. При радикальном переустройстве общества необходима „сильная власть" и неизбежны исключительные положения. Но никогда нельзя оправдать фактическую безответственность власти, если она возводится в принцип, нельзя оправдать исключение начала выборности и подавление свободы печати. Если выборы не всегда удачны, это еще не значит, что всегда удачно назначение. Равным образом никто не станет утверждать, что если кто-либо избран, то он непременно плох. Если полная свобода печати причиняет порою зло, то не более ли зла причиняет невозможность критики?

Демократия это режим, который обеспечивает всем гражданам равенство перед законом и возможность активного участия в политической жизни. Она требует сознательности, которая, в свою очередь, предполагает возможность критики, свободу слова и собраний. Она должна установить формальное равенство граждан, а для этого необходимо предоставить возможность выдвинуться при посредстве выборов. Все не могут управлять, а потому демократия должна предоставить свободу политического соревнования и партийной борьбы.

Фашизм ограничивает свободы, ограничивает применение

54) *N. Orsi*—о. с. стр. 140.

выборности, но эти меры можно рассматривать, как временные и исключительные.

Нельзя назвать фашизм антидемократичным по существу его только потому, что он прибегает к этим временным и исключительным мерам, но они все же характерны для фашизма, как такового.

Фашизм порвал с демократией либеральной и осуществляет демократию авторитарную.

Либеральная демократия выработала характерные для себя внешние формы и гарантии. Парламентаризм и всеобщее избирательное право наиболее важные из внешних признаков демократии. Фашизм не остановился перед разрушением этих „святынь".

„Святыни" эти, впрочем, очень относительны и в значительной степени развенчаны. Парламентаризм, в смысле принципа составления правительства из большинства парламента, уже давно вызывает недовольство из-за той „чехарды", которую, по меткому выражению известного депутата Пуришкевича, представляет собой постоянная смена кабинетов.

Правда, под влиянием чувства национального самосохранения, парламентские партии и вожди сговариваются в трудные моменты и организуют коалиционные национальные правительства. Во Франции кабинет Пуанкарэ, опираясь на union civique, продержался три года, исключительно благодаря патриотическому сознанию. То же чувство национального самосохранения заставило пойти на взаимные уступки многочисленные партии рейхстага и поддержать в 1929 г. коалиционный кабинет. Но все это представляет большие неудобства и ставит государство в зависимость от парламентских случайностей. Неудивительна, поэтому, реакция против парламентаризма. Он прочно держится на своей родине, Англии. Но здесь сильны традиции, а они не допускают множественности партий. Сам парламент устроен так, что депутаты сидят одни против других: партия правительства по правую руку от председателя и „оппозиция Его Величества" по левую. Даже „треугольник", образовавшийся ныне, при одновременном выступлении трех партии: консервативной, либеральной и трудовой, с точки зрения англичан—большая ненормальность и, надо думать, судя по избирательной кампании 1929 г., что, если-бы не личность Ллойд-Джорджа, совершенно неприемлемого для консерваторов, то две буржуазные партии слились бы.

При отсутствии традиций Англии, режим парламентаризма очень неприятен, особенно в периоды большой творческой работы и естественно, что от него стараются освободиться.

Нет, например, парламентаризма в Соединенных Штатах Америки, в стране, которая в свое время (Токвиль) считалась образцом демократии, а теперь называется некоторыми (Валуа) страною капиталистической диктатуры. Исполнительная власть в Соед. Штатах формируется президентом. Послание президента конгрессу предопределяет направление законодательства. Veto президента останавливает законы, вотированные конгрессом.

Вообще, весь государственный уклад Соединенных Штатов построен так, чтобы лица, выдвинутые на высшие посты в государстве, могли проявить свою индивидуальность.

Вице-президент председательствует в сенате. Председателем палаты представителей (конгресса) избирается обыкновенно один из главных лидеров господствующей партии. Он облечен значительною властью. Действия его обычно согласовываются с президентом и его программою. Он определяет порядок рассмотрения дел. От него в значительной степени зависит назначение постоянных комиссий конгресса, которые играют чрезвычайно важную роль. Можно сказать, что партия большинства действует и в Англии и в Соединенных Штатах, как орган нации, и политика премьера или президента рассматривается, как политика нации. Национальное сознание и чувство ответственности корректируют партийную диктатуру, которая умеряется также существованием другой конкурирующей партии. Но важнее всего то, что интересы нации ставятся выше интересов отдельных лиц и отдельных штатов.

Что касается всеобщего избирательного права, то оно, несомненно, вытекает из существа демократии. Его политическое значение серьезнее, чем парламентаризма. Но и оно относится к формальным признакам демократии. Всеобщее избирательное право нужно было для того, чтобы привлечь всех граждан к политической жизни, чтобы укрепить их формальное равенство и принцип т. н. суверенитета народа. Но известно, что на практике оно привело к преобладанию профессиональных политиков (господству адвокатов, как часто, хотя и неточно, называют парламентских краснобаев) и—богатых политических партий.

„Кризис правосознания“ нашего времени касается как-раз „формальной демократии“, не оправдавшей возлагавшихся на нее надежд. Поэтому отказ от парламентаризма и всеобщего избирательного права тоже не означает сам по себе антидемократичности государственного строя, если он другими мерами расширяет социальную базу, на которую опирается власть, и открывает населению возможность активного участия в общественной жизни. Фашизм это и делает. Организуя все население в сеть синдикатов, он создает себе широкую базу и

привлекает к сотрудничеству все слои населения. Выдающиеся люди могут подыматься с низов на самый верх социальной лестницы. Можно даже утверждать, что эта возможность возвышения в корпоративном государстве, благодаря широкому применению паритета и принципа равновесия интересов, шире, чем в обычных условиях парламентарного государства.

К этому надо прибавить социальное законодательство. Фашистское правительство не отстает от передовых стран в своем рабочем законодательстве, особенно в области гигиены труда (подробный регламент 14 апр. 1927 г.) и страхования от болезней, несчастных случаев и безработицы (закон I июля 1928 г. о туберкулезных; закон 24 дек. 1927 г. о помощи земледельческим рабочим).

Для рабочих учрежден специальный орденский знак— **la stella al merito del lavoro,** для внешнего отличия за особые заслуги квалифицированных рабочих, а декрет 17 марта 1927 г. присоединил еще денежную премию в 1.000 лир для кавалеров названнаго ордена[55]).

Все это может характеризовать фашистское правительство скорее, как демократическое, чем антидемократическое. Таково и внешнее впечатление: армия чернорубашечников, строгая простота милицейской формы, приглашение в Рим представителей крестьянства со всех уголков страны, внимание к увечным и комбатантам и др.

Очень характерна для фашистского режима его милиция **(M. V. S. N. — Militia Volontaria per le sicurezza Nazionale).** История знает примеры, когда для защиты общественного порядка, власть может призвать на службу всех способных нести эту обязанность, исключая стариков, женщин и детей. Такие призывы имели место в Лондоне во время движения чартистов.

Нечто подобное представляет собою фашистская милиция. В отличие от войска она состоит из людей разных возрастов и разного положения. Здесь встречаются пожилые люди и юноши, адвокаты, коммерсанты и рабочие. Все они приходят, как равные в своем долге по отношению к государству. По призыву власти в 24 часа являются тысячи людей из разных мест страны. Правительство может в короткое время мобилизовать 250.000 человек. Милиция рассеяна по всей стране, в то время как войска и регулярная полиция сосредотачиваются обычно в определенных местах. Для организации милиции существуют постоянная организация и кадры, содержание которых обходится 50 милл. лир (несколько больше 3 милл. америк.

55) См. *Fantini* Stato e lavore" стр. 221 сл. и сборник *„La Civilta Fascista"* стр. 391

долларов). Содержание соответствующих силе милиции кадров войск обходилось бы значительно дороже.

Милицию возглавляет Муссолини, который стремится к тому, чтобы она была не только стражем фашистской революции, но и хранительницею и распространительницею воинского духа. Его желание—чтобы опорою фашизма был весь народ, он хочет,чтобы народ этот был воинственен, но для этого необходимо единство настроения, сознание общих интересов, спаянность всех классов населения. Недостаток этого сознания восполняется властным государством и его руководителями. Они перевоспитывают народ.

Фашизм вовлекает всю нацию в активную работу государства и этим сближается с сущностью и тенденциями демократии, но он заставляет подчиняться благу нации, признавать первенство и авторитет носителей власти. Это—новая авторитарная демократия.

9. Символ фашизма—пучок колосьев — означает единство составных частей, связанных в одно целое.

Для этого фашизм должен был привлечь на свою сторону массы трудящихся. „Все с трудом, ничего против труда", говорил в одной из своих речей Муссолини. Объединиться должны все силы нации, все трудящиеся мозгом и руками.

„Фашизм, говорит один из его партизанов [56]), относится с глубокою симпатиею к пролетарскому движению и иначе не могло быть. Если бы фашизм задумал встать на пути этого движения и ограничить его достижения, то он не был бы детищем своего времени".

Но, симпатизируя пролетариату, фашизм не забывает и земледельцев, не забывает и представителей капитала и особенно выдвигает работников умственного труда, мозг нации.

Если, как мы полагаем, существо фашизма в консолидации всех национальных сил и равновесии интересов (equilibrio degli interessi), то его нельзя назвать антидемократичным. Антидемократичен его существующий политический режим, но он не обязателен для корпоративного государства. Антидемократичны внешние формы (безответственность власти, отказ от парламентаризма и всеобщего избирательного права), но, зато, открываются новые возможности и намечаются новые формы, которые также способны служить опорою демократического в широком смысле строя[57]).

---

56) Сенатор, проф. *Chimienti*, о. с. стр. 76.

57) Фашизм всегда антилиберален, но не всегда антидемократичен, правильно говорит проф. *Bonn* о. с. (см. прим. 41) стр. 144—145. Не все государствоведы умеют, однако, освободить понятие демократии от либеральной и индивидуалистической примеси, характеризующей лишь современную демократию.

Если представить себе фашистскую Италию нормально развивающеюся в течение нескольких десятков лет на основе существующего законодательства, то нельзя сомневаться, что необходимость в исключительных законах скоро отпадет, режим личной диктатуры исчезнет сам собой, вместе со сменою поколений и выдвижением новых людей появятся различные направления мысли, различные программы и, в связи с этим, будет происходить борьба за власть; но, зато,—должна будет утвердиться новая культура духа, воспитанного на началах солидаризма, и психология более высокого порядка, чем психология эгоистического либерализма или классовой борьбы.

Но фашистская демократия будет существенно отличаться от демократии либерально-эгалитарного типа: она укрепляет власть „избранных" (элитов), она обезпечивает преобладание нации и государства. Демократию этого типа мы называем, поэтому, авторитарною.

Идейная и моральная основа корпоративного государства прогрессивна. Уровень человеческой культуры должен подняться, если она проникнется теми принципами, которые провозгласил итальянский фашизм.

Отрицательные черты его современного политического режима не должны закрывать основных начал, которые фашизм проводит. Многое из того, что мы видим в современной Италии, объясняется историческими условиями, особенностями психологии и уровнем культуры итальянского народа. Идейная сторона фашизма подготовлена, во первых, итальянскими патриотами и идеологами национализма (Манчини); затем, — синдикальным движением и влиянием социалистических идей (Лабриола) и, наконец, социально-католическим движением (энциклика Rerum novarum). Все это слилось и сплавилось в фашизме. В итальянских формах фашизм не мог бы не только укрепиться, но даже и возникнуть во Франции, Англии или Германии. Едва ли возможен фашизм итальянского типа в многоплеменной и обширной России. В маленьких государствах Европы (Испания, Польша) попытка подражания итальянскому фашизму, благодаря непониманию его существа и восприятию одной только внешности, выливается в уродливые формы.

С пропагандою фашизма надо быть очень осторожным, но изучение существа корпоративного государства, исследование его идейных основ, его жизненных и принципиальных начал—обязанность юриста, желающего послужить будущему.

ГЛАВА IX.

ПРИНЦИПЫ СОЛИДАРИЗМА В ВОДНОМ ПРАВЕ.

1. Естественная общность интересов водопользователей и ее юридическое выражение. 2. Добровольное подчинение выборной администрации. 3. Современные водные кодексы и ограничения в них частных прав. 4. Собственность на воды и проистекающие из солидаризма особенности ее. 5. Принудительное сопользованье и другие ограничения собственников. 6. Водные переделы. 7. Примирительный процесс. 8. Концессионные права и система „укрепления" прав по Прусскому закону. 9. Водные товарищества.

1. В водном праве можно найти богатую коллекцию примеров для иллюстрации солидаризма, как юридической системы имущественных отношений.

Проточная вода, проходящая из одного владения в другое, создает постоянную общность интересов и часто тесную зависимость одного хозяйства от другого. Один выводит воду для орошения, другой остается без воды. Один устраивает плотину, у другого затопляются луга. Один загрязняет воду, остальные лишаются питьевой воды.

При однообразии интересов, все соучастники в пользовании легко сговариваются и вырабатывают порядок, наиболее обеспечивающий все интересы. Так, напр., при ирригационном хозяйстве вода распределяется по очередям, иногда по часам и по минутам дня и ночи. Групповое обладание и коллективный интерес предполагают создание специальной администрации, снабженной принудительною властью. Совет Выборных имеет право даже раскладки работ и денежных сумм по ремонту оросительных сооружений и по устройству новых сооружений; в периоды засухи и недостатка воды водная администрация производит переделы.

Приговора, устанавливающие порядок пользования водою и отражающие обычное водное право, свидетельствуют о том, что коллективное благо всей общины водопользователей ставилось на первое место и отдельные пользователи в интересах общей выгоды должны были строго подчиняться установленному порядку и органам надзора, выполнять обязанности по содержанию в исправности водных сооружений и содействовать исправлению их[58]).

Общий интерес создает естественную солидарность. Только общими силами и только при соблюдении установленного порядка, сопользователи могут обеспечить себя поливною водою, без которой земля—ничто. Недаром в Закавказьи очередная

[58]) Ср. *Г. К. Гинс* „Водное право" Вып. 1 Харб. 1926. стр. 95, 105, 109, 124-126.

доля поливной воды называлась „мор—артасук“ (материнская слеза).

2. Солидарные интересы поддерживаются принудительным порядком, соблюдение которого гарантируется поддержкою всей общины. Наличие водной администрации более важно, чем наличие закона. Всем ясно, как надо поступить, надо лишь чтобы было кому проявить инициативу и предъявить требование. Опыт применения в Закавказьи закона 1890 г. показал, что материально—правовые нормы получили там неизмеримо—меньшее значение, чем организация специальных учреждений по заведыванию орошением и т. н. инспекции вод[59]). Таким образом, облекаясь в юридические формы, солидаризм находит опору в административном воздействии. Мы видим здесь поддержку принудительною властью общественного порядка с сохранением того же принципа, который мы уже отмечали: принуждение поддерживает порядок, выгодный для каждого отдельного участника.

3. Водное хозяйство современных культурных народов много сложнее, чем описанное. Сложность создается наличием разнообразных интересов и коллизией их. Потребности земледелия сталкиваются с интересами промышленности, интересы судоходства с интересами использования водной энергии. Необходимость материально-правовых норм и, следовательно, законодательного регулирования сказывается здесь острее[60]). Вследствие разнородности интересов здесь труднее достигается взаимное понимание. Без участия авторитетной власти трудно разрешить, какой потребности следует отдать предпочтение, напр., орошению, или снабжению города питьевой водою, или устройству мельницы. Собственник, не имея средств для самостоятельного предприятия, может препятствовать и другим, отказывая им в предоставлении необходимых прав или запрашивая с них чрезмерные цены. Там, где представилось бы наиболее целесообразным создание предприятий крупного масштаба и значения, вырастет несколько мелких и незначительных, существование которых впоследствии затруднит более рациональное использование водной энергии.

Таким образом, современное водное хозяйство не может обойтись без законодательной регулировки и за последние десятилетия созданы образцовые водные законы (кодексы)[61]).

[59]) Там-же стр. 139. Ср. ч. II Харб. 1928 г. стр. 216 о регламентации водопользованья в Туркестане при Сов. власти.

[60]) Там-же, Вып. I стр. 68 и 154. Вып. II стр. 182.

[61]) Франц. 1898 г., Баварск. 1907, Саксонск. 1909 г., Баденск. 1913 г. и Прусский 1913 г. Кроме того ряд новелл в отдельных государств. Италия 1916 и 1919 г., Франция об использовании водн. энергии 1919 г.

В Италии существенные изменения в водном законодательстве внесены декретами

В новейших законах находит свое выражение господствующий в водном праве дух солидаризма.

Общность интересов водопользователей настолько велика, что они могут казаться совладельцами. Общности прав нет, но совместное пользование создает необходимость общего режима. Подобно тому, как едущие по улицам или идущие по тротуарам должны считаться с тем, что и другие имеют право ездить и ходить, так каждый прибрежный владелец, хотя он самостоятелен в своем праве, должен считаться с тем, что водою этой же реки пользуются и другие прибрежные владельцы. Отсюда также, как и при надзоре за движением по улице, возникает специальное политическое регулирование.

Где действует начало солидаризма, там неизбежно ограничение прав отдельных лиц в общих интересах и подчинение административному надзору. Почти все водные законы содержат одинаковые по этому вопросу постановления. Они существенно отличаются от обыкновенных частно-правовых норм.

При составлении проекта саксонского водного закона, основные принципы, характеризующие начало публичности в водном праве, были формулированы следующим образом:

1) Приспособления для пользования постоянно-текущими водами, в частности плотины должны содержаться в таком состоянии, чтоб устранялось бесполезное пользованье и бесполезный простой воды.

2) Никто не может пользоваться своим правом так, чтобы причинялся ущерб другому.

3) Каждый владелец плотины или к. л. устройства для орошения и осушения обязан предоставлять другим за соответствующее вознаграждение возможность совместного пользования.

4) Никому не может быть предоставлено особое право пользования водою свыше действительной потребности или при отсутствии целесообразного хозяйственного назначения.

16 янв. и 25 янв. 1916 г. о концессиях, 20 ноября 1916 г.—об отводах воды и 9 октября 1919 г. Законы эти вызвали живой обмен мнений среди итальянских ученых. Экономист проф. *Valenti* „Le ragioni economiche di un nuovo regime delle acque" (Atti della societa italiana per il progresso delle scienza—Roma, Marzo 1916) приветствует подчинение вод государству по праву собственности sui generis. Государство примиряет индивидуальные и социальные интересы. Маститый *V. Scialoja* (La legisl. sulle acque там же) одобрил тезисы Валенти, но отрицает собственность государства на воды, признавая лишь суверенитет, дающий право надзора и юрисдикции. Государство не может осуществить собственными силами все мероприятия, оно предоставляет это частным пользователям и само лишь примиряет различные интересы. Неодобрительно высказался по поводу закона 21 ноября 1916 г. выдающийся итальянский романист *P. Bonfante*—Sulla nuove legge delle acque (Rev. commerc. 1919 p. I). Он считает этот закон революционным, нарушающим частное право и традиции классического права. Perpetuum превращается в temporale. Это своего рода falcidia temporis, говорит он. В другой статье „Le regime delle acque dal diritto romano al diritto moderno" (Atti della soc. per il progr. della scienza 1921.), он рекомендует сохранять принцип Рима—свободу пользования под контролем государства.

5) При коллизии потребностей власть, во имя достижения лучших хозяйственных результатов, должна быть уполномочена на прекращение права одного в пользу другого или на принуждение владельца к улучшению его устройств в интересах других, в некоторых случаях за соответствующее вознаграждение.

6) При недостатке воды может производиться перераспределение.

7) При наличии ущерба для общего блага могут быть прекращаемы или приостанавливаемы впредь до устранения причин ущерба опасные и вредные способы пользованья водою.

8) Власти принадлежит право, при угрожающей опасности, самой распорядиться водами.

9) При долговременном неиспользовании вод, права пользования утрачивают силу.

Эти принципы были приняты законодателями отдельных германских государств и нашли себе полное или частичное выражение в водных законах.

Для тех, кто подошел бы к современным водным кодексам с обыкновенною цивилистическою меркою, они показались бы чудовищными. Права, которые могут быть прекращаемы, приостанавливаемы, перераспределяемы! права, контролируемые и согласуемые с собственною потребностью и интересами других! Это подлинная революция, но и это не все. Водные кодексы содержат, как мы увидим, еще и другие поразительные новшества, в роде принудительного сопользования или возложения на собственников обязанностей пользоваться водой целесообразно и поддерживать водные сооружения (плотины). При этом, границы между публичными и непубличными водами почти стерты и государству предоставлена широкая власть поддерживать и направлять все водное хозяйство таким образом, чтобы содействовать широкому развитию производительных и промышленных сил страны.

4. Принципы солидаризма ясно выражены в следующем положении: „пользование водным течением может быть осуществляемо лишь таким образом, чтобы не было причиняемо ущерба существующим правам пользованья и собственности на тех же водах и чтобы всей совокупности управомоченных было возможно использовать воды для их именин наибольшею выгодою". (Бад. Зак. §14 п. 1.).

Эти же начала Баденский Закон 1913 г. распространил на ключевые и грунтовые воды, ограничив собственников в интересах выше и ниже лежащих участков (§ 14 п. 5), и обязал лиц, пользующихся водою источников и грунтовыми водами,

сообщать подлежащим властям фактические данные об их пользованьи (§ 24 п. 6).

Власти не только контролируют, они могут вовсе не допустить такого пользования водою, которое причиняет ущерб другим лицам, но они не в праве отказать в разрешении на устройство такого предприятия, которое преследует цели водоснабжения большого района и когда польза такого предприятия явно превышает ущерб, причиняемый отдельным лицам. Крупные общеполезные предприятия получают всегда преимущество (§ 53), при условии возмещения заинтересованным лицам причиненного им, благодаря преимуществу других, ущерба.

Баденский закон 1913 г. более других ограничил права частных собственников. Прибрежные владельцы лишены этим законом многих преимуществ. Все землевладельцы водного бассейна, участки которых, по их положению, свойствам и назначению, могут целесообразно использовать воду, обладают правом на нее на равных основаниях с прибрежными владельцами (§ 17).

Воды находятся в ведении административных властей. Текучая вода никому не принадлежит, не существует и монопольных прав на пользование ею. Эти права может приобрести всякий, кто обладает возможностью извлечь из них выгоды с наибольшею пользою.

Иначе построен Прусский водный закон 1913 г. Он признает и проводит начало собственности на воды. Прибрежные владельцы обладают правом собственности на русло, покрытое текучею водою, и, следовательно, они вправе извлекать из этого все выгоды и всеми способами пользованья. Но общий принцип водного права подчиняет их ограничениям на пользу общую. Водная полиция может принять меры против всякого пользования, которое противоречит общественным интересам.

Пользование водами со стороны собственника не является каким-то особым правом, оно является лишь осуществлением собственности. Поэтому оно носит всецело частно-правовой характер и регулируется началами гражданского законодательства. Согласно § 100 B. G., B. оно охватывает как извлечение доходов (плодов), так и всех других выгод, какие дает употребление вещи. Помимо всех видов пользованья, предоставленных по § 25 каждому желающему и которые собственник, в отличие от других, осуществляет, как несомненное право,—он может мочить лен и коноплю, выбирать ил, землю, песок, гравий и т. д., устраивать пристани, купальни, трапы, мосты, контору для сдачи в наем лодок, разные устройства, склады дров и других предметов, катки, катание на лодках и различные виды судоходства,

сплава и пр. Но все эти выгоды предоставляются собственнику, лишь поскольку он не выходит из установленных законом границ, т. е. не нарушает полицейских правил, не загрязняет воду, не понижает ее уровня, во вред другим и пр. Все, что выходит за эти для всех пользователей обязательные границы, требует разрешения (концессии).

Применение ограничительных мер по отношению к собственнику обставлено, однако, некоторыми гарантиями. Ему может быть запрещено не всякое действие, которое вредит другому, как это имеет место при общем пользовании, а только некоторые действия этого рода. В § 41 Прусского Закона предусмотрены определенные виды действий, которых собственник не может производить. Другие действия собственника, хотя бы в результате их и возникал вред, не могут быть запрещены ему, раз только не доказано, что он переступил границы своего права.

Однако, принцип солидаризма проявляет себя и в Прусском водном законе. Помимо упомянутых уже установленных в общественных интересах ограничений, закон этот знает ряд принудительных норм, в частности принудительное сопользование. Ограничительные постановления водного закона распространяются даже на замкнутые воды и проникнуты идеей недопущения злоупотребления правом.

5. Принудительное сопользованье является одним из самых любопытных и своеобразных ограничений собственности, признанных водным правом. Собственник обязан допускать к соучастию в содержании и пользовании уже существующими плотинами (§ 33 Бад. Зак.) в тех случаях, когда удовлетворение хозяйственных и домашних надобностей в воде может быть достигнуто наиболее целесообразно при совместном пользовании уже существующими и принадлежащими другим устройствами. Сопользование (если оно не слишком обременяет собственника) допускается на условиях соучастия в расходах., т. е. совместного управления и совместной эксплоатации.

В Прусском Законе принудительное сопользование применяется лишь в отношении приспособлений для осушения земель или спуска отработанных вод (§ 339 Прусск. зак. ср. § 151 Саксонск. водн. зак.).

Такого же характера постановления о принудительном допущении к переделке, улучшению или перенесению вододействующих сооружений и плотин (§ 34 Бад. Зак., § 338 Прусск. Зак.). Заинтересованные лица вправе требовать переделки плотины, участвуя в расходах.

В интересах общего блага водная администрация может и по своей инициативе потребовать переделки или укрепления запруд, если это требуется в виду вреда или опасности сооружений, и в этом случае государство принимает на себя издержки, не покрываемые выгодами заинтересованных лиц.

Сами же владельцы, в интересах общего блага, обязаны содержать плотину в надлежащем виде, не снося ее и не запуская (§ 99). Право собственности превращается в обязанность, собственность действительно становится социальною функциею.

6. Отметим еще так называемые водные переделы. Согласно ст. ст. 65-67 Бав. Зак., в случаях, когда, вследствие уменьшения воды или по другим причинам, наличной воды оказывается „недостаточно для потребностей управомоченных лиц", допускается перераспределение воды, причем водная администрация получает право выяснить, „не было ли со стороны управомоченного бесполезной траты воды или произвольного неравномерного пользованья ею в ущерб другим участникам в пользованьи" (ст. 66).

В Саксонском Законе (§ 21) определенно говорится, что „бесполезное употребление и бесполезное запруживание воды" недопустимо.

7. Согласно Баденскому Закону (§ 21), при наличии сталкивающихся интересов, власть может уравновешивать их в порядке примирительного процесса, если только заинтересованные стороны не достигнут добровольного соглашения и не заключат письменного договора о перераспределении воды. Здесь тоже ясно проявляется идея солидаризма. Предполагается, что заинтересованные будут действовать согласно (солидарно), сознавая общую выгоду. Закон не вмешивается и не вносит элемента принудительности, пока не выяснится неспособность сторон к солидарным действиям.

Примирительный процесс известен и Прусскому водному Закону. И он допускает, чтобы в случаях, когда не хватает воды для всех управомоченных, производилось, по требованию заинтересованных лиц, регулирование объема, времени и видов пользованья, в соответствии со справедливостью и с принятием во внимание потребностей общего пользования.

8. Возможность согласования и, следовательно, изменения объема прав препятствует закреплению их по принципу старшинства, как это должно быть, при внесении прав в водные книги.

Однако, отсутствие определенности прав может быть не

менее вредным для хозяйства, чем недостаток гибкости. Каждый хозяин пересматривает и изменяет свой план хозяйства в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Когда много хозяев и все они связаны общностью интересов и изменения возможны лишь при условии сговора и солидарности, то необходимо, чтобы авторитетная власть обладала возможностью притти на помощь и своим вмешательством помочь осуществлению необходимых изменений. Отсюда проистекают все те ограничительные и принудительные нормы, которыми пестрит водное законодательство, утверждающее систему солидаризма.

Но если отдельный хозяин не может осуществить своей полезной инициативы, иначе как только при условии гарантирования status quo, т. е. если за ним будет закреплено определенное право, тогда система переделов и вмешательства в индивидуальное хозяйство с оценкою степени целесообразности его ведения становится положительно опасною. Водные законы должны были предвидеть это и они нашли выход в системе концессионирования и системе укрепления прав[62]).

В порядке концессий предоставляются так называемые особые права пользованья, т. е. такие, которые сами собою не возникают или отступают от обычных условий. Права, предоставляемые в порядке концессий, настолько прочны, что даже собственники могут быть заинтересованы в том, чтобы их права на пользованье водами были приравнены по силе к концессионным правам. С этой целью Прусский водный закон (§ 86) ввел систему „укрепления" прав (Sicherstellung).

Укрепление сопровождается тем же процессом, как и выдача концессий. Производится подробное обследование, какие интересы частные и общественные затрагиваются предполагаемым предприятием, и выслушиваются возражения заинтересованных лиц, которым дается для этого определенный срок после публикации о предполагаемом предприятии. Решение о выдаче концессии носит таким образом характер судебного решения и неудивительно, что право концессионера считается наиболее обеспеченным от каких-либо неожиданных ограничений или отмены. Право на пользованье водным течением, основанное на концессии, пользуется значительными преимуществами перед правами, непосредственно вытекающими из предписаний закона, так как оно создает предпринимателю юридическое положение со всех сторон обеспеченное.

Таким образом устраняется неопределенность и неустойчивость правового положения, которое создается пересмотром прав и переделами. Но это необходимое отступление от соли-

[62]) Там-же, стр. 143 слл.

даризма может казаться в то же время его осуждением. Лицо, за которым, путем-ли концессии или путем „укрепления“ прав, прочно зафиксированы известные преимущества, отрывается от группы солидарно связанных пользователей, подчиненных одному общему для всех режиму.

Эта свобода покупается, однако, ценою ряда компенсаций. При выдаче концессии, на концессионера может быть возложено выполнение ряда обязательств и условий, в интересах общего блага. Так, напр., в Скандинавских государствах концессии на использование силы падения воды (белый уголь) предоставляются с тем, что, по истечении установленного срока от 60 до 80 лет, все устройства переходят безвозмездно к государству; часть добываемой электрической энергии предоставляется по себестоимости общинам и государству; должны быть принимаемы некоторые меры в интересах рабочих, так, напр., в их пользу должна итти прибыль провиантских складов, им должны быть предоставляемы средства и земли для устройства клубов и торговых заведений и др. Иногда государство выговаривает себе право выкупа предприятия и контроля за его деятельностью[63]).

Но если-бы этого даже не было, то и тогда выдача концессий находила бы себе достаточное оправдание в экономической целесообразности ее. Осуществление дорогого и общеполезного по значению предприятия само по себе является крупною ценностью и вкладом в народное хозяйство. Юридическая система, которая не содействует, а затрудняет возникновение подобных предприятий, причиняет экономический ущерб государству. Солидаризм не должен создавать искусственных связей, не должен опутывать ограничениями свободу хозяйственной деятельности. Это не искусственная система. Он вытекает из естественных потребностей и не должен выходить за пределы действительной необходимости.

9. В водном законодательстве эту мысль могут иллюстрировать также правила о так называемых водных товариществах.

Одною из наиболее плодотворных и прогрессивных идей нашего времени является принцип коллективного и группового сотрудничества. Объединение лиц, связанных общим интересом и осуществляющих коллективно работы, представляющие выгоду для всех участников, приобретает значение публично-правовой организации, но не превращается в государственное учреждение. Членам этого объединения предоставляется свобода самоопределения. Они сами вырабатывают свой устав, намечают це-

[63]) См. наше „Современное водное право“ II, стр. 143, 192, 198 сл.

ли и определяют круг участников. Они самоуправляются и самообслагаются.

В основе этого сотрудничества лежит все та же идея солидаризма. Водные товарищества представляют один из видов подобного рода объединений, которые во Франции известны под именем синдикальных товариществ.

Солидаризм предполагает достаточную степень сознательности и развитое чувство общественности. Он не навязывается, а органически выростает. Но человеческая природа такова, что без элемента принуждения обойтись нельзя. Опыт организации товариществ синдикального типа показывает, что инициатива отдельных лиц постоянно разбивается об инерцию, противодействие или неподчинение других, пока государство не снабдило их правом принудительного взыскания и правом принудительного присоединения меньшинства [64]).

Раз возникшее водное товарищество обязано выполнять поставленную ему цель, а вошедшие добровольно или присоединившиеся по принуждению члены обязаны выполнять возложенные на них по уставу обязанности, под страхом принудительного взыскания.

Но принуждение оправдывается здесь непосредственною выгодою каждого отдельного члена товарищества. Принуждение восполняет недостаток сознательности и недостаток воспитания в духе солидаризма.

Чем меньше будет необходимости в элементе принуждения для укрепления солидаризма, тем больше возможностей для него откроется. Идея гильдейского социализма, социальная теория, которую излагает Коль [65]), все это лишь нащупывание и определение тех глубоких процессов, которые совершаются в обществе под влиянием социального перевоспитания его. Солидаризм, в отличие от других принципов, лишен надуманности. Он возникает непроизвольно и, как мы видели, находит себе все более широкое выражение в существующем правопорядке [66]).

[64]) „Совр. водн. право" стр. 169 сл.

[65]) *Cole*, Social Theory см. гл. VIII прим. 42 и 43.

[66]). Теоретическое изучение водного законодательства связано с такими трудно разрешимыми проблемами, как разграничение публичного и частного права, оценкою понятий публично-правовой собственности, разграничение различных категорий публичных вещей, определение понятий концессионного договора и общего пользования, установление границ административного вмешательства и административной подсудности. Но надо всем этим стоит проблема солидаризма. Это идея значительно большей широты и она способна дать научный свет для понимания всех трудных вопросов водного права и объединения его изучения.

ГЛАВА X.

СОЛИДАРИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ.

1. Связь международного права с внутренним состоянием государств. 2. Частно-правовой характер международных отношений. 3. Влияние идей либерализма, абсолютизма и конституционализма на международные отношения. 4. Солидаризм в международном праве. 5. Лига Наций и переход от частно-правовых к публично-правовым началам в международных отношениях. 6. Ограничения прав отдельных государств в отношении войны. 7. Пакт Келлога. 8. Сокращение вооружений. 9. Ограничение свободы договоров. 10. Новый принцип управления колониями. 11. Международные обязательства об охране труда. 12. Другие проблемы взаимоотношений государств. 13. Значение Лиги Наций в деле укрепления правовых начал и идеи солидаризма в международных отношениях. 14. Идея Пан-Европы и предпосылки международного солидаризма.

Известный авторитет в вопросах международного права, проф. Спб. Университета Мартенс, с большим основанием связывал развитие международного права с внутренним состоянием государств. „Если в государстве человеческая личность, как таковая, признается источником гражданских и политических прав, то и международная жизнь представляет высокую степень развития порядка и права. Наоборот, с государством в котором человеческая личность никакими правами не пользуется, где она безправна и угнетается, международные отношения не могут ни развиваться, ни установиться на прочных основаниях"[67]).

К этому следует прибавить, что прогресс внутригосударственного правосознания опережает правосознание международное. Насилие и обманы, давно осужденные в отношениях между гражданами государства и в отношениях государств к гражданам, еще применяются во взаимоотношениях народов. Но, чем крепче утверждается убеждение в необходимости правопорядка, чем яснее сознание, что на основах права лучше всего ограждается общее благополучие, тем легче распространить правовые начала и на международные отношения.

История дает много примеров того, как государства вступали в сношения и действовали совместно без всякого сознания обязательств друг к другу, на основах чисто фактического сотрудничества. Так несколько человек, случайно встретившихся в пути, совместно освобождают путь от сваливщегося дерева или вытаскивают завязнувший экипаж и затем расходятся в разные стороны, забыв друг друга. Сегодняшние сотрудники

[67]) *Ф. Мартенс*—Соврем. междунар. право цивилизован. народов. Предисл. стр. V.

завтра могут оказаться соперниками и врагами. Фактические отношения мира сменяются состоянием войны.

Но, если сношения принимают постоянный характер, то фактические отношения переходят в юридические. Государства заключают договора и передают свои споры на разрешение третейского суда.

2. Юридически отношения между государствами представляют такую же картину, как отношения между частными лицами. Каждая сторона независима и самостоятельна в своих действиях. Каждая руководствуется своими целями и интересами, не подчиняясь высшему авторитету и не ограничивая себя во имя надгосударственных целей. Даже при заключении коалиций, совместные действия государств напоминают отношения товарищества, члены которого объединились на время для достижения общей цели[68]).

3. Идеи либерализма, переносимые из сферы отношений частных лиц на почву междугосударственных отношений, благоприятствуют свободному соревнованию народов. Удача всегда приветствуется: сильный торжествует. Принцип невмешательства третьих держав и подчеркиванье суверенитета—это приблизительно то же, что неотъемлемые права личности и ограничение государства ролью сторожа. И когда либерализм перестает уже руководить внутреннею политикою, он сохраняет еще господство во внешней, так как правовой прогресс в отношениях между государствами всегда запаздывает, по сравнению с прогрессом в отношениях между людьми.

Необходимость организовать международные отношения более прочным образом сознавалась с давних времен и находила себе выражение в разнообразных, иногда фантастических, проектах.

Многие из этих проектов были очень далеки от правовых идей. Так, напр., некоторые видные носители церковной власти (папы Григорий VII, Иннокентий III) и некоторые государи, как напр., Карл V, Людовик XIV, Наполеон I, а в наше время Вильгельм II, мечтали о всемирном владычестве. В основе этих

[68]) Международгосударственное право относится обычно к *публичному* праву так же как и право, относящееся к государственной организации. Ошибочность этой точки зрения и доказательства частно-правовой природы междугосударственных отношений впервые указал проф. *Петражицкий* „Теория права и государства" т. II, изд. 2, стр. 740 сл. Как мы увидим дальше, только теперь в международное право проникают публично-правовые начала и в этом заключается юридическая сущность происходящей эволюции международноправовых отношений.

Международники указывают с другой стороны, что уже возникают и признаются правоотношения между-отдельными индивидами и чужим государством. Начало этому положено организациею защиты лиц лишенных подданства (Heimatslose, apatrides) ср. *Politis*, Les nouvelles tendances du droit international 1927. стр. 62. Право эмигранта на защиту государства—субъективное публичное право, так что и здесь международное право меняет свой частно-правовой характер на публично-правовой.

империалистических проектов лежит принцип силы, идея порядка, поддерживаемого мечом всемирной монархии.

Эти идеи находили себе опору в примерах прошлого, когда объединение под властью одного могущественного государства утверждало мир и порядок. Вспомним pax romana! Пример римской империи внушил Данте [69]) его учение о всемирной монархии.

„Когда народы пользовались благами мира?—Когда они были объединены под властью Августа. И когда весь мир, говорит Данте, снова объединится под властью одного монарха, тогда возродится золотой век и тогда наступит то царство справедливости, о котором предсказывали поэты. Тогда исчезнут все поводы к несогласию. Единый монарх будет выше человеческих страстей. Что ему страсти, когда он владеет всем?"

В этих рассуждениях отражается теория абсолютизма. Все доводы и соображения в пользу сильной единоличной власти переносятся в область международных отношений и обосновывают созидание государства—колосса, поглощающего все прочие.

Идеи конституционализма и представительного парламентского режима в свою очередь оставили след в литературе международного права.

Известен проект аббата Сен Пьера, предлагавшего Утрехтскому конгрессу организовать Союз государств с общим сеймом, которому должна была быть предоставлена законодательная и судебная власть, с правом принуждения по отношению ко всем членам союза. Взаимоотношения государств, членов союза, должны были определяться конституциею, изменения в которую могли быть вносимы только единогласным решением всех членов сейма. Лига должна служить гарантией против завоеваний и внутренних революций, против которых ополчаются союзные государства.

Эти идеи аббата Сен Пьера произвели впечатление на Ж. Ж. Руссо [70]), который, в свою очередь, пропагандировал организацию Лиги народов, с принудительною властью по отношению к членам, прибегающим к насилию или не повинующимся третейским решениям.

Организацию представительного международного органа и международного суда предлагали также Лоример, Блюнчли и др.

Таким образом, общие правовые идеи проникают в международное правосознание и мы видим в нем—то выражение принципа полной государственной независимости по

[69]) *Dante A.*—„De Monarchia".

[70]) См. *Hodé*—Les precurseurs de la Société des Nations. 1921.

началам либерализма, то распространение на междугосударственные отношения начал абсолютизма, то стремление к международной конституции.

В произведениях, относящихся к вопросам международных отношений, проблемы этого порядка нередко связываются с характером внутреннего государственного устройства.

Знаменитый философ И. Кант в своей известной работе „Вечный мир“ [71]) ставит осуществление этой идеи в зависимость от установления правового (республиканского) строя каждым государством, участником в федерации мира. Он пытается также обосновать всемирное гражданство правовыми принципами. Всемирное право гражданства он выводит из того, что право на земную поверхность принадлежит всему человечеству сообща и люди в конце концов должны терпеть соседство других, а необходимость мира обосновывается тем, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других.

4. Несомненно, что, в связи с общим развитием правосознания, и в международных отношениях все более проявляется стремление урегулировать взаимоотношения государств укреплением правового начала. В частности, успехи солидаризма не могут пройти бесследно для международного права. Взаимоотношения государств подчиняются тем же принципам, что и взаимоотношения частных лиц, и поскольку последние, ради своей же пользы, привыкают подчиняться принудительному согласованию интересов, это новое правосознание переносится и на отношения государств.

Постепенно устанавливается сознание, что подчинение началам международного права, ограничивающего государства в их действиях друг к другу, полезно для них же, отвечает их интересам. Верховная цель международного права — общая польза всех государств. Эта мысль особенно ясно высказывалась Бентамом и др. английскими писателями.

Международное общение предполагает солидарность интересов и общие цели, но солидарность эта и общность целей распространяются первоначально на небольшой круг государств.

Коалиции, обеспечивающие „равновесие“, иллюстрируют солидарность противостоящих групп. Вестфальский мир 1648 г. был первым выражением ясно осознанной солидарности интересов ряда государств, стремившихся покончить с бедствиями затянувшейся тридцатилетней войны. Здесь фактическое равновесие сменяется договорным и с тех пор идея договорных коалиций для поддержания политического равновесия стала привычным орудием дипломатии.

[71]) И. Кант. Вечный мир М. 1905.

Договорная коалиция предполагает взаимные обязательства, налагающие ограничения на свободу договаривающихся держав. Достаточно упомянуть об обычной в таких случаях обязанности взаимной поддержки в случае нападения извне.

Следующий шаг—распространение этих правовых начал в международных отношениях в еще более широком масштабе, на все общество цивилизованных народов. Успех идеи солидаризма в различных областях общественной жизни все больше сказывается в международных отношениях. Принцип личной свободы и независимости, корректируемый подчинением интересам более высокого порядка, вполне применим и к государствам. При сохранении своей независимости, они могут добровольно подчиниться общему порядку, во имя солидарности своих интересов и стремлений. Как отдельный человек только выигрывает от того, что живет в обществе других и подчиняется порядку, поддерживающему общежитие, ибо иначе он не мог бы осуществить многих стремлений,—так и государство, вне международного общения, оторванное от солидарных усилий человечества, не может обеспечить своим гражданам всей полноты культурных достижений.

5. Великая война, объединившая силы двадцати девяти государств (включая английские доминионы) против центральных держав, послужила толчком к осуществлению той идеи постоянного международного объединения для обеспечения мира, которое раньше рисовалось воображению, как туманный идеал.

Лига Наций, созданная Версальским трактатом, по идее первоначального соглашения, должна охватить все государства мира и наложить на них обязанность сотрудничества и подчинения правовому порядку, обеспечивающему поддержание мира.

Лига Наций солидаризирует интересы объединяемых ею государств, подчиняя их организованному порядку, который соответствует интересам участников. Это первый опыт постоянной организации международного общения на правовых началах без нарушения принципа независимости государств, но с несомненным ограничением ее [72]).

В частно-правовых отношениях солидаризм создает контроль публичной власти. В международных отношениях он производит такое же изменение. Если до сих пор столкновение двух государств оставалось их частным делом, то теперь это

[72]) Правильный подход к вопросу у *Miroslas Gonsiorovsky*, Société des Nations et Problême de la paix, который, цитируя Буржуа и пользуясь его идеями о солидаризме, противопоставляет их индивидуалистическим отношениям государств и доказывает необходимость подчинения *внутреннего* права международному (v. I ch. II, особ. стр. 64).

рассматривается, как нарушение публичного порядка, как угроза миру.[73]) Соглашение о Лиге Наций стремится предупредить войну. Лига Наций должна предупреждать опасность войны, как добрая полиция предупреждает опасность столкновений и драк на улице. С этой целью Лига Наций ограничивает вооружения, подобно тому как полиция запрещает частным лицам носить или хранить оружие без разрешения. Лига контролирует также заключение договоров, устанавливая обязательность регистрации всех заключаемых договоров в секретариате Лиги для распубликования их, подобно тому как устанавливается обязательство регистрации и распубликование всех договоров об организации обществ и ассоциаций[74]).

Словом, впервые в международное право проникает публично-правовое начало. Международный индивидуализм корректируется подчинением высшему авторитету и служением общей цели[75]).

6. Предупреждение войн можно считать главною задачею Лиги Наций. Война не запрещается совершенно. Это было-бы еще слишком нереально для существующего мира, но она остается крайним средством. Согласно договору Лиги, члены ее приняли на себя обязательство не прибегать к войне, пока не испробованы все меры ее предупреждения. „Все члены Лиги уславливаются, что, если между ними возникнет спор, могущий вызвать разрыв сношений, они его передадут или в третейский суд или на рассмотрение Совета. Они уславливаются также о том, что ни в каком случае не прибегнут к войне до истечения срока в три месяца после решения третейским судьей или доклада Совета.

Во всех случаях, предусмотренных настоящею статьею, решение третейских судей должно последовать в нормальный срок

[73]) На это уже обращено внимание в литературе международного права. Прежде, говорит *I. W. Garner* (Recent Developments in International Law. Calcutta. 1925. стр. 813) „государства были посторонними зрителями во время войн, теперь—иное". Об этом же Politis (см. выше прим. 63) в указанном сочинении стр. 95—119.

[74]) Подробное изложение мероприятий Лиги по всем этим вопросам во втором томе указанной работы M. Gonsierovsky. О деятельности Лиги по вопросу о войне и разоружении большой очерк в словаре *Dr. Strupp*. Wörterbuch des Völkerrechts u. der Diplomatie. B. III 1929. Anhang—Völkerbund u Kriegsverhütung".

В русской литературе наиболее подробное освещение конструкции и задач Лиги Наций дает Циммерман, „Очерки нового международного права". Изд. 2. Прага 1924 г. стр. 145.

[75]) I. W. Garner в указанном труде (примечание 73) формулирует наблюдающуюся тенденцию в развитии международного права, как превращение его из интернационального (международного) в супер—национальное (наднародное), см. стр. 11 затем стр. 38—39, где автор оговаривается, что для настоящего говорить об этом изменении еще преждевременно.

Тот же автор указывает на наблюдающееся самоограничение государств и Лига Наций называется высшим достижением в эволюции международных отношений, свидетельствующим, что чувства солидарности между нациями становятся все сильнее (стр. (41—42).

и доклад Совета должен быть выработан через шесть месяцев после того, как ему было передано дело". (ст. 12).

В общей сложности, до непосредственного столкновения спорящих держав истечет не менее девяти месяцев. Срок достаточный для того, чтобы охладить воинственность.

Если дело не передано третейскому суду, то оно рассматривается в Совете Лиги Наций. „Для этого достаточно, чтобы одна из сторон поставила в известность Генерального Секретаря, которому надлежит принять все нужные меры для расследования и подробного рассмотрения дела со стороны членов Лиги" (ст. 15).

Совет принимает на себя посредничество с целью уладить спор. Если это не удается, то он составляет и публикует доклад, в котором рекомендуется наиболее правильное и подходящее к существу дела решение. Это апелляция к общественному мнению! Та сторона, которая приняла предложение доклада, становится под защиту Лиги. Прочие члены Лига, (а это почти все государства мира) обязуются не прибегать к войне против стороны, подчиняющейся заключениям доклада.

Соглашения о Лиге имеют целью разрядить воинственное настроение. На протяжении шести, девяти месяцев военное напряжение не может не ослабеть, а тем временем общественное мнение будет подготовлено для противодействия несправедливым притязаниям и почва для соглашения или примирения окажется подготовленною.

Против стороны, подчиняющейся решению, запрещается вести войну и, таким образом, нападающий на нее может встретить сопротивление со стороны всей Лиги.

„Если один из членов Лиги прибегает к войне, вопреки обязательствам, принятым в ст. ст. 12. 13 и 15, он тем самым признается совершившим военное действие против всех других членов Лиги. Эти последние обязуются немедленно прервать с ним торговые и финансовые отношения и должны запретить своим подданным вести сношения с государством, нарушившим соглашение, должны быть также прекращены и все сношения финансового, коммерческого и личного характера между подданными государства, нарушившего соглашение, и подданными других государств, безразлично членов или не—членов Лиги" (ст. 16).

Разрыв сношений, даже блокада, которая, при участии в ней почти всех государств мира, способна задушить блокированную страну, остановив в ней кровообращение, наконец, как последнее средство, военное воздействие против государства, осмеливающегося объявить бунт против всего мира! Война—

наказание! вооруженные действия с целью заставить уважать обязательства Лиги!—таков резерв средств, которыми располагает Лига Наций для прекращения наступательных войн.

Когда укрепилась государственная власть, она монополизировала в своих руках орудия принуждения, теперь, когда впервые возник международный авторитет, он стремится монополизировать в своих руках орудие войны. Насилие, применяемое в качестве наказания, остается правовым средством. Война между отдельными государствами с нарушением правил о Лиге рассматривается, как правонарушение (публично-правовой принцип); война Лиги против нарушителя мира принимает характер наказания (то-же публично-правовой принцип). Юридическая природа международного права, под влиянием солидаризма, так же меняется, как меняется частное право, когда оно, как мы это видели на примере водного законодательства, подчиняется административному режиму. К частно-правовому примешивается публично-правовой элемент.

В прошлом международное право уделяло львиную долю своего внимания вопросам войны, теперь „право войны“ заброшено и занимаются главным образом вопросами мира. Но если война легализируется и как средство самообороны и как репрессия, то и в отношении права войны, хотя бы как наиболее существенной части международного уголовного права, необходима тщательная работа и совместные усилия народов в пользу его подчинения началам облагороженной этики.

7. Соединенные Штаты Америки, отказавшись от участия в Лиге Наций, не остались, однако, в стороне от того движения в сторону миролюбия, которое успехами своими немало обязано инициативе президента-идеалиста Вильсона[76]).

27 августа 1928 г., по предложению статс-секретаря Келлога, в Париже был подписан договор, известный под именем „пакта Келлога“, который осуждает войну, как средство разрешения международных конфликтов, и обязывает государства, принявшие пакт, разрешать все вопросы и конфликты какого бы то ни было характера „исключительно мирными средствами“.

Пакту этому, который объединил почти весь мир, предшествует следующий текст:

„Договаривающиеся державы, глубоко сознавая лежащий на них торжественный долг содействовать благу человечества, убеждены, что наступил момент искренно отказаться от войны, как орудия национальной политики, и обеспечить сохранение

[76]) Главным мотивом отказа является формальное соображение. Статут Лиги Наций (ст. 10) морально обязывает ее членов участвовать в репрессивной войне против нарушителя мира. Между тем, по конституции Соединенных Штатов, право объявления войны принадлежит Конгрессу и связывать себя заранее государство не может.

навсегда существующих сейчас мирных и дружественных отношений между народами; что всякие изменения во взаимных отношениях должны производиться лишь мирными путями и что всякая из договаривающихся держав, которая впредь пожелает во имя своих национальных интересов прибегнуть к войне, должна быть лишена привилегий, вытекающих из настоящего договора, и надеются, что поощренные их примером все другие нации присоединятся к их условиям[77]).

Если пакт этот формально не стоит ни в какой связи с существованием Лиги Наций, то едва ли можно отрицать, что его принятие психологически подготовлено теми совместными действиями государств на пользу мира, (Женевский протокол, Локарно) которые связаны работою Лиги, и теми самоограничениями, к которым уже начинают привыкать ее члены. Так, напр., очень характерно, что Муссолини, воинственным замыслам и планам которого заключение пакта вовсе не соответствовало, не счел, однако, возможным отказаться от его подписания.

8. Соглашение о Лиге Наций предусмотрело и вопрос об ограничении вооружений. Обязанность немедленного и очень значительного разоружения была возложена мирными договорами на побежденных в Великой войне: Германию, Австрию, Венгрию и Болгарию. В отношении остальных держав разоружение намечено, как пожелание: „члены Лиги признают, что сохранение мира требует сокращения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальною безопасностью и с выполнением международных обязанностей, вытекающих из общих выступлений Лиги".

„Члены Лиги обязуются обмениваться самым искренним и самым полным образом всеми сведениями относительно их вооружений, их военных программ, сухопутных, морских и воздушных и сведениями о состоянии тех отраслей промышленности, которые могут быть использованы во время войны" (ст. 8).

Эти соглашения остаются пока добрым пожеланием, но великие державы все более склоняются к тому, чтобы выдвинуть вопрос о разоружениях или, по крайней мере, о сокращении вооружений на первый план. Если в этом вопросе будет что-нибудь достигнуто, то это будет вместе с тем блестящею иллюстрациею тех выгод, которые могут быть достигнуты солидар-

[77]) По смыслу пакта и разъяснениям его автора, он не имеет в виду лишить права самообороны. Недостатком пакта является отсутствие в нем санкций. В случае нарушения пакта одним из подписавших его, другие подписавшие имеют основание порвать с ним, выбирая свободно средства воздействия. Здесь очевидно потребуется соглашение остальных о взаимном выступлении. В виду отсутствия обязательства непременно начать войну с нарушителем мира, Соединен. Штаты предпочли эту форму соглашения участию в Лиге.

ными действиями держав и самоотречением, в видах взаимной пользы.

Солидаризм создает ограничения и компенсирует их выгодами, которых нельзя достигнуть иначе, как совместными действиями и подчинением высшему авторитету.

9. Лига Наций дает еще немало примеров самоограничения государств. Так, напр., ограничена свобода договоров: члены Лиги признают каждый относительно себя самого, что „соглашение о Лиге делает ничтожными все обязательства и соглашения, несовместимые с его принципами, и торжественно обязуются не заключать ничего подобного в будущем". Если, до своего вступления в Лигу, один из членов принял на себя обязательства, несовместимые с началами Соглашения, он должен принять немедленно меры, чтобы освободиться от подобных обязательств" (ст. 20).

Так как в настоящее время все договоры между государствами регистрируются и публикуются, то любой член Лиги может возбудить вопрос о несоответствии договора Соглашению и, следовательно, о недействительности его. Имеются в виду, главным образом, договоры, направленные к созданию вооруженных коалиций. Естественно, что и здесь устанавливается существенное ограничение свободы внешней политики государств, членов Лиги.

10. Не менее существенно стремление Лиги установить принцип управления колониями. Колониальные захваты, сопровождавшиеся нередко грубою эксплоатациею туземного населения, должны теперь отойти в область прошлого. Разумным оправданием власти европейских государств в экзотических странах востока и юга может служить неизбежная необходимость приобщения всего населения земного шара к передовой культуре. Условия мирового хозяйства исключают возможность обособленной жизни самых отдаленных уголков, если только они хранят ценные богатства природы. Но если европейские властители ограничиваются тем, что используют в своих интересах природные богатства, заставляя туземцев работать на Европу, и ничего не дают им взамен, то такая аморальная колониальная политика не находит этического оправдания.

И вот, Лига Наций, распределяя между великодержавными победителями бывшие турецкие владения и немецкие колонии и стараясь примирить этот империалистический акт с лозунгом самоопределения народов, выставила принцип, что управление колониями должно соответствовать интересам населения. Если этот принцип будет последовательно проводиться в жизнь и, при том, не только по отношению к новым, но и в прež-

них колониях европейских держав, то это ускорит процесс цивилизации отставших народов и совершенно изменит физиономию мира. Уже и теперь, особенно после великой войны, в психологии цветных рас произошли заметные изменения. Их непосредственное участие в войне, а затем в конференциях и Лиге очень способствовало развитию национального самосознания. К тому же кадры их интеллигенции увеличиваются, накопляются капиталы, укрепляется местная промышленность и, естественно, что колонии или колонизуемые районы стремятся к самостоятельности. Богатые города, воздвигнутые европейцами, железные дороги, портовые сооружения, а иногда и крепости переходят в руки природных хозяев страны, а освободившиеся от чужеземной опеки туземцы распространяют недоброжелательство к недавним опекунам и переносят его на всех европейцев. Миллиардные расходы могут оказаться не только утраченными безвозвратно, но, хуже того, подготовить врагов и культивировать гнездо смуты.

Только мудрая политика, предусматривающая эти неизбежные последствия и постепенно вовлекающая туземное население в жизнь и интересы метрополии, может предотвратить будущую борьбу рас и тем содействовать укреплению мира и культуры. Солидаризм в международных отношениях и, в частности, инициатива и успех начинаний Лиги в колониальном вопросе могут сыграть в этом деле крупную и благодетельную роль. Колониальные державы сильно подрывали бы работу друг друга, а вместе с тем и общечеловеческое объединение, если бы в приемах их управления, вместо единства, замечалась бы конкуренция.

11. Не менее предусмотрительна с точки зрения будущего инициатива Лиги в деле охраны труда.

Современная Европа настолько индустриализована, что она начинает походить на сплошную фабрику. Значение рабочего класса, а вместе с тем и социалистических партий во всех европейских государствах чрезвычайно возросло и социальное законодательство, охраняющее интересы труда, достигает максимального, при современном экономическом положении Европы, уровня. Между тем, страны, промышленность которых отстала, особенно государства с преобладающим цветным населением, сохраняют еще патриархальные условия труда и не ведают социального законодательства. Дешевый, не охраняемый законами труд благоприятсвует развитию местной промышленности и создает грозную опасность конкуренции. Усиливается опасность и вынужденной социальной реакции в Европе. Для спасения европейской промышленности, без ухудшения положения евро-

пейских рабочих, необходимо ввести охрану труда повсеместно, необходимо способствовать тому, чтобы передовое социальное законодательство стало достоянием всех стран.

Эти соображения нашли себе место в тексте Версальского договора (часть XIII), где возложение забот об охране труда на Лигу Наций мотивируется тем, что „отказ со стороны какого-либо народа в установлении действительно гуманного режима труда создает затруднения для усилий других народов, стремящихся к улучшению положения участи рабочих в своей стране".

В осуществление этой культурной цели при Лиге учреждены постоянная Конференция по вопросам труда и Международное Бюро Труда (Верс. догов. ст. 388 сл.). Профессиональные рабочие союзы и другие им родственные организации получают право петиций, которые могут быть направлены против правонарушений своего правительства. Кроме того, по заявлению одного из членов международной организации охраны труда о том, что другим ее участником не выполняются принятые и всеми ратифицированные конвенции, могут быть учреждаемы специальные анкетные комиссии, которые обследуют на месте фактические обстоятельства, а затем определяют те меры, которые надлежит принять, чтобы дать удовлетворение пострадавшей стороне и чтобы оказать давление на государство-правонарушителя.

И здесь солидаризм находит полное применение, объединяя усилия ряда государств, для достижения общей культурной цели, и подчиняя их сообща установленному принудительному порядку.

Правда, отставшие государства оказываются, при этом, как бы в положении насильственно подгоняемых к европейскому старту, но они, в действительности, проиграли бы гораздо больше, если бы предоставленные самим себе оказались бы во власти могущественных промышленных соперников, которые предпочли бы всеми мерами подавить опасную конкуренцию.

12. Мы не ставим себе целью исчерпать здесь все те культурные начинания, которые связаны с учреждением Лиги Наций и отражают проникновение солидаризма в международное право.

Исключительное значение приобретет, несомненно, организация Постоянного Международного Суда и постепенное признание государствами начала обязательного арбитража. Примером может служить договор в Локарно между Германией с одной стороны и Францией, с ее международным окружением:

Бельгией, Польшей и Чехословакией, с другой. Договор гарантирован Англией и Италией.

Заслуживает внимания вопрос о свободе морей, который заставит в будущем интернационализировать угольные станции и важнейшие порты на мировых морских путях.

Очень важны практически вопросы воздухоплавания. Они лишь вскользь затрагиваются в мирных трактатах. Но уже 13 окт. 1919 г. заключено специальное соглашение о воздухоплавании, а в будущем и здесь неизбежно будет установлен охраняемый авторитетом Лиги Наций порядок, обеспечивающий свободу воздушных путей и подчиняющий всех участников международного общения однообразным правилам.

13. Правильная оценка Лиги Наций предполагает понимание правовой сущности тех нововведений, которые внесло ее существование в международный обиход. Лига сильна своим родством с господствующими идеями века. Она проводит в международную жизнь начала солидаризма. То, чего тщетно искали в прошлом,—международное принуждение, — возникло само собой, когда произошло объединение сильных государств со слабыми на почве общих интересов и сознана была необходимость самоограничения и подчинения общему для всех порядку. Международные отношения перестали быть частным делом договаривающихся или сталкивающихся государств. Государства сознали себя частью человечества, как того целого, которое стоит выше народов и государств; они сознали и необходимость подчиняться общечеловеческому праву, веления которого обладают принудительною силою, опираясь на свой высокий моральный авторитет и общее сознание их культурного значения. Человечество же составляется из солидарно действующих народов—государств, подобно тому, как общество из солидарно действующих людей.

Лига Наций воплотила идею солидаризма в международных отношениях, она знаменует новые победы правовых начал в жизни человечества и начинает новую страницу мировой истории.

14. Круг идей о применении солидаризма в международном праве захватывает и план так называемой Пан-Европы.

Еще Вл. Соловьев в „Трех разговорах“ предсказал для XXI-го века „европейские соединенные штаты“ [78]). Все это произведение выдающегося философа говорит о необходимости солидаризации европейских наций, в целях обезпечения мира и в интересах культурного расширения. „Мы стягиваем узы солидарности между нами и другими европейскими нациями,

[78]) *Вл. Соловьев* Три разговора. 4-ое изд. 1904. стр. 157.

а укрепление этого европейского единства, в свою очередь, усиливает наше действие на варварские народы, отнимая у них самую мысль о возможности сопротивления“ [79]).

Теперь, после великой войны, идея Пан-Европейского объединения начинает приобретать популярность. Она нашла своего барда и философа, в лице Куденхова-Калэрги,[80]) и использована Брианом, в качестве дежурного политического блюда для Лиги Наций. Но, разумеется, широкое и значительное осуществление этой идеи можно отнести только, как это сделал Вл. Соловьев, к XXI-му веку. Соединенные Штаты Европы предполагают полное преодоление милитаризма и национального соперничества в Европе, а это возможно только после того как психология солидаризма прочно укрепится внутри каждого государства. Когда люди и общественные группы научатся в интересах взаимной пользы ограничивать себя и подчиняться требованиям единства, тогда только станет осуществимою и солидарность народов. Но всякое доброе слово в пользу объединения и мира, как и всякое мероприятие, объединяющее, по инициативе Лиги Наций, сотрудничество народов, творят свое великое дело. Они перевоспитывают психологию людей, а когда изменится психология внутри государств, изменятся и отношения народов; когда солидаризм укрепится в жизни отдельных наций, он подчинит себе и отношения народов.

---

79) Там-же, стр. 81—82.

80) R. N. Coudenhove—Kalergi, Kampf um Pan-Europa B. I 1925, B II 1926. Характеристика этого труда дана *Н. В. Устряловым* в „Известиях Юридического Факультета в Харбине“ т. VII стр. 432—448. Ср. *W. Woitinsky*. Die Vereinigten Staaten von Europa. Berl. 1926.

ЧАСТЬ ТРЕТЯЯ.

Солидаризм, как продукт и фактор прогресса.

ГЛАВА XI.

СОЛИДАРИЗМ, КАК РУКОВОДЯЩАЯ ИДЕЯ.

1. Солидаризм, как прогрессивное начало. 2. Смена правопорядков. 3. Преимущества солидаризма и юридическая сущность его. 4. Признаки правовой культуры. 5. Сопоставление с социализмом: примирение индивидуального и коллективного начала в солидаризме. 6. Этические основы солидаризма.

1. Формула—„от либерализма к солидаризму", составляющая подзаголовок нашей книги, означает движение, переход от одного порядка к другому. Означает ли это движение прогресс, выигрывает ли что-либо человечество от такого перехода, или здесь простая неизбежность, в связи с изменением внешних условий жизни?

Речь идет об явлениях этического порядка. Выйгрыш сказывается в том случае, если силу сменяет право. Сила лишена этических начал, здесь действует стихия, вместо критерия „должного" применяется критерий „возможности"[1]). Если солидаризм распространяет право и на те отношения, где господствовала сила, то это этический выйгрыш. Здесь можно говорить о прогрессе.

Принципы права не одинаковы. Право сопровождается принуждением. Вытесняя силу, оно само, однако, прибегает к ее помощи. Чем меньше требуется принуждения для поддержания правопорядка, тем совершеннее он, тем выше его этическая сторона. Если солидаризм расширяет свободу и сокращает объем принуждения, то это тоже выйгрыш.

Право вносит гармоническое начало в человеческое общежитие, оно уравновешивает действующие силы, распределяя права и обязанности. Здесь происходит постоянное изменение. Сказываются новые силы, ранее не проявлявшие своей активности, им надо предоставить простор. Распределение прав и обязанностей требует постоянных коррективов. Если солидаризм вносит большую равномерность в распределение прав и обязанностей, подчиняет началу гармонии все

[1]) *Г. К. Гинс*—Право и сила. Хрб. 1929 г. стр. 3, 6, 42.

живые общественные силы, не подавляя ни индивидуального, ни коллективного творчества, и тем способствует подъему и расцвету культуры, то можно сказать, что солидаризм—завоевание прогресса.

2. Многие явления истории вызывают теперь единодушную отрицательную оценку. С точки зрения современности они представляются не иначе, как торжеством силы, и получают название „кулачного права". В семье—безграничная власть домовладыки—право жизни и смерти над детьми и женою. В труде—рабство и кнут. Внутри государства—деспотическое начало. Неоплатный должник отдается во власть кредитора. Символом собственности является копье (hasta), символом залога—кулак. Граждан нет, есть подданные, от которых требуется безграничное повиновение власти, объединяющей в своих руках и войско, и управление, и суд. Привилегированные сословия и высокопоставленные лица в свою очередь обладают могуществом, которое позволяет им безнаказанно обирать других. Суд не обладает в это время достаточным авторитетом. Стороны решают вопрос поединком, в котором побеждает случай, а чаще сила и ловкость. Такова картина „кулачного права" внутри государства.

Во внешних отношениях еще хуже. Торговля соединяется с грабежом. Беззастенчивый обман и принуждение слабого к сделке не считаются предосудительными. Иностранец—враг, он не пользуется никакими правами, а соседнее государство сохраняет независимость, лишь поскольку оно способно защищать себя.

Все это постепенно изменяется. В семье не допускается безграничного произвола, он ограничивается контролем семейного совета; родительская власть приобретает характер обязанности. Долговое право смягчается. Труд регулируется договором. Государственная власть ограничивается конституциями, ограждающими неотъемлемые права. Суд приобретает независимость. Международные отношения регулируются правом.

Казалось бы, право может праздновать окончательную победу, но торжество его вновь омрачается воплями недовольных. Они указывают на возрастающее влияние капитала. Экономическое могущество давит и принуждает невидимо, но ощутимо. Рабочие, якобы свободно заключающие договор, в действительности вынуждены на определенные условия труда, так как они находятся во власти капитала. Государством правят политические партии, которые поддерживаются капиталистами и выражают их интересы. Классовое господство обращает право в

замаскированное насилие над неимущими, достигаемое и поддерживаемое экономическим могуществом капитала. В международных отношениях господствуют могущественные державы, достигшие наибольшего развития промышленности и обладающие крупными финансами. Таким образом, строй так называемого „правового" государства, который представляется на первый взгляд высшим достижением правовых стремлений, подвергается жестокой критике и изображается, как господство силы, хотя и иного характера, чем господствовавшей раньше, но делающей все-же право своим орудием[2]).

Другие представления о насилии, другие требования к праву и вечное искание новых начал—такова жизнь. В оценке существующего сказывается психология века. Правовые принципы и воззрения выражают психологию, которая, в свою очередь, определяется состоянием культуры и внешними условиями.

3. С этой точки зрения и солидаризм является продуктом развивающейся культуры. Он содействует укреплению и усовершенствованию правового порядка, отвечая современным условиям. Мы указали выше три признака прогресса правовой культуры: вытеснение правом силы, сокращение принудительных начал, гармонизацию всех живых творческих сил.

Солидаризм ослабляет классовую борьбу, вытесняя силу из сферы взаимоотношения труда и капитала. Он уменьшает также возможность насилий в международной сфере, и здесь способствуя укреплению правовых начал. Таким образом, он отвечает тенденции культуры—заменить силу правом.

Солидаризм не исключает принуждения. Но принуждение, которое он применяет, основывается на самоограничениях во имя общих интересов,—нередко сами заинтересованные определяют объем и случаи его применения. Таким образом, этот элемент силы на службе права приобретает значительно смягченный характер. И здесь правовая культура выигрывает.

Наконец, и с точки зрения гармонизации активных начал общественной жизни, солидаризм наиболее соответствует современным условиям. Избегая крайностей либерализма, он не устраняет индивидуального начала. Индивидуализм и социальные тенденции наиболее гармонично примиряются в солидаризме, который рассматривает каждого индивида, как часть целого, исходя из принципа, что индивид многим обязан

---

[2]) Dr. *K. O. Petraschek* Die Rechtsphilosophie des Pessimismus. Münch 1929 г. ср. особ. стр. 193—256. Сам Петрашек указывает, что человеческое общество не может удовлетвориться равновесием сил и системою отношений, подобною соотношению планет, но стремится противопоставить этически нейтральному началу силы принцип нравственности и специально справедливости (255).

тому обществу, в котором он живет[3]). Но солидаризм считает в то же время, что общество, которое не обеспечивает индивиду возможности развить его творческие силы, неизбежно идет к упадку. Таким образом, и индивид и общество в системе солидаризма выигрывают. Каждая сторона получает права и обязанности, соответствующие обоюдной выгоде.

Государство, по принципам солидаризма, слагается из сложной сети коллективов. Солидаризм поощряет корпоративную активность. Индивид входит в корпорацию, которая увеличивает его возможности и достижения. Корпорация получает права по отношению к государству, становится активным участником его жизни. Власть корпоративного государства почерпает свою силу из организованного общества, здесь достигается сложная гармония многообразных объединений, представляющих все творческие силы нации.

Таким образом, солидаризм отвечает требованиям прогресса правовой культуры. Он является продуктом передовой психологии, воспитанной на правосознании развитой личности и социальных тенденциях нового времени.

4. На первый взгляд представляется непонятным, что правом называют то, что впоследствии называют насилием и неправдою, что гармоническим (если согласиться с тем, что право вносит гармоническое начало в человеческий обиход) должен быть признан и деспотический режим патриархального времени, и полицейское государство, и парламентаризм. Но, в действительности, здесь нет противоречия. Каждый правовой режим следует оценивать с точки зрения психологии и условий эпохи. Деспотический режим предполагает отсутствие развитого индивидуального сознания и организованных общественных групп. Полицейское государство невозможно там, где общество привыкло к самоуправлению. Каждый правовой строй может быть гармоничным для своего времени, в зависимости от того, какие активные силы в нем действуют. Деспотия, если она выражается не в уродливых формах тирании, а в виде неограниченной центральной власти, подчиняет себе и неорганизованную, но опасную в своей стихии толпу, и войско, и высших сановников. Она создает порядок внутри и охраняет внешний мир, и для своего времени она может быть

[3]) О солидаризме, как гармонии начал индивидуалистических и коллективистических делал сообщение в Institut de France бельгийский министр и профессор *Baron Descamps*, напечатавший свой доклад под заглавием Le monde du droit (Essai sur la gravitation juridique et l'evolution civilisatrice) 1922 г. Удачное разрешение проблемы солидаризма автор справедливо считает задачею социального и правового прогресса (стр. 33)

Предшественником его можно считать *А. Фулье*, называвший синтез индивидуализма и социализма „социальным реформизмом" *A. Fouillée*, Le socialisme et la sociologie réformiste 3-éd. 1926. p. 357 и сл.).

наилучшим строем. Парламентаризм может быть идеальным государственным порядком, когда в стране существуют дисциплинированные политические партии, когда прочны традиции и не слишком разнообразны и противоречивы интересы различных групп населения.

Словом, ни „право", ни социальная гармония" не предопределяют заранее к. л. установленного содержания. Оба эти понятия формальны и если их применяют для характеристики к. л. порядка, то они означают лишь известные тенденции—наибольшего устранения силы при существующих условиях, наилучшего согласования всех существующих интересов.

Не следует также забывать и того, что правовое начало далеко не охватывает всех явлений общественной жизни. Когда говорят о „кулачном праве", то этим хотят выразить, что права нет, что господствует вместо него сила. И действительно, о каком праве можно говорить, когда владетельному феодалу предоставляется грабить всех проезжающих или войску самому себя содержать. Право лишь постепенно проникает во все явления общественной жизни, охватывая ее и подчиняя себе. В этом одно из завоеваний культуры.

Другое завоевание—усовершенствование самой правовой культуры, переход к более высоким этическим принципам. Скажем семья от безграничной власти отца переходит к смягчению ее и ограничению семейным советом и правами подвластных, а потом к свободе и независимости членов семьи и существованию ее на началах солидарности, добровольного сотрудничества, в целях взаимопомощи и поддержания домашнего очага.

Солидаризм—продукт передовой, более высокой этики. Если задать себе вопрос, каким должно быть право будущего для того, чтобы оно не казалось насилием современному человеку, то таким требованиям отвечает только солидаризм. Только он не подавит личного начала и не поставит препятствия укреплению социальных принципов и корпоративной самодеятельности.

Психологически солидаризм представляет собою облагороженный эгоизм: юридически это система норм, подчиняющих индивидуальные права ограничениям во имя общего интереса или укрепляющая высшим авторитетом самоограничение объединяющихся лиц и организаций, в обоих случаях не только в интересах организованной группы, но и в интересах самих же носителей прав.

5. Отличительным признаком солидаризма является то, что его ограничения и принудительные меры допустимы лишь в пределах необходимости для всех заинтересованных. Этим он от-

личается коренным образом от социализма, который делает индивида слугою общества или государства и все его интересы приносит в жертву общей выгоде, не считаясь с тем, окупаются ли эти жертвы.

Поэтому социализм уничтожает собственность, а солидаризм лишь корректирует ее.

Социализм регулирует хозяйство, возлагая на каждого хозяина определенные функции, а солидаризм согласует деятельность участников народного хозяйства, когда их интересы сталкиваются.

Социализм организует государство, которое сливает все живые силы в одно русло, а солидаризм строит государство на основе общественной самодеятельности и согласования разнообразных течений. Но солидаризм требует от государства властной активности, так как только государство может наилучшим образом представлять интересы общего блага. Солидаризм допускает влияние государства на частное хозяйство (см. гл. IX), на отношения предпринимателей и рабочих (гл. VII), на взаимоотношения организаций, представляющих различные хозяйственные организации (гл. VIII).

Солидаризм еще не вылился в законченную систему, но он уже выявил свой лик в водном праве, трудовом праве, в кооперации, в некоторых опытах фашизма, в современных международных организациях.

Будущее законодательство, руководясь идеею солидаризма, произведет дальнейшие существенные преобразования правовых начал нашей жизни, способствуя дальнейшему торжеству права над силою, дальнейшей гармонизации человеческой жизни.

6. Большое преимущество идеи солидаризма перед другими руководящими идеями века—ее определенное этическое содержание. Либерализм сам по себе лишен положительного этического содержания, так как, предоставляя личности свободу действий, он определяет только границы ее. Либерализм нуждается, поэтому, в прочной поддержке нравственной системы, воздействующей на индивида, требующей от него морального совершенствованья. Отсюда проистекают и слабые стороны капитализма, который благоприятствует человеческой жадности, злоупотреблению чужою слабостью и паразитарному существованию, порождает классовую борьбу и войны.

В этот мир жадности и соревнования вносит облагораживающие и смягчающие начала христианская религия, с ее требованьями самоотречения и нравственного совершенствованья.

Когда, в противовес индивидуалистической культуре, стали укрепляться социалистические идеи, они направлены были пре-

жде всего в сторону наибольшей уязвимости современного строя—экономической системы производства и распределения.

Социализм весь пафос свой почерпает из материалистических стремлений. Его идеал—достичь большего материального благосостояния, чем дает капитализм, путем изменения системы хозяйства, а вместе с тем улучшить и положение народных масс. Практически социализм требует больших жертв от всех участников общества в пользу целого, но теоретически он признает это, как временное явление переходного периода, и обещает в будущем материальные блага трудящимся, покупая этим их приверженность социалистическому движению.

Системе социализма нужна новая этика. Христианство опасно для социализма: оно развенчивает материалистические идеалы „земного рая“ и охлаждает пафос классовой борьбы. Неудивительно, поэтому, что первая попытка практического осуществления социализма сопровождается ожесточенною атакою на христианскую церковь. Марксисты могут с успехом пользоваться критикою христианской нравственности у Ницше. Поклонник сверхчеловека проповедовал мораль сильных, с которою не мирится „непротивление злу“, „смирение“ и непритязательность. Отрицание христианской морали не освобождает, однако, от необходимости установить новую положительную мораль, но в этом отношении социализм не проявил усердия. И понятно: социалистическая этика должна требовать от человека подчинения его „я“ нуждам общества, готовности к жертвам в пользу государства, так как только силами общественного целого возможно осуществить грандиозный замысел полного переустройства человеческого общества. Шпенглер, усматривавший в социализме продукт прусского духа, который нашел свое проявление в Фридрихе II, „первом слуге своего государства“, правильно выразил этическую сторону социализма, требующего готовности отдать себя на служение государству[4]).

Что может предложить социализм, как компенсацию требующихся жертв? Христианство обещает „небесное царство“, душевную благодать, которая осеняет нравственный подвиг. Социализм же обещает „земной рай“, но рай этот может достаться только тем поколениям будущего, „вампирам настояще-

---

[4]) *O. Spengler*—Preussentum u. Sozialismus (в русском переводе *Освальд Шпенглер*, Прусская идея и социализм. Изд. Ефрон. Берлин). Разумеется к идеологии социализма вполне подходит этика солидарности, но она распространяется только на один класс и солидаризм, как юридическая система, связывающая в одно целое все группы и классы общества,—идея для социализма еретическая (ср. *Фулье* ук. в прим. 3 соч. стр. 121 сл.). Одни социалистические системы принимают индивидуалистическую этику, рисуя блага, соблазняющие эгоизм; другие базируются на универсализме: „подчиняйтесь, проповедуют они, интересам всех и вы оградите лучше всего интересы ваши“. Но это предполагает или этическое совершенство, или очень заманчивые надежды, или психологию рабов.

го", которые воспользуются жертвами и страданиями предыдущих поколений. Можно ли, однако, перевоспитать или соблазнить такою перспективою? доступна ли такая этика современному сознанию и способна ли она поднять народ на великий подвиг земных лишений в пользу земного же благополучия неведомых будущих поколений? Едва ли этот вопрос требует ответа, особенно при общей материалистической концепции, при которой и любовь зависит от состояния желудка (Die Liebe geht durch den Magen).

Между тем, идея солидаризма заключает в себе целую этическую систему. Охраняя святость заповеди личного нравственного совершенства в пределах, доступных каждому по его силам, она не предъявляет слишком больших дополнительных требований. Она считается с выгодами и интересами человека и предполагает добровольное сотрудничество и взаимопомощь, обуславливая ими дальнейшие реальные и видимые успехи. Солидаризм сохраняет и защищает частные права, но он подчеркивает социальное значение их и подчиняет их ограничениям, вытекающим из идеи общего блага. В область материальных интересов он вносит облагораживающее духовное начало, принцип служения общественным интересам, чем дополняет и развивает индивидуалистическую нравственность, соответственно новым социальным стремлениям нашего времени. Католическая церковь уже предусмотрела необходимость идти навстречу этим потребностям и уже 15 мая 1891 г. при папе Льве XIII было положено начало „социальному" католицизму, который осуществляется или поддерживается католическими партиями в Бельгии, Франции, Германии и Австрии. Энциклику папы Льва XIII Rerum Novarum можно отнести к тем предтечам современного солидаризма, какими являются также попытки теоретического его обоснования во Франции.

Как же велики могут быть достижения солидаризма? Здесь не может быть дано заранее никаких обещаний. Солидаризм это не панацея, которая сразу утверждает мир и согласие на земле. Он не прекратит ни классовой борьбы, ни конкуренции, ни войн! Но он, в противоположность либерализму, будет способствовать мирному разрешению конфликтов и усовершенствованию социального порядка. Степень успеха будет находиться в прямой зависимости от перевоспитания человеческого общества. В отличие от социализма, он не ставит неразрешимых задач и не только не игнорирует значения этических начал, но весь успех свой обуславливает улучшением человеческой психики, необходимым для социального прогресса.

ГЛАВА XII.

УЧЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОГРЕССЕ.

1. Понятие этического и социального прогресса. 2. Наглядность технического прогресса. 3. Сомнения в прогрессе этическом, предание о золотом веке. 4. Религия и вера в этическое совершенствование. 5. Отрицательные спутники культуры. 6. Непопулярность идеи прогресса в классическом мире. 7. Точка зрения средневековья и эпохи после ренессанса (Бодэн, Бэкон). 8. Учение Вико о циклическом прогрессе. 9. Развитие идеи прогресса в XVIII—XIX в.в.—идея непрерывности прогресса (Кондорсе). 10. Конструктивный идеализм (утопия „Земного рая"). 11. Научная социология и положительная политика Конта. 12. Учение Спенсера об эволюции. 13. Марксизм об истории и перед судом истории. 14. Философское обоснование непрерывности прогресса у Гегеля. 15. Критики прогресса. 16. Культурный пессимизм Шпенглера и философия консерватизма К. Леонтьева. 17. Сущность культуры и прогресса. 18. Законы социального прогресса.

1. Когда юристы говоряг о праве и силе, они ставят право на первое место, предполагая и желая, чтобы право вытесняло силу. В этом движении от силы к праву сказывается прогресс: культура побеждает стихию. Распространение права вширь и вглубь, проникновение его во все области общественной жизни, укрепление правовой психики, т. е. предрасположение к поступкам, соответствующим праву, и отрицательного отношения (репульсий) к его нарушениям, ослабление, в связи с этим, принудительного начала в праве—все это считается признаком прогресса. Но этого мало. Меняется самое право. Формально понятие его одно и то же, но содержание не остается неизменным.

То право, которому еще недавно поклонялись, вызывает неудовлетворенность, оно само начинает рассматриваться, как насилие. Переход от абсолютизма к конституции, от монархии к республике, от либерализма к солидаризму рассматривается, как прогресс. Каждая эпоха нуждается в своем праве, таком, которое для нее является гармонией, которое при данных условиях вызывает наибольшую удовлетворенность. Возникает вопрос, в какой степени эта смена различных систем права тоже является прогрессом и по каким признакам можно отличить, что прогресс и что не прогресс. Возникает также вопрос, нельзя ли содействовать прогрессу, направлять движение в его сторону, чтобы ускорить достижения прогресса и устранить возникающие препятствия.

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, надо знать, что такое прогресс и какие пружины им управляют.

Надо различать прогресс умственный, технический, моральный. Если человек понимает окружающее все лучше и лучше, если он способен выражать свои идеи все яснее и знания становятся и разнообразнее и доступнее, это признаки умственного прогресса. Если человек все более овладевает способами воздействия на мертвую природу, подчиняет ее своим желаниям и, при меньшей затрате труда, достигает больших результатов,—это прогресс технический. Что касается прогресса этики, то поскольку этика состоит из обязательных правил поведения людей в их отношениях друг к другу, прогресс этики выражается в качественном улучшении этого поведения, т. е. приближении его к наиболее гуманному, человеколюбивому, каритативному отношению к наиболее широкому кругу лиц и в истреблении злостных, человеконенавистнических, одиозных начал даже по отношению к врагам. Такое изменение этики способствует улучшению условий общественной жизни и является прогрессом социальным.

2. Прогресс—идол нашего времени[5]). Поразительные успехи материальной культуры настолько бросаются в глаза, что современный человек может из личного опыта почерпнуть богатую коллекцию примеров прогресса. Не были-ли мы свидетелями, как быстро развивалось автомобильное дело, как человек завоевывал воздух, как кино из забавы превратилось в могущественное орудие культуры, в громадную отрасль промышленности, в новый вид искусства и творчества? Не чудо ли передача фотографий посредством радио, возможность слышать концерты и речи за тысячи верст? Сколько удобств доставляет современному человеку повседневное усовершенствованье различных машин, механизирующих труд и сберегающих человеку его энергию.

Богатейшие технические музеи в Мюнхене и Лондоне (Кенсингтон) представляют наглядную картину успехов человечества. Переходя из комнаты в комнату, можно наблюдать, как человеческий гений в течение веков сумел усовершенствовать самые разнообразные стороны техники. Вот перед вами громоздкий фонарь, вы идете дальше и видите, как этот фонарь заменялся все более дешевыми и удобными средствами освещения. Вот отверстие в окне для вентиляции. Вы видите, как оно заменяется сначала простою вертушкою, потом эта вертушка соединяется с электрическими проводами и вентиляция производится вне зависимости от ветра. Наконец, вентилятор соединяется с водопроводной трубой, распыляет струю воды на

[5]) Состоявшийся в 1912 г. в Риме съезд Международного Института Социологии был посвящен специально докладам о прогрессе,—см. Annales de l'institut intern. de sociologie v. XIV P. 1913. Le progres. Discours, memoires et observations.

мельчайшие частицы, водяную пыль, чтобы и освежать, и увлажнять воздух. Так постепенно одна и та же идея находит себе все более совершенное выражение. Не нужно приводить много примеров, доказательств—технический прогресс нагляден даже в мелочах.

Но, когда видишь успехи в области транспорта (в Лондоне модели судов всех времен), электротехники, механического оборудования фабрик, то тогда достижения прогресса поражают и заставляют верить в неограниченные возможности будущего.

3. Человек побеждает природу—здесь прогресс несомненен. Успехи естественных наук послужили исходным моментом мысли о быстром развитии власти человека над природою, внушили веру в его бесконечное техническое торжество. В то же время естественные науки создали склонность к рассмотрению человека и человеческого общества, как частицы мира, в котором совершается непрерывное движение. Человеку удается овладеть этим развитием и дать ему желательное направление. Таким образом, будущее может быть наполнено все более возрастающими достижениями. Простейшее переходит в более сложное и более тонкое.

Помимо успехов естествознания, идею прогресса питал быстро возраставший экономический и культурный обмен, который усиливал взаимодействие наций и государств и увеличивал возможности человечества. Земной шар стал представляться мыслителям великою мастерскою, в которой разнообразные организации, постепенно совершенствуясь, работают для общей великой цели[6]).

Идея прогресса в области техники завоевала себе наиболее прочное положение. Редко вызывает сомнения и прогресс умственный. Но сопровождается ли он одновременно прогрессом социальным и этическим? Еще в древности было отмечено, что умственный прогресс сопровождался нравственною порчею и что, по мере развития человеческой жизни и осложнения ее, условия жизни становились все труднее, почему, наряду с преданием о потерянном рае, сложилась формула ухудшения: золотой, серебряный, медный, железный век. Это формула, составленная применительно не к одним только экономическим условиям жизни людей, подсказана наивною переоценкою прошлого.

4. Веру в возможность улучшения нравственности внушила впоследствии религия. Религия пришла на помощь человеку, теряющему веру в себя. В противовес идее об утраченном золотом

[6]) *Р. Ю. Виппер,* Общественные учения и исторические теории XVII—XIX в.в. Изд. 1925 г. стр. 78, 93 и др.

веке, идея Мессии должна была заставить человека воспрянуть духом: Царство Божие наступит. Возникла новая формула: смена Ветхого, Нового завета и Вечного Евангелия. Эта формула изображает непрестанное улучшение нравственности. Она относится уже к другой стороне общественной жизни. Но и тут появились скептики. Ницше, например, изображает христианство, как мораль вырождения. Другие изобличают лицемерие нашего века: единобрачие, при существовании проституции; осуждение рабства, при наличии рабской зависимости в новых формах и пр.

Наконец, появляются вновь скептики, которые пугают прогрессом. Они рассматривают прогресс, как стадию расцвета, вслед за которой неизбежно последуют упадок и разложение. С их точки зрения—нужно бояться прогресса, который приближает к дряхлости, нужно стараться остановить его, „подморозить" страну (К. Леонтьеев).

Так сложен вопрос о прогрессе.

5. Люди стремятся устранить опасности для здоровья и жизни, обеспечить прирост населения, а между тем многолюдность содействует распространению пороков. Люди хотят устранить бедствия войны, а между тем обеспеченный мир понижает энергию. Культурные государства распространяют свое влияние на первобытные страны, приобщая их к благам европейской цивилизации, а население этих стран усваивает прежде всего отрицательные стороны европейского быта и развращается его соблазнами.

„В одних отношениях прогресс как-будто есть; зато в других—несомненно регресс. Появляются новые науки, т. е. дифференцируется наука прошлого и вместе с тем исчезает единство знания, которое мы не можем не оценивать положительно. Происходит накопление знаний, но они становятся разрозненными и отдельным человеком необъемлемыми. Появляются специалисты, исчезает человек энциклопедической культуры. Мы смеемся над алхимией и... не замечаем, что современная медицина мечтает, если не об элексире юности, то об операции омоложения" [7]).

Если прогресс существует, то он предполагает сочетание успехов в области материальной и духовной культуры. Успехи техники и знания—относительные ценности. Прогресс требует коллективных усилий человечества на пути к осуществлению абсолютных ценностей: добра, истины, красоты и братства [8]).

Однако, движение человечества по пути морального и со-

[7]) *Л. Карсавин* „Философия истории" Берл. 1923 г. Гл. IV стр. 254.

[8]) Prof. *I. A. Gunn*—„Social Progress" Melbourne, 1923. стр. 17.

циального прогресса значительно медленнее, чем то движение в области знаний и техники, которое достигнуто в течение ближайших к нам столетий, благодаря передаче мысли на расстояние и создавшейся возможности для лучших умов человечества помогать друг другу в их усилиях.

Уже отсюда видно, что идея прогресса—дитя нового времени, выражение его довольства успехами и уверенности в своих силах.

В самом деле, как говорит Бэри[9]), интеллектуальный климат для развития идеи прогресса до XVI в. был неподходящим.

6. Классический мир не увлекался прогрессом. Греки преуспевали в умственном прогрессе, но делали мало для улучшения условий общественной жизни. Их мировоззрение находилось под властью идеи рока (moira) и это создавало некоторую косность культуры: мойра предполагает, что во вселенной существует законченный порядок. Это та же идея, что создает неподвижность культуры Востока.

Марк Аврелий в его „Размышлениях" (Meditationes) жалел человека, достигшего сорокалетнего возраста: при средней интеллигентности он может сказать, что ему знакомо все прошедшее и известно все будущее: до того однообразен мир[10]).

7. Христианское учение с его требованием самоусовершенствования внесло переворот в мировоззрение, оно внушило веру в моральный прогресс. Под влиянием этого, средневековые мыслители (Бл. Августин) учили об умственном и моральном прогрессе и убеждали в неизбежности дальнейшего улучшения жизни на земле.

Идея „Божьего Града" господствовала над умами в средние

---

[9]) *J. Bury*, The Idea of Progress. 1924 стр. 7.

[10]) Было бы, однако, неправильно утверждать, что классическому миру была вовсе чужда идея прогресса. Так, напр., школа *эпикурейцев* придавала разуму и опыту значение культурных двигателей и заявляла, что люди движутся вперед, что культура, знания, гуманность возникли усилиями человека и постепенно вытеснили варварство. Однако, эпикурейцы мрачно взирали на будущее, предсказывая грядущее разрушение мира и предвидя страдания, которые приносит цивилизация. О прогрессе говорил также современник Цезаря, Лукреций (поэма „О природе вещей"). Он первый пустил в обращение фразу „прогрессировать шаг за шагом", он отказался от идеи первоначального земного рая, объясняя возникновение и развитие языка усложнением психической жизни в растущем общении людей и отмечал технические успехи, рост эксплоатации природных сил, появление городской жизни и т. д., но и он скептически относился к развитию индустрии и искусства и обнаруживал слабость к дикарю. В общем греко-римская общественная среда мало благоприятствовала мысли о прогрессе. Просвещение захватывало небольшие слои, техника не обнаруживала крупных успехов, общественная жизнь мало совершенствовалась (*Р. Ю. Виппер*, „Общественные учения и исторические теории" Изд. 2 стр. 177).

Во всяком случае древности была почти вовсе чужда идея линейного, непрерывного прогресса, и если высказывались идеи о прогрессивном развитии, то оно чаще изображалось., как круговорот, как цикл, подобный зарождению, расцвету и упадку (ср. *Pit. Sorokin* „A survey of the cyclical conceptions of social and historical process"—Social forces vl. VI N I, Sept. 1927).

века и впервые объединила весь тогдашний христианский мир в крестовых походах, воодушевив его к солидарной борьбе за общую веру. С тех пор явилось сознание общности европейской цивилизации и культуры.

Общая обстановка средних веков не благоприятствовала прогрессу. Еще Маккиавели характеризовал человеческую натуру, которую он рассматривал не очень высоко, как неизменную в веках, и ставил формы управления в зависимость от личного творчества всемогущего законодателя, а не от законов прогресса.

Однако, со времени Ренессанса замечается все большее укрепление веры человека в себя и подготовляется почва для теории прогресса. Оптимизм по отношению к будущему приходит на смену оптимизму в оценке прошлого.

Бодэн (XVI в.) смело выступил против характеристики начального периода жизни человечества, как золотого века. Бодэн утверждает, что золотой век, если в нем хорошенько разобраться, окажется, наоборот, железным.

Еще определеннее выражена эта мысль Фр. Бэконом: (XVI в.) Antiquitas seculi--juventus mundi, т. е. старый мир в действительности младенец. Зная ошибки прошлого и понимая их причины, мы можем избегать их впоследствии и это дает надежду на постоянный прогресс. Затруднения к успеху происходят от причин, которые находятся во власти человека. Для достижения благополучия человека и общества, Бэкон настаивает на практическом знании людей, т. е. изучении их основного характера и страстей и на нравственном руководстве и культуре воли (georgica animi). Если это будет достигнуто, то обеспечены дальнейшие завоевания культуры.

С тех пор мысль, что мир становится все более зрелым и старым, со все большим опытом и возможностями, завоевывает себе широкое признание. К этому присоединяется вера в государственную власть, которая, сосредоточив в своих руках огромное могущество, может безконечно улучшать социальную жизнь[11]).

8. В начале XVIII в. (1725 г.) появился замечательный труд неаполитанского юриста-философа Джанбатиста Вико, под заглавием „Новая наука". В развитии общества этот оригинальный и глубокий мыслитель различает три великие эпохи. Первая из них— детство народов. Постепенно от полуживотного чисто физического существования люди перешли к мифологии и культам, развивавшим мышление и утверждавшим порядок. Семейный деспотизм подготовлял к повиновению гра-

11) Впоследствии Вольтер сопоставлял райское житье и современность, не завидуя раю. Последний не знал индустрии и комфорта, и это, по мнению Вольтера, не добродетель, а невежество.

жданским законам. Начинается история аристократическим веком героев. Но, по мере того как люди привыкают рассуждать и анализировать, они требуют равенства. Возникает демократия, начинается внутреняя борьба, а затем падение. Возвышенные интересы сменяются низменными, люди служат своим грубым прихотям и капризам, общество проходит свой полный круг. Дальше новые народы начинают опять свой круг, пока не состарятся и не придут к распаду. Но Вико склонен думать, что Провидение ведет человечество все дальше вперед. Возобновляющееся круговое развитие приближает человечество к вечности. Здесь автор от науки переходит к вере[12]).

Вторая половина XVIII в. была особенно благоприятна для подобной веры. Блестящее царствование Людовика XIV было окружено сиянием великого века, подобно эпохе Августа. Выдающиеся умы заставили гордиться их произведениями, новые знания внушили человеку уверенность в своей силе, могущество государства еще больше укрепляло эту уверенность. В такое время идея прогресса должна была получить наиболее яркое выражение.

Выполнение этой миссии выпало на долю блестящего французского мыслителя второй половины XVIII в., Кондорсе. Скрываясь от террора якобинцев на чердаке, с ядом заготовленным на всякий случай для самоубийства, талантливый мыслитель излагал свои идеи, доказывая непрерывность прогресса.

Прогресс, с точки зрения Кондорсе, является безостановочным и необходимым движением вперед. „Золотой век—не за нами, а впереди нас“[13]).

Исторические наблюдения, по мнению Кондорсе, раскрывают порядок, в каком происходят перемены, и знакомят с тем влиянием, которое каждый данный момент оказывает на будущее. Они свидетельствуют также, что прогресс есть цепь, нигде не прерывающаяся, указывающая путь, по которому идет человечество, преследуя две цели: истину и счастье.

Кондорсе не видит пределов усовершенствования человека; по его предположению, человечество может достигнуть состояния, когда оно не будет различать, что частный интерес расходится с общим и что любовь к ближнему будет не меньшей, чем любовь к самому себе. Не будет больше нарушений чужого права, войны исчезнут и народы будут жить в полном согласии.

10. Идея прогресса легко приводит к утопии. Если даже верить в бесконечный прогресс, то все-же можно предста-

[12]) *Виппер*, ук. соч. стр. 7-15.

[13]) *Condorcet* Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain, стр. 13 и 272. См. статью о Кондорсе *М. Ковалевского* в „Вестнике Европы“ 1894 г. №№ 3 и 4.

вить такой момент развития, когда на земле утверждается рай. Целый ряд мыслителей предвещает заключительную стадию человеческой истории, которая рисуется им, как полное торжество и блаженство человека[14]).

С конца XVIII столетия мечта о золотом веке получает особенно яркий расцвет и именно в связи с верою в прогресс. Мечта о золотом веке является результатом наблюдений над блестящими успехами человеческого гения в области практической и научной, под влиянием уверенности в силах человеческого разума и безграничных возможностей человеческого творчества. Идея прогресса привела к идее „земного рая".

Сложилось два типа учений о прогрессе. Одни, исходя из убеждения, что человечество способно изучить способы усовершенствованья своей жизни и произвести радикальное переустройство, для осуществления своих чаяний, представляют собою конструктивный идеализм. Эти учения готовы уже дать названия улицам в золотом царстве.

Другие представляют себе прогресс, как постепенное переустройство, в связи с распространением знаний, моральным развитием, самосознанием личности и улучшением социальных условий.

Развитие учения о прогрессе требовало указания и тех средств, с помощью которых можно достигнуть улучшения общественной жизни.

Фурье искал этих способов в организации. Его проект фаланги проникнут убеждением, что с помощью хорошей организации и дисциплины можно достичь всего.

Несколько сложнее система Сен-Симона. Он возлагает на людей знания такую же роль объединителей и организаторов человечества, какую играли представители религии в средние века. Католическая церковь в средние века дала пример великой социальной организации; основой организации нового мира должна служить не церковная, а научная доктрина. Люди знания должны обдумать способы улучшения быта трудящихся, обеспечить внутренний порядок и внешний мир. Тогда жизнь человечества сразу подымается на высокий уровень почти совершенного порядка.

11. Дальнейшее развитие идеи научного руководства ходом общественной жизни и ее преобразования представляет собою учение знаменитого позитивиста Огюста Конта. Для преобразования общества необходима, по его мнению, научная социология. Человечество прошло уже две стадии: тео-

14) Absolutrechtlicher Zustand; das letzte stadium der Geschichte, l'état final; the highest state; das Reich der Freiheit, — ср. *Новгородцев* — Об общественном идеале стр. 9 и сл. *Н. Сетницкий* О конечном идеале. (Изв. юрид. фак. в Харбине т. VII стр. 191 сл.).

логическую, полную суеверий, и метафизическую, когда воображаемых богов сменили отвлеченные понятия. Наступает третий период—позитивный, господство положительных знаний и научного мышления. Главная задача этого третьего периода общественной жизни—организация общества средствами научной социологии.

Раз мир будет руководствоваться общею теориею, то и управление должно находиться в руках тех, кто понимает теорию и знает, как ее применить. Социология станет основою положительной политики[15]).

Сначала Западная Европа, затем вся белая раса и, наконец, все человечество, когда оно будет соответствующим образом подготовлено, испытают на себе благодеяния нового строя. Положительное направление создает умственную гармонию, которая до сих пор была невозможна, и вызовет более полное умственное и моральное общение. Это будет заключительное состояние (l'état final).

О. Конт заложил фундамент науки о законах развития общества. Его идея о создании позитивной политики, т. е. научно обоснованного руководства общественным движением, чрезвычайно плодотворна, хотя и осталась у него в зачаточном состоянии. Прогресс в постановке этого учения из вопроса веры превращается в научно доказуемый факт.

12. Научному обоснованию идеи прогресса особенно способствовало учение Спенсера об эволюции.

В основе этого учения лежат наблюдения над способностью организмов к приспособлению. Гениальные произведения Дарвина способствовали широкому распространению идей приспособления в жизни природы. Спенсер развивает те же идеи применительно к жизни общества.

Сообразно законам эволюции вообще и законам организации в частности, происходил и происходит прогресс в приспособлении человечества к социальному состоянию. Человек обладает способностью естественным образом изменяться, приспособляясь к условиям социальной жизни, при чем дети наследуют предрасположения (aptitudes) родителей. „Предельным человеком является такой, у которого этот процесс дошел до такой степени, что создалось соответствие между всеми способностями его природы и всеми требованиями его жизни в обществе“[16]).

Эволюция сама по себе не предполагает непременно движения к желательной цели. Но все отрицательные явления—резуль-

[15]) *O. Comte*—Systeme de politique positive, 6-e 1898 г.

[16]) *Spencer* The—principles of Etics, v. I § 104 p. 275.

тат неприспособленности к условиям жизни. Цивилизация способствует все большей приспособляемости. Поскольку последовательные шаги цивилизации улучшают общественную жизнь, они составляют то, что называется прогрессом[17]).

В хаосе окружающих человека явлений проглядывают трудно различимые черты гигантского плана. Когда удается угадать их, то представляется возможным содействовать и направлять процесс приспособления. Могущественные средства для этого находятся в руках законодателя.

Таким образом учение Спенсера о прогрессе может быть формулировано в двух положениях: первое—в основе прогресса лежит естественный процесс эволюции, приспособляемость людей к совместной жизни; и второе—представляется возможность содействовать процессу эволюции, для достижения окончательной и полной взаимной приспособляемости членов общества.

Недостаточно выясняется Спенсером, почему „окончательная" приспособляемость должна непременно сопровождаться улучшением этики. Об этом можно лишь догадываться, исходя из того, что полная приспособленность предполагает гармонию и солидарность, которых не может быть, если член общества действует неправомерно или безнравственно. Но остается все-же открытым вопрос о том, как сменяются принципы права и нравственности, можно ли и на основании чего утверждать, что изменение права и нравственности означают непременно улучшение. Ведь приспособление организма к окружающим условиям или изменение окраски вовсе не означают непременно улучшения.

Непонятно также с точки зрения эволюционной теории, как можно обосновать совершенное состояние человеческого общества, состояние, предполагающее наступление неподвижности, т. е. конец эволюции.

13. Некоторое сходство с учением Спенсера представляет марксизм. И он учит об эволюции, но только не на основе приспособления к условиям жизни вообще, а в зависимости от более узкого фактора—хозяйства. Общественное развитие все-

[17]) *Alfr Niceforo* —Les indices numeriques de la civilisation et du progres. 1921 г. определяет цивилизацию, как совокупность условий, характеризующих материальную, интеллектуальную, моральную жизнь, организацию политическую и социальную. Каждая эпоха и нация имеют свою цивилизацию (стр. 30—31). Прогресс в одном отношении сопровождается отрицательными явлениями в другом отношении (181), поэтому о прогрессе можно говорить, лишь упрощая сложность явлений (205).

Цель книги проф. *Ничефоре* показать, каким образом возможно характеризовать цивилизацию и прогресс в цыфрах. Те *законы* эволюции, которые одни только могут доказать неизбежность прогресса, в конечном итоге, несмотря на все отклонения, (см. конец настоящей главы и гл. XIII п. п. 8—9) остаются автору неизвестными. Для учения о прогрессе, как динамическом процессе, его книга ничего не дает.

цело определяется ростом производительных сил, которые, в свою очередь, определяют отношения различных общественных классов. Между этими классами происходит борьба, приводящая к смене одного порядка другим. Эти смены составляют содержание истории. В процессе классовой борьбы достигается, однако, состояние, при котором классовое противоречие может исчезнуть. С точки зрения марксизма капиталистическое общество представляет из себя последнюю форму классового антагонизма. Когда в борьбе капитала и труда пролетариат выйдет победителем, он принесет миру состояние полной свободы, где исчезнут все виды угнетения и несправедливости, не будет никакой розни, деспотизма и даже никакого права и государства. Пролетариат изображается, как наиболее совершенный класс, а потому он осуществит на земле рай, в виде социализма.

Таким образом, с точки зрения марксизма, в истории осуществляется неизменный прогресс, приближающий человечество к идеалу. В путях и средствах достижения идеала нет ничего мистического. Все управляется простыми объективно устанавливаемыми законами.

Эта упрощенность теории прогресса делает марксизм чрезвычайно удобным для популяризации и пропаганды. Подкупая своими безграничными обещаниями, воскуряя фимиамы одному из общественных классов, который, в действительности, представляет лишь одну из действующих сил, столь же необходимую для культуры, как и другие, марксизм действует на неспособные к критике умы именно упрощенностью своей теории прогресса. Пролетариат оказывается „избранным“ классом подобно тому, как был „избранный“ народ, а хозяйственные факторы оказываются самыми значительными из всех, и если не вовсе исключающими прочие, то в последней инстанции составляющими все же определяющий момент социально-исторического развития[18]).

Так как главное основание социалистического учения марксизма в законах экономики, то особенно интересно отметить, насколько эти „законы“ марксизма разошлись с действительностью. Карл Маркс писал в тот период развития капитализма, когда взаимоотношения предпринимателя и рабочего находились всецело в зависимости от конкуренции, не были еще урегулированы и лучше всего укладывались в форму эксплоатации. Маркс и его школа построили всю свою теорию на

[18]) *Vorländer*, Kant u. Marx; *Petraschek* ук. соч. (см. прим. 2) стр. 38—39.
Оценка значения идеологических факторов, правно-политических, философских и религиозных, и их влияния на экономику, возрастающего по мере усиления культуры, особенно ясна в письмах Энгельса к Мерингу.

идее присвоения капиталистом прибавочной стоимости, создаваемой физическим трудом, и таким образом физический труд был возвеличен и изображен в виде основы благополучия народов. Естественно, что и носители этого труда оказались избранным классом, на который пал исторический жребий осуществить „земной рай". При этом материалистическое понимание истории изображало грядущее выступление пролетариата, как неизбежное последствие обнищания трудящихся (Verelendungstheorie), которое не может не наступить, так как капитализм, при возрастающей конкуренции, будет неизбежно усиливать эксплоатацию рабочих. После перехода средств производства в руки пролетариата, окажется возможною наилучшая организация производства, народное богатство увеличится, а справедливое распределение благ осчастливит все человечество.

Со времени появления учения К. Маркса обстановка мирового хозяйства глубоко изменилась и эволюция его ниспровергла все исходные точки зрения марксизма.

Прежде всего выяснилось, что успехи новейшего капитализма (сверх-капитализма) зависят главным образом от интеллекта, а не от физической силы. Организационные способности предпринимателя, изобретательские способности инженера и техника, коммерческий и финансовый гений купца решают вопросы победы или смерти предприятия. Сердцем каждой фабрики является то помещение, теперь обычное для каждого крупного предприятия, где работают непрерывно специалисты, изыскивающие всевозможные усовершенствования, для удешевления производства и улучшения качества. Физический труд давно перестал казаться главною основою дохода.

Второе существенное изменение—это повсеместное улучшение условий труда и заработной платы. Организованный пролетариат обеспечивает себе наилучшие условия, какие возможны по положению предприятия. Поэтому, исчезло основание и другой исходной идеи К. Маркса: эксплоатация рабочего потеряла свою остроту и, пожалуй, стала даже анахронизмом. Могущественные профессиональные союзы улучшили положение рабочего, не дожидаясь пришествия „земного рая".

Выдающиеся экономисты (напр., Лифман) справедливо указывают, что и условия конкуренции теперь значительно изменились под влиянием картелирования и трестирования промышленности, а потому жертвою эксплоатации становится скорее потребитель, чем рабочий. В то же время выросла новая сила—финансовый капитал (его значение ярко обрисовал Гильфердинг), а это изменило вообще положение предпринимателя, который перестал, в массе случаев, быть независимым.

Не подтвердилось в связи с этим и предсказание „обнищания". Статистика показывает, что уровень благосостояния рабочего в Европе повышается, а не понижается. Даже безработные, благодаря развитию социального законодательства и организованной помощи, оказываются хотя в тяжелом, но не в безвыходном положении. Тяжесть безработицы падает на плечи государства и общества и распределяется, таким образом, между всеми. Отпадает, таким образом, и материалистическая неизбежность последней решительной схватки капиталистов и трудящихся, которые начинают работать совместно против потребителя и жить общими интересами.

Наконец, исчезает еще и вера, что переход орудий производства в руки пролетариата действительно повысит производительность. Опыт Советской России показал, что одной организационной энергии еще мало для того, чтобы увеличивать народное богатство.

Таким образом, марксизм со всем богатством его научного багажа и увлекательностью революционного пафоса оказался перед лицом истории одною из доктрин, отражавших потребности своего времени. Времена изменились, а с ними рассеивается и обаяние марксизма.

Научное обоснование марксизма, таким образом, далеко не безупречно [19]), но для нас оно интересно тем, что идея прогресса в этом учении находит вновь яркое выражение. Она обосновывается здесь глубоким убеждением в возможность „безусловной рационализации всех общественных отношений и безусловного контроля человека над природою" [20]). Она облекается в учение о неизбежности полного перерождения существующего общественного мира и сопровождается конкретными указаниями социализма, как конечной цели прогресса и передачи орудий производства в обладание пролетариата, как средства осуществления конечной цели.

14. Приведенный обзор учений о прогрессе показывает, что идея его все более укреплялась и что сторонники ее стремились обосновать эту идею научно, извлекая обоснование из наблюдений над фактами общественной жизни и стараясь определить, в каком направлении идет прогресс, для возможного содействия ему. Согласно этим учениям, в прогрессе участвуют человеческие разум и воля.

Следует, однако, отметить существование учений и другого порядка. Бэри (прим. 9) называет эти учения спекулятив-

[19]) Глубокую критику философских и социологических концепций марксизма дает книга проф. *Новгородцева* „Об общественном идеале" Изд. V, 1922 г. стр. 147—386.

[20]) *Новгородцев* о. с. стр. 158.

ными и так как они имеют наиболее выдающихся представителей в Германии, то также германскими учениями о прогрессе.

Кант в своей работе „Вечный мир[21]) говорит, что гарантию вечного мира дает сама „великая в своем искусстве природа (natura daedala rerum),в механическом процессе которой с очевидностью обнаруживается целесообразное стремление произвести путем разногласия людей согласие даже против их воли". Если природа хочет, чтобы произошло то или другое, то это не значит, что она возлагает на нас долг делать что-либо, но делает это сама, хотим мы или нет (fata volentem ducunt, nolentem trahunt).

Таким образом, „всемирная история" представляет собою развертывание космополитического плана. Если люди поймут его, то это только облегчит выполнение плана.

Другой великий германский философ Гегель определяет всемирную историю, как процесс, в котором проявляет себя всемирный дух. Смысл истории, по Гегелю, есть прогресс в сознании свободы, которая постепенно распространяется с одного (деспотия), немногих (аристократия) и многих (демократия) на всех. Мнения разных времен, учреждения, нравы—моменты и повороты сознания мирового духа. Кровопролития, жестокости, все страшные потери человечества—жертвы, приносимые ради великой разумной цели. „Все существующее—разумно", „мировой дух хитер". Когда мировой дух достигает своего высшего выражения, наступает „бодрая старость", конца которой не видно.

Это учение Гегеля полно исторического оптимизма, оно наполнило собою целый век, вдохновив Маркса и Энгельса и найдя в марксизме свое перевоплощение.

Подобные учения, представляющие собою формулировку исторических тенденций, еще более, чем ранее изложенные, способны создать ложное представление о непрерывности прогресса. В действительности человечество не идет прямым путем. Культура то расцветает, то приходит в упадок. Народы, достигшие величия, сходят со сцены, на смену им приходят другие, возвращающие культуру вспять. Непрерывности поступательного движения нет. Наряду с прогрессом есть остановки и регресс[22]).

15. Еще Сенека учил о периодическом вырождении людей. Огонь и потопы истребляют человечество и после этого вновь начинается золотой век невинности, за которым следуют порча, пороки и ухудшение жизни. С этой точки зрения ката-

[21]) *I.Kant*—Zum ewigen Frieden—Erst. Zusatz (Von der Garantie des ewigen Friedens).

[22]) В этом отношении вполне прав *Ничефоре* (см. прим. 17) стр. 104 и др.

строфы вносят нечто освежающее, подобно тому, как гроза освежает воздух. Жестокая теория прогресса, которая требует платы кровью и неисчислимыми жертвами за обновление культуры! После катастрофы, вторит Сенеке пессимист XIX в. Гартман, устанавливается большее и сравнительно лучшее равновесие человеческих взаимоотношений, что и находит себе отражение в новых конституциях.

Но здесь уже не только отрицание непрерывности прогресса, но и сомнение в нем. Никогда нельзя предсказать к каким результатам приведет катастрофа, не потрясет ли она мир до основания и не постигнет ли его новая катастрофа до того, как он оправится, так что не только дальнейший прогресс, но и возрождение отодвинутся на долгие времена.

Такие теории расходятся не только с космическими построениями Канта и Гегеля, но и с теориею Конта о переходе мира в позитивный период, время господства знаний, и с учением Спенсера об эволюции под влиянием приспособления, и, наконец, с учением К. Маркса о непреложных законах истории, определяемых развитием хозяйства и борьбою классов. В лучшем случае, если они не разрушают идеи прогресса, то вносят в него существенный корректив.

Но нет недостатка и в прямой критике прогресса.

Один говорит, что ни прогресс, ни регресс недоказуемы. Изменяются критерии оценки и нельзя быть уверенным, что грядущие поколения будут руководствоваться теми же идеалами, как и мы, или что другие народы руководствовались тем же критерием в прежние времена[23]).

Другие находят идею прогресса вредною „позволяющею в полном спокойствии пользоваться благами сегодняшнего дня, не заботясь о затруднениях завтрашнего“ [24]). Сорель вместо катастроф предлагает, в качестве средства омоложения культуры, героическую борьбу. Теорию прогресса он отвергает, он ставит будущее в зависимость от моментов героического подъема, утверждая, что „человечество лишь иногда выходит из под власти посредственности, благодаря энергичному давлению некоторых принудительных сил“.

16. После Великой войны шумный успех выпал на долю Шпенглера („Закат Европы“), который монотонной картине прямолинейной всеобщей истории противопоставил идею множества культур, из которых одни расцветают, другие стареют, появляются, зреют, отцветают и никогда не возвращаются[25]). В

[23]) Ср. *Карсавин* „Философия истории“ стр. 253.

[24]) *Sorel*—Les illusions du progres, p. 49.

[25]) *O. Spengler*—Der Untergang des Abendlandes—стр. 28—29.

частности, Шпенглер противопоставляет цивилизацию культуре, считая цивилизацию опрощением и обмельчанием культуры. С его точки зрения развитие литературы после Шекспира, Гете и др., развитие архитектуры, музыки и пр.—вовсе не показывает непрерывного улучшения. Напротив, большой подъем и расцвет неповторимы. Далее можно ожидать уже совершенно иных форм культуры. „До Гете мы немцы, говорит он, больше никогда не дойдем, но можем дойти до Цезаря“[26]). Философия Шпенглера—вид культурного, но не абсолютного пессимизма. Он не признает вечных истин, не признает абсолютной морали и всеобщей человеческой этики. Он не верит в политику принципов и в единые конечные цели. Каждая культура создает свою мораль, каждая фактическая обстановка—свою политику.

Изумительная по богатству содержания книга Шпенглера охватывает историю разнообразных культур, включая, что придает ей особую ценность, культуры востока. Она изображает, таким образом, все красочное разнообразие исторических типов культуры. В этом и заключается ее наибольшая ценность. Что касается прогресса, то, с точки зрения Шпенглера, возможны новые достижения старых наций, поскольку они живут в изменившихся условиях жизни, но это только новые достижения, а не последовательное развитие и безконечное усовершенствованье культуры.

Учение Шпенглера во многом напоминает философию консерватизма, которую мы находим у замечательного русского мыслителя К. Леонтьева (1831—91)[27]). Но в отличие от Шпенглера, последний полон абсолютного пессимизма и прямо говорит об одряхлении и разложении культуры после периода расцвета. К событиям мировой истории он применяет схему триединого процесса, которому подчинена органическая жизнь: „все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается“—жизнь, развитие, цветение — прекрасны, к смерти все опрощается и затем разлагается. В современном ему мире, в его философии, литературе и политике Леонтьев усматривал все признаки вторичного опрощения, приближающего культуру к смерти.

„Прогрессивные идеи очень грубы, просты и всякому доступны“. „Везде одни и те же более или менее демократические конституции“, „Повсюду все равны, все сходны, все родственны... одни успехи и одни неудобства; схожие уставы—оди-

[26]) *O. Spengler*—Pessimismus?—в русск. переводе „Пессимизм ли это“? М. 1922 г. стр. 40.

[27]) *Л. Зандер*—К. Леонтьев о прогрессе, особ. гл. V и VI. (Оттиск из журнала „Русское обозрение“ 1921 г. №№ 6—7).

накий быт; сходные вкусы—сходное искусство; сходная философия жизни—одни и те же требованья, одни и те же качества и пороки, однородные наслажденья и однородные страданья... Везде суд присяжных, везде конституция, везде пар и телеграф, везде аграрный вопрос и стачки рабочих, везде открытая борьба капитала и труда".

„В прогресс верить надо, но не как в улучшение непременно, а только как в новое перерождение тягостей жизни в новые виды страданий и стеснений человеческих. Правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодушная, все ожидающая какой-то весны".

„Либерально-эгалитарный процесс должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к более медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ, на совершенно новых и вовсе уже не либеральных, а, напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме"...

„Индивидуализм торжествует; но зато какую же бурю коммунистической реакции повлечет за собою медленно продолжающееся с XVIII века сожигание государства со всеми его национально-историческими особенностями"...

Общие рассуждения К. Леонтьева о прогрессе, точнее критика прогресса, переходят постепенно в пророческое предвидение.

Нельзя без жуткого волнения читать следующие фразы: «Падение Германии неизбежно. Раз покатившаяся по плоскости „прогресса и культуры", она неизбежно придет к пошлости республиканского идеала».

Переходя к России, К. Леонтьев характеризует ее состояние, как завершающийся период пестрого цветенья. Россия, увлекаясь идеями прогресса, стремится вступить на путь европейского разложения, а потому «надо подморозить хотя немного Россию, чтобы она не „гнила".».

Однако, „подморозить Россию" не удалось и государственный колосс рухнул. Пророчества К. Леонтьева сбылись и это придает его философии консерватизма ореол убедительности[28]). Но, в действительности, применение к общественной жизни законов органического мира не всегда правильно и допустимо только с оговорками, так как „в общественной жизни, наряду

[28]) Отрицательно относится к идее прогресса и другой самобытный и оригинальный русский мыслитель *Н. Ф. Федоров*. Прогресс, говорит он (Философия Общего Дела, Хрб. 1928 г., Вып. I § 15) состоит в сознании сынами своего превосходства над отцами и в сознании живущими своего превосходства над умершими" „Хотя застой есть смерть и регресс не рай, но прогресс есть истинный ад, и истинно божественное, истинно человеческое дело заключается в спасении жертв прогресса, в выводе их из ада". Однако, отрицание Федоровым прогресса не так категорично, как у Леонтьева. Федоров отрицательно относится к успокаивающей и самодовольной вере в прогресс, как в процесс, происходящий сам собою и наполняющий души новых поколений гордынею, которая разрушает возмож-

с материальными факторами, действует сила человеческого сознания [29]).

17. Сущность человеческой культуры заключается в том, что она преодолевает и видоизменяет естественные процессы. Культура земледелия заставляет землю приносить больше обычного. Культура растений заставляет их лучше цвести и стойче выносить неблагоприятные атмосферические влияния. Духовная культура воздействует на человеческое сознание, расширяя его горизонты, углубляя миропонимание и прививая облагораживающие душу тонкие эстетические вкусы. Социальная культура воздействует на поведение человека в отношении ему подобных. Она приучает его владеть стихийными порывами его природных инстинктов и руководствоваться правилами этики (нравственными и правовыми), эстетики или житейского приличия. Сознание может таким образом воздействовать на бытие.

В результате культурное развитие не подчиняется закону механической причинности, согласно которому причина равна следствию (causa aequat effectum). Здесь следствие превосходит причину (effectus exsuperat causam). Одно поколение передает другому все более возрастающее наследство знаний, навыков и технического искусства.

Воздействие человеческой культуры на внешний мир встречает естественные границы, за пределами которых оно становится уже менее заметным. Трудно, напр., бесконечно увеличивать производительность земли. Иначе обстоит дело с социальною культурою. Здесь наблюдается возрастающая прогрессия влияний на психику людей, факты ставят перед наукою неразрешенную еще ею загадку все более ускоряющегося темпа прогресса. Если учесть закон культурного развития, выражающийся в повышении эффекта, по сравнению с затратою сил, то, при разнообразии духовной и социальной культуры, проявления этого закона должны становиться все более заметными. Между тем человек представляет из себя объект всех разнообразных культурных влияний и, следовательно, чем они сильнее и совершеннее, тем больше они сказываются на поведении людей. В психологии нет тех границ для этого влияния, какие существуют в мире физическом, и совокупное действие религии, права, эстетики, просвещения, материального благополучия, социального сотрудничества творит чудеса.

ности братского единения всего человечества, живущего и умершего (философия Федорова это философия воскрешения умерших). Поскольку же прогресс касается не знания только того, *что есть*, а знания и того, что *должно быть*, то такого прогресса Федоров не отрицает. „Целью истинного прогресса может и должно быть только участие в деле или в труде познаванья слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, для обращения ее в живоносную“ (там же § 15 in fine).

[29]) *Ср. наше* „Право и сила“ стр. 37.

Теория Шпенглера сильнее, чем учение К. Леонтьева, который вовсе игнорирует эти особенности. Мрачный пессимизм русского философа не может считаться обоснованным только тем, что в природе после расцвета наступает дряхлость и смерть.

Не следует, с другой стороны, придавать идее прогресса слишком широкое значение, распространяя ее на все проявления культуры. Есть виды искусства, в которых очень заметно выражается индивидуальность эпохи и творцов произведений искусства. Здесь трудно говорить о закономерном развитии, о прогрессе или регрессе, к тому же невозможно установить и конечные цели развития музыки, литературы, изобразительных искусств. А между тем прогресс и регресс возможны только там, где на основе приспособления устанавливаются некоторые тенденции развития и где человек может сознательно определять направление тенденций, установить цели и содействовать их достижению.

Шпенглер прав, указывая, что в сменах культур нет той последовательности, которая говорила бы о постоянном развитии культуры к лучшему. Но его учение не опровергает прогресса, т. к. оно захватывает слишком широкую область явлений, распространяясь на те из них, в которых ни естественные законы приспособления, ни свободная воля и сознание не могут проявляться.

Права отчасти и та критика, которая указывает на отсутствие единого критерия оценки. Цели и критерии меняются. То, чего добивались люди раньше, может не представлять ценности впоследствии. Рискованно, поэтому, говорить об абсолютном прогрессе. Однако, в некоторых проявлениях культуры замечается длительная устойчивость.

На всем протяжении истории человечества оно боролось за подчинение себе природы. Человеческий гений, приспособляясь к условиям жизни, изобретал способы извлечения наибольшего количества благ при наименьшей затрате труда, и в этой области линия прогресса очерчена очень ясно. Это прогресс науки и техники.

Точно так же замечаются некоторые тенденции и в организации общества. Происходит, напр., борьба личности за охранение ее индивидуальных интересов от поглощения интересами того целого, в которое личность входит. Здесь нет непрерывности и прямолинейности развития, так как после значительного раскрепощения личности может быть необходима вновь более жесткая система подчинения ее обществу, но все-же в большом историческом масштабе и здесь проявляются опреде-

ленные тенденции, соответствующие интересам личности и общества. Их внешнее выражение именуется прогрессом права.

Смена одною системою другой, переход от либерализма к солидаризму или социализму и т. п.—все это проблемы, связанные теснейшим образом с проблемою прогресса в общественной жизни и, главным образом, прогресса права.

Можно сказать больше: даже постановка этих проблем невозможна без понятия прогресса т. е. без критерия для оценки тех изменений, которые создаются сменою различных систем общественного устройства.

Обзор различных учений о прогрессе показывает, что если отбросить идею непрерывного прогресса и не связывать учения о прогрессе с предсказаниями золотого века и земного рая, то в них останутся здоровые мысли о способности человеческого общества эволюционировать, под влиянием приспособления (Спенсер), и о возможности определить тенденции развития общественной жизни для руководства (О. Конт) или содействия (К. Маркс) естественным процессам, когда они отвечают разумным целям человечества.

Найти неизменную формулу прогресса — задача безнадежная.

Каждый человек стремится к лучшему и если ему удается овладеть способом достижения своих целей, так что осуществление их будет становиться все легче, то он назовет это прогрессом. Способы и методы этого индивидуального прогресса будут каждый раз другие. Человеческое общество тоже ищет улучшения условий своего совместного существования. В долгой и непрерывной работе приспособления, производимой коллективными силами и освещаемой идеями яркого сознания, приобретаются навыки предрасположения, создаются традиции и воспитывается общественная психология, так что отпадает надобность начинать каждый раз сначала. Наоборот культурное наследство переходит от поколения к поколению и чем шире взаимодействие людей, чем больший круг народов вовлекается в общую работу, тем богаче становятся опыт и сознание. Естественное стремление человека улучшить материальные условия своего существования создает прогресс прикладных знаний и техники: такое же естественное стремление улучшить условия общежития развитой человеческой среды создает прогресс и духовной культуры. И то и другое предполагает такое взаимное поведение, которое способствует укреплению и материальной и духовной культуры. Поэтому каждая эпоха создает свои правила поведения, свою этику. Но накопившийся капитал нравственных и правовых понятий и принципов не

лежит где-то на поверхности, он рождается и укрепляется в психологии людей, а потому он не поддается механической смене, а видоизменяется также в процессе приспособления, а потому дурное или ненужное атрофируется или изменяется, а хорошее и соответствующее общей пользе имеет шансы укрепляться и переходить от поколения к поколению. Таким образом, на ряду с умственным и техническим, возможен также этический прогресс, т. е. усовершенствованье человеческой этики в интересах отдельного человека и человеческого общества в его совокупности. Придумыванье отвлеченных формул прогресса, как бы увлекательно они ни были составлены, не может ничего доказать. Идея прогресса окрепла под влиянием убедительного красноречия фактов технических достижений и мирового сотрудничества людей. К фактам надлежит обращаться и для подтверждения социального прогресса, главным содержанием которого является прогресс этический, т. к. право и нравственность характеризуют социальный строй. Из этих фактов можно уловить тенденции. Отдельный человек легче может познать и формулировать свои цели, чем совокупность людей, или сложное человеческое общество со скрещивающимися влияниями и стремлениями. Поэтому достижения отдельных людей чаще бывают сознательными, чем достижения человеческих обществ, являющиеся большею частью результатом бессознательного приспособления. Но, постепенно и тенденции этого приспособления и его достижения становятся более ясными и получается возможность определять конечные цели, формулировать идеалы. Чем ближе эти цели и идеалы к эпохе, тем они яснее, конкретнее, но тем менее они долговечны. Чем они отвлеченнее, тем более они устойчивы. Приближение к этим идеалам составляет прогресс.

Каждый вид прогресса: технический, умственный, моральный управляется одними и теми же законами приспособления, взаимодействия, накопления, но изучение каждого из этих видов прогресса должно происходить отдельно, во избежание вредного смешения. Так, напр., при изложении учений о социальном прогрессе производится обычно объединение материального и этического прогресса и создается идеал „земного рая", материалистический характер которого заслоняет этическое содержание социального прогресса. Между тем, для социальной культуры наиболее характерно этическое начало. Материальная культура сильна и в животном мире. Жизнь культурного человеческого общества, в отличие от жизни других живых существ, характеризуется сознательным установлением и применением правил поведения. Право и нравственность опре-

деляют отношения людей и человеческих обществ между собою и оказывают влияние на материальную культуру. Поэтому, изучение тенденций в области развития человеческой этики и смены общественных идеалов, формулировка отдаленных и отвлеченных конечных стремлений представляет наиболее важную задачу учения о социальном прогрессе.

Но работа эта может быть плодотворною, только при условии обоснования всех тенденций фактами, оценки общественных идеалов не как вечных и незыблемых истин, а как исторически сменяющихся формул, требуется подход к ним не с точки зрения субъективно желательного, а с точки зрения соответствия их характеру эпохи и потом с точки зрения отдаленного идеала, формулирующего тенденции развития человеческой этики в широкой исторической перспективе.

Споры о бесконечном и непрерывном прогрессе, споры оптимистов и пессимистов были бесплодны потому, что они опирались на произвольно установленные формулы, иногда подкреплявшиеся наблюдениями над внешним миром (зарождение, расцвет, смерть или—молодость, зрелость и старость), иногда односторонне подобранными фактами внешней истории. Кто подходит к социальному прогрессу, как к процессу приспособления, тот не может говорить о конечности или непрерывности прогресса. Пока будут изменяться условия человеческого существования, будет происходить и приспособление к ним. Приспособление не всегда происходит в лучшую сторону, поэтому возможны и социальные катастрофы и гибель культур и народов, но неудачи одних будут учить других и в конечном итоге победит наиболее здоровое приспособление.

Результаты большого и разнообразного исторического опыта позволяют наметить отдельные конечные цели, приближение к которым расценивается, как прогресс. Сознание этих целей в свою очередь способствует прогрессу, помогая воспитывать те склонности и симпатии, которые благоприятствуют достижению этих целей. Отсюда то громадное значение, которое приобретают правовые и, особенно, нравственные принципы, стоящие выше этического уровня своего времени.

Законы естественного мира не могут быть распространяемы целиком на общественную жизнь: она обладает своими особенностями, которые проистекают из психологической природы общественных явлений. Поэтому использованье для социальных наук аналогий, подобно теории К. Леонтьева о цветении и отцветании культуры, не научно. Неправильно и применение всяких других дедуктивно добываемых положений, не учитывающих сложности психологических явлений. Укоренившаяся века-

ми психика может замедлять ход прогресса (Китай); наоборот, приподнятое психологическое настроение может способствовать ускорению темпа прогресса (Япония, Германия); различные внешние и внутренние влияния вызывают отклонения и осложнения, которые можно предусмотреть, лишь зная социальный состав и те индивидуальные и, главным образом, групповые взаимодействия, которые существуют в данном государстве.

Учение о социальном прогрессе это учение о психологическом приспособлении людей к условиям общежития, о формулируемых стремлениях и правилах поведения, приближающих к намеченным целям. В конечном итоге, социальный идеал представляется как совершенное общество, в котором сотрудничество и взаимопомощь происходят по свободному побуждению, где отсутствуют злостные побуждения и торжествует готовность творить друг другу добро, где всякий член общества равен другому и пользуется правом на достойное существование, где царит любовь к ближнему и дальнему.

Если человечество приближается к этому состоянию, то это этический прогресс; если можно определить те силы, которые содействуют этому прогрессу, то это учение о факторах прогресса; если можно устанавливать цели прогресса, то это социальные идеалы, смена которых отмечает вехами путь прогресса.

ГЛАВА XIII.

ОБОСНОВАНИЕ ЭТИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА.

1. Иллюстрации прогресса в истории римского права. 2. Прогресс в праве нового времени. 3. Эволюция нравственности. 4. Периоды реакции и застоя. 5. Проблема тысячелетней неподвижности Китая. 6. Психологические основы прогресса (генезис). 7. Выгоды правопорядка. 8. Закон приспособления в применении к социальным явлениям: индивидуально-эмоциональное и социально-эмоциональное приспособление. 9. Средние оценки и эмоциональные равнодействующие.

1. Достижения в социальной области гораздо труднее распознаваемы, чем в области технической.

Тем не менее, при некоторой наблюдательности, перелистывая страницы человеческой культуры, можно найти много примеров, подтверждающих прогресс.

История римского права представляет собою грандиозную панораму, в которой развертывается поучительное зрелище. Оно показывает, как изменялось право одного и того же народа в течение тысячелетия.

В панораме этой проходит патриархальный быт с неограни-

ченною властью домовладельца. **Pater familias** властен над жизнью и смертью детей, а жена находится на одном положении с дочерью. Но, затем, шаг за шагом смягчается власть отца. Дети получают права на имущество, ими заработанное, жена может избрать форму брака, гарантирующую ей личную и имущественную независимость от мужа. Римская матрона **pudica, lanifica, domiseda** (скромная, рукодельница, домоседка) становится независимою и самостоятельною.

Происходит, таким образом, процесс, в котором ясно выявляется тенденция эмансипации личности. Всякий сознательный человек желает полного выявления своего „я" и насильственное подчинение его чужому авторитету становится возможным только в кругу отношений, не затрагивающих интимной его личной жизни.

Одновременно, на протяжении многих веков римской истории, происходит борьба за равноправие, которая начинается выступлением плебеев против патрициев, переходит затем в борьбу неполноправных частей государства с Римом и заканчивается изданием **Constitutio Antoniniana** (закон Каракаллы), распространяющей права государства на все население, кроме рабов.

Но и в отношении рабов совершается интересная эволюция. Правда, положение их в период более простых патриархальных отношений было лучшим, чем в последующий, когда Рим начал завоевания и хозяева перестали рассматривать рабов, как домочадцев. Когда рабов стали пригонять десятками тысяч, массами продавать и покупать, они почти совершенно утратили свое человеческое лицо в глазах хозяев: раб стал вещью. Но потрясавшие римское государство восстания рабов, а затем гуманные идеи христианства и здесь привели к некоторому смягчению рабского режима, к охранению человеческого достоинства и жизни рабов. Следует все-же отметить, что рабство осталось темным явлением римской истории и было одною из причин разложения римской империи. В отношении рабов тенденция эмансипации человеческой личности не проявила себя достаточно и не выявлялась непрерывно и последовательно, но все-же и в этом вопросе римское право дает материал, отвечающий общему направлению истории.

Если даже ограничиться этими примерами, то можно утверждать, что на протяжении тысячелетия очень ясно обнаруживается развитие в сторону свободы человеческой личности. Раз завоеванная свобода обратно уже не отдается. Приближение к ней мы называем прогрессом, потому что это отвечает потребностям духа и интересам культуры. Общество, состоящее из сознательных, развитых людей, привыкших к независимости

и умеющих отстаивать свои интересы, всегда жизнеспособнее, и сильнее, чем общество людей безвольных и несамостоятельных.

2. В истории права новых народов можно подобрать разнообразную и яркую коллекцию примеров, показывающих подобные же прогрессивные тенденции в различных областях общественной жизни[30]).

Так, например, начало развития государственности соединяется с двойным давлением на человека. В средние века такое государство характеризовалось, как „господство двух мечей"—два меча: кара земли и кара неба грозят тому, кто преступит закон. Это государство уступает затем место государству светского абсолютизма, с одним мечом, затем государству, где все больший круг людей принимает участие в государственном строительстве: конституционному государству, республике буржуазной, затем демократической. В общей линии развития оказывается все меньше давления на человека сверху; каждый гражданин приобретает возможность всестороннего развития; все большее количество лиц активно участвует в государственной жизни.

Возьмем другую область—область труда. Почти везде зарождение социального строя связано с существованием труда рабского, в лучшем случае—крепостничества. Но мы видим затем, как везде люди отказываются отдавать себя в оковы. Происходит переход к началу свободного соглашения труда с капиталом. Правда, свобода соглашения не устраняет экономической зависимости: остается эксплоатация на основах экономического преобладания. Но трудящиеся организуются, они защищают свои права, интересы, и самые последние достижения в этой области свидетельствуют о том, что при правильной организации трудящиеся начинают добиваться участия в управлении предприятиями (рабочие советы). В связи с этим происходят политические завоевания, вплоть до рабочего правительства,—все это результаты организации труда, и в этой области, несомненно, намечается известная эволюция, проникнутая идеей раскрепощения человеческой личности.

В семье, в семейном быте, почти всегда начинается с того, что тот, кто является главою семьи, имеет безграничную, беспредельную власть; дальше развитие семейных отношений у всех народов свидетельствует о том, что и при отсутствии безграничной власти главы семьи семейные узы поддерживаются уважением к старшим, узами крови, так что те, кто находится под

[30]) *См. Проф. Л. И. Петражицкий*, Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов т. I. Спб. 1911 г. стр. 16—20, где попутно приводятся иллюстрации этического прогресса.

властью родителей, эмансипируются. На страницах новейших законодательных кодексов мы видим дальнейший прогресс, по сравнению с римским правом: родительская власть совершенно видоизменяется. Если отец ведет такой образ жизни, что может повести детей по неправильному пути, и осуществление им власти будет не в интересах тех, во имя которых она устанавливается, то он может быть лишен своей власти.

Возьмем далее область долговых отношений. Тот, кто не исполнит своего долга, приняв на себя обязательство, тот в старину должен был ожидать кабалы, а по законам XII таблиц—даже того, что его убьют „si plus, minusque secuerunt, se fraude esto". От начала личной ответственности за долги, от физического воздействия на личность должника—происходит затем последовательный переход к тому, что ответственность личная заменяется ответственностью имущественного характера. Современное законодательство устанавливает границы ответственности. Оно говорит, что нельзя лишить человека средств для дальнейшего существования: ему нужно оставить то, чем он может жить.

Легко было бы привести чрезвычайно убедительные примеры из области уголовного права, которое указывает, что человечество от самых суровых, жестоких мер воздействия переходит к более гуманным наказаниям. В древности кара за проступки члена семьи нередко распространялась на всю семью, а иногда кара за дела одного или нескольких членов общины на всю общину. Впоследствии это было запрещено. В Китае еще до 1905 г. существовало правило о наказании вместе с виновным его нисходящих и восходящих и, хотя убеждение в справедливости этого принципа пустило глубокие корни, все-же и здесь произошла отмена этого правила[31]).

В самое последнее время нередко пользовалась большим успехом идея социальной гигиены: не наказывать, а лечить преступников. Муссолини высказался о современных уголовных кодексах, что они больше заботятся о преступниках, чем о государстве и обществе, но это, несомненно, этическое завоевание человечества.

Если остановиться на международных отношениях, то принцип „человек человеку волк" является mutatis mutandis одним из наиболее твердых сохранивших свое значение принципов международных отношений. „Государство государству—волк"—так было до последнего времени. Но и тут мы видим известную эволюцию, видим изменения. В прошлом сильные государства стремились покорить другие. В настоящее время государства стремятся входить в соглашения между собою,—соглашения,

31) См. *Г. К. Гинс* „Этические проблемы Китая" Хрб, 1927 г. стр. 23

которые устанавливают равновесие, поддерживают мир солидарностью группы государств, заключающих союзы. Будущий путь мировой истории освещается маяком международной солидарности—Лига Наций уже является маяком, который указывает, куда пойдет история дальше.

3. Не остается без изменения и нравственность. История и этнография дают много разительных материалов по этому вопросу. Идеалу северо-американского дикаря, который считает высшею доблестью добыть возможно больше скальпов, можно противопоставить непротивление злу и отвращение к кровопролитию, доходящее до отказа от выполнения воинской повинности. Убивание немощных родителей, больных и стариков и истребление нежизнеспособных детей оказывается величайшим грехом и сменяется долгом содержать старых и больных, поддерживать их жизнь и исполнять их желания. Культу физической любви противопоставляется воздержание и девственность; в то время как сейчас на любовную связь девушки смотрят, как на падение и грех, этнография описывает нравы, когда оказывался особый почет девушкам, имевшим наибольшее число любовников.

Нравственность Евангелия и нравственность ветхозаветная представляют резкий контраст, свидетельствующий о глубоком изменении этических начал. Учение Евангелия о терпении зла излагается в нагорной проповеди в качестве противоположения прежним заповедям, предписывавшим месть; там же дальнейшие положения о любовном отношении к врагам противопоставляются прежним заповедям, предписывавшим ненавидеть врагов (Ев. Матв., 5, 38, 43).

Проф. Л. И. Петражицкий делает ряд интересных сопоставлений, для дальнейшей иллюстрации развития нравственных идей[32]).

„Обязанности ненавидеть врагов в международном, междуродовом и междуиндивидуальном смысле, вредить им всячески, преследовать и истреблять их без всякого снисхождения и компромиссов—составляют,—говорит он,—основы, а во всяком случае весьма важный элемент нравственности у всех народов на известной ступени развития. С точки зрения этих одиозных начал и связанных с ними обязанностей и добродетелей (храбрости, хитрости, неумолимости, даже жестокости вообще) происходит на этих ступенях развития этическая оценка людей (ср. напр., Гомера). Противоположное направление поведения и свойства характера, напр., мягкое и снисходительное отношение

[32]) *Проф. Петражицкий* Теория права, т. II, стр. 439 сл. Ср. *Шершеневич*, Общая теория Права стр. 171—172.

к врагам, готовность к компромиссам с ними, недостаток воинственности, драчливости, храбрости—признаются самыми дурными пороками. Еще в библии, памятнике сравнительно высокой культуры, компромиссы с врагами, пощада их жизни и т. д. считаются тяжелыми прегрешениями (ср., напр., историю Саула и т. д.). Еще Платон, признаваемый великим философом-идеалистом наиболее культурного народа древности, приписывал гражданам-воинам своего идеального, утопического государства добродетель, которою отличаются злые собаки. „Варвары", т. е. все люди, за исключением небольшого греческого племени, представляются ему природными врагами, к которым следует относиться без всякого снисхождения и пощады. Недостаток воинственности и храбрости влечет за собою изгнание из идеального государства Платона; величайшие награды и почести при жизни и после смерти заслуживаются храбростью по отношению к врагам. Сообразно с этим устроено и воспитание, дети приучаются к картинам массовых убийств, сражений и т. д. И теперь еще среди т. н. цивилизованных народов, не говоря уже о варварах и дикарях в тесном смысле, несмотря на внешнее исповедание христианского учения, проявления подобной этики по отношению к людям иной национальности, религии и т. д, далеко не чужды некоторым, нравственно менее культурным элементам общества. Очищение фактической морали от одиозных элементов по отношению к чужим еще дело и задача будущей культуры".

4. Приведенные примеры указывают, что если в области социальной нельзя устроить такого наглядного музея, как в области техники, то, тем не менее, даже не закрывая глаз для усиленной работы воображения, останавливая внимание на приведенных фактах, можно видеть, что этический прогресс существует. Он заключается в постепенном скреплении и распространении правового начала, в устранении насилия, в предоставлении человеку все большей свободы и все больших прав, в смягчении кар и морализации поведения людей.

Все это происходит с перерывами, с отклонениями, иногда с возвращением вспять. Движение прогресса иногда происходит зигзагами, иногда спиралью, то подымаясь, то опускаясь, но в конечном итоге восходя все-же вверх.

Многие культурные государства исчезали. Другим, пришедшим на смену, приходилось начинать вновь, но если оставались какие-либо следы прошлого, они жадно воспринимались — и тогда процесс движения культуры в раньше намеченном направлении сокращался за счет чужого опыта. Нередко в новом историческом опыте, под влиянием своеобразных условий, по-

лучались и новые достижения. Мрачна эпоха средневековья. Но она принесла с крестовыми походами первый опыт солидарности народов и совместных действий для достижения общей и, при том, не материалистической цели.

Периоды реакции и застоя, а иногда катастрофы оказывают гибельное влияние на прогресс, заставляют иногда человечество спуститься на много ступеней вниз. Каждый раз, когда наступают великие потрясения в человеческой жизни, начинает падать и вера в прогресс. Такого рода утрата веры в прогресс имела место после французской революции. Тем не менее, в 19 веке идея прогресса опять оживает: намечается эволюция человеческой культуры, вновь появляются утопии.

5. Нельзя, наконец, не отметить и такие поразительные явления, как длительную приостановку прогресса в странах большой культуры, застывшие неподвижные цивилизациии, чуждающиеся освежающих влияний. Такова, напр., историческая загадка Китая, символизирующаяся его „великою стеною".

Разгадать тайну этих культурных окаменелостей нелегко. В качестве материала для размышления на эту тему мы полагаем полезным привести следующие данные. Китай является одною из древнейших стран высокой и стойкой культуры, которая подчинила своему влиянию все тесно соприкасавшиеся с ним народы. Китай занял пространство земель исключительно плодородных и богатых всеми дарами природы. Его окружали пространства скудные и народы бедные и некультурные. Китай не нуждался во внешнем мире, он был вынужден даже отгородиться от наименее культурного соседства (Великая стена) [33]). Под влиянием этого вырабатывается особая психология не только национальной замкнутости, но и консервативности бытового уклада. Этика, наиболее отвечающая потребностям такого народа, этика консервативная. Правовая психология, движимая идеею справедливости, заключает в себе бродильное начало; она является пружиною постоянной подвижности, характеризует культуру динамическую. Для устойчивости же быта важно почитание старины, соблюдение обрядов и традиций. Как раз такова психология Китая [34]).

Если исходить из того, что существует социальный закон приспособления, подобно закону органического приспособления, то следует применять тот же метод исследованья причин возникновения к. л. социального явления, какой применяют дарвинисты. Почему окраска данного животного зеленая? потому

[33]) По объяснению проф. *Кюнера* (Лекции по истории Китая. Владив.), Великая Стена ограждала от северных варваров торговый путь на Запад.

[34]) См. характеристику особенностей китайской этики и сопоставление ее с европейской в *нашем* этюде „Этические проблемы современного Китая" Хрб, 1927 г.

что она делает его незаметным для опасных хищников и, наоборот, облегчает нападение и охоту за добычею. Так можно спросить, почему у данного народа выработалась психология, способствующая неподвижности культуры? Почему, такая психология остается неизменною, несмотря на то, что она препятствует прогрессу? Потому, можно ответить, что она лучше всего предохраняет от проникновения в страну иноземных элементов, которые, по исторически сложившейся обстановке, принесли бы с собою варварство. Потому, затем, что страна могла жить замкнутым хозяйством, будучи обеспечена всем необходимым и являясь хозяйственно независимою. Потому, наконец, что иная психология, в условиях избытка населения, неизбежно повела бы к внутреннему расслоению и экспансии, к выходу за стену и, следовательно, парализовала бы естественно сложившуюся, благодаря обособленности культурных районов (оазисов), и исторически укрепившуюся изоляцию. Попытки и опыты изменить сложившийся уклад в Китае происходили не раз[35]), но последствия их заставляли возвращаться к выработанной тысячелетиями культуре замкнутого народа, ищущего спасения своей культуры в изолированности и неподвижности. Положение это может измениться, лишь после того как вокруг подобного государства окажутся культурные и сильные соседи, которые к тому же принесут с собою новые прогрессивные способы хозяйства, или когда техника сообщений одолеет силу пространств.

Подобная гипотеза заставляет подумать о других народах востока, занимавших плодородные долины рек и, благодаря естественным преградам (горам, пескам и морям), надолго обособлявшихся в своем историческом развитии от менее культурных и более бедных народов. Подтверждает ли их история и форма их социальной культуры наше предположение? Не прибегая к обстоятельной проверке, мы не видим, однако, явных противопоказующих фактов и потому полагаем, что гипотеза наша, оставаясь только гипотезою, имеет, однако, право быть поставленною в ряд с другими преимущественно материалистическими и односторонними (аграрный вопрос, внутренние войны, избыточное население и др.), объяснениями хода китайской истории. Социальные явления нельзя объяснять, не учитывая особенностей социальной психологии разных народов и, в частности, востока и запада.

Естественно, что не всегда и не везде прогресс был идолом,

35) Ср. главу II указанной *нашей* работы, характеризующую учения китайских легистов, на основании труда Leang K'i—Tch'Ao „La conception de la loi et les theories des legistes a la veille de Tsin". Pekin. 1926 г.

но в психологии современного европейца идея прогресса настолько укрепилась, что ее уже трудно вырвать безболезненно.

Чем же объяснить это? В этом в значительной степени сказывается особенность психологии западной культуры, противоположной культуре востока. Сказать современному европейцу: „все кончено", это значит воцарить в его душе трагический мрак; человеку же востока можно сказать, что все кончено, совершенно его не взволновав. Наоборот, можно напугать его, сказав, что существует прогресс, так как восток склонен к известной неподвижности. Он видит счастье в покое, ищет забытья, которого мы так боимся. Мы обращаем ночь в день, боимся сумерек. Когда говорят о закате, о сумерках культуры. нас начинает охватывать трагический ужас, кажется что действительно „все кончено". Есть известная психологическая потребность, заложенная в духе культуры, которая заставляет думать и верить, что перед человеком открываются дальнейшие перспективы. В каждом отдельном человеке заложен инстинкт жизни, который толкает его к исканию лучшего. Один человек борется с другим. В их общих интересах—централизовать, соединить свои усилия, чтобы улучшить условия жизни. Но это возможно лишь при условии улучшения этических взаимоотношений. Этот инстинкт, который заставляет и отдельных людей, и человеческое общество направлять их усилия к улучшению жизни,— является залогом того, что прогресс должен быть. Пользуясь данным ему разумом, человек завоевывает природу, достигает этического совершенства. Нет в этом достижении непрерывности, есть ошибки, заблуждения, возвращение назад—реакция, но, тем не менее, каждый раз, чтобы завоевать новые улучшения в жизни, люди опять возвращаются на прерванный путь.

7. Выгодность для человека технических изобретений, повышающих материальное благосостояние его, также ясна и наглядна, как и технический прогресс. Но можно ли сказать то же и об этическом прогрессе? Какие выгоды извлекает человек из того, что в общественной жизни укрепляется правовое начало или что одну систему права сменяет другая, что изменяются принципы нравственности или мера взыскания становится гуманнее? Ответ на этот вопрос дает история. Она свидетельствует о том, что те государства, которые не сумели достичь достаточного уровня правовой культуры, оказывались всегда слабее и менее жизнеспособными чем прочие. Она показывает, что и экономическое процветание страны предполагает внутренний порядок, обеспечивающий каждому свое (suum cuique). Не только граждане других стран, но и коренные жители не рискуют вклады-

вать свои средства и энергию в предприятия, если в стране не гарантирована законность.

Даже дикари очень скоро сознают преимущества правового порядка. Известен ответ дикаря: „хорошо, если я украду чужую жену, но плохо если у меня украдут мою". Вопрос решается здесь соотношением сил, но так как подобное решение вопроса всегда рискованно, ибо заранее определить, на чьей стороне окажется преобладание, трудно, то предпочтительнее, чтобы каждый остался при своем. Так постепенно вырабатываются этические принципы: не убий, не укради, не пожелай жены ближнего своего и т. д. Жизненная необходимость заставляет принять их и подчиниться, и законодателю остается, затем, облечь их в соответствующие жизненным условиям формы.

Жестокость наказаний не нужна, если повиновение порядку обеспечено и без нее. Между тем, жестокость власти вызывает огрубение нравов. Подобная обстановка неблагоприятна для развития духовной культуры, которая нужна для повышения интеллигентности населения страны, достигшей высокого уровня культуры материальной. Стране же, которая имеет шансы стать передовою, вести за собою другие народы, гораздо легче достичь этого при помощи обаяния высокой духовной культуры.

Смягчение нравов сопровождается установлением более высоких нравственных принципов, а они (пример—христианство), в свою очередь, влияют на эволюцию права.

Таким образом, то, что мы называем прогрессом права, так же необходимо и полезно человеческому обществу, как и прогресс технический и материальный.

Право создает в людях сознание обеспеченности установившегося порядка. Сознавая эту обеспеченность, люди спокойно обладают тем, что право предоставляет в их исключительное обладание. Они знают, что им принадлежит продукт их труда, что им отведена известная область для свободной деятельности и что эта свобода тоже ограждена, гарантирована. В этом состоянии уверенности за свое право, за то, что в отведенной им области они являются полными хозяевами, люди развивают в себе максимальную энергию, которая усиливается тем, что другие пользуются такою же свободою и на этой почве в человеческом обществе создается живая конкуренция, которая способствует накоплению и напряжению энергии каждым отдельным человеком. В такой обстановке складывается народное хозяйство. Каждый отдельный хозяйствующий субъект вносит свою долю в общее хозяйство. Работая на себя, он увеличивает и долю народного хозяйства. И, таким образом, право, создавая

обеспеченный порядок, гарантируя каждому свободу деятельности в известной экономической области, способствует накоплению народного богатства[36]). Но, конечно, развивать предприимчивость, усиливать и создавать конкуренцию—не единственная задача права. Другая его задача—развивать в человеке стремление работать на общее благо, считаться с общими интересами. Право разрешает и эту задачу. Наряду с правом, которое имеет своею основною идеею предоставление свободы действий каждому отдельному человеку, существует право публичное, характерною особенностью которого является подчинение всех идее публичного служения.

Это публичное право необходимо для ограждения общественных интересов, для поддержания той организации, которая обеспечивает внешнее и внутреннее спокойствие.

Таким образом, системы частного и публичного права дополняют одна другую и устанавливают тот порядок, который отвечает интересам отдельных лиц и общества в целом. Изменение этих систем соответствует изменению потребностей времени и условий жизни. Не всякое изменение можно назвать улучшением, но на протяжении веков проявляются основные тенденции: раскрепощения личности, расширения гражданских прав, демократизации государства. Осуществление этих тенденций означает этический прогресс.

8. История права всех времен и народов не оставляет никаких сомнений, что какие бы отклонения и перерывы ни наблюдались в процессе этического совершенствованья, все же процесс этот на большом пространстве времени принимает одни и те же формы: смягчения этики, раскрепощения личности, укрепления начал свободы и равенства в государстве. Из сказанного видно, что эта тенденция объясняется потребностями общежития. Самая же последовательность степеней этического прогресса означает необходимость предварительного воспитания общественной психологии в духе определенной системы этических норм, которая подготовляет переход на следующую ступень.

Каким же образом происходит этот процесс, какие пружины им управляют?

Мы уже упоминали о плодотворной идее приспособления. Но идея эта, заимствованная из биологии, требует разработки применительно к индивидуальной и общественной психологии, в соответствии с психологическою природою права и нравственности. Основы соответствующей теории намечены проф. Л. И.

[36]) *Л. И. Петражицкий* „Теория права и государства" - т. I. -стр. 152, т. II стр. 690-712.

Петражицким, который указал, как происходит индивидуально-эмоциональное и социально-эмоциональное приспособление, определяющие перемены этических принципов и общественного порядка.

Основная идея Л. И. Петражицкого имеет некоторую близость к Дарвинистической теории. В то время, как эта теория учит о том, что все неприспособленные к создавшимся условиям должны погибнуть, что коса смерти сносит все то, что не приспособлено к новым биологическим условиям, у Л. И. Петражицкого[37]) идея приспособления, устраняя, соответственно психологической природе явлений, жестокую косу смерти, построена на том, что человек может чувствовать себя нормальным членом общества, сожительство с которым не представляет неудобства для других и которое представляет ему самому максимум удобств,—лишь психологически приспособляясь к существующим условиям.

Процесс индивидуально-эмоционального приспособления заключается, таким образом, в том, что у каждого индивида вырабатываются антипатии и предубеждения против того, что причиняло ему зло в жизни. Наоборот, то, с чем связаны выгоды, благополучие, удачи вызывает у него симпатии и предрасположения. Конечно, не исключена возможность, что на этой почве у отдельных индивидов явится предрасположение к плохим, с точки зрения других, поступкам: обманам, взяточничеству, краже, но такие поступки создают дурную славу и вызывают большею частью негодование и надлежащее воздействие, месть, разоблачения, преследование со стороны пострадавших, так что дурные поступки в конце концов редко проходят безнаказанно и большинство предпочитает действовать иными способами.

Правда, в периоды морального гниения и упадка, противодействие дурным поступкам ослабляется, честные люди слывут Дон-Кихотами, непрактичными и наивными, взяточники и лжецы, наоборот, процветают, на поддержку им пускается в ход поговорка: „кто не берет, тот глуп“ и т. п. Последствия такого морального упадка бывают плачевные и иногда надолго отравляют общественную атмосферу, содействуя нездоровым явлениям. Но тогда все начинают страдать и все сохранившиеся здоровые силы с повышенною энергиею подымаются на борьбу со злом.

В нормальных условиях выгоднее действовать честно, добросовестно, и индивидуально-эмоциональное приспособление создает предрасположения именно к такому способу действий.

37). О. с. т. II § 51 особ. стр. 754—758.

Но людей великое множество и психология их неодинакова. Между тем, общественная жизнь немыслима, если не существует единства принципов. Это единство достигается с помощью психического взаимозаражения. Настроения и мысли передаются от одного к другому. Складывается одинаковая классовая или групповая психология. В маленьком масштабе это можно, например, наблюдать на психологии офицеров одного и того же полка, который имеет свои традиции и не считает возможным отступать от них; в более широком—на возникновении психологии рыцарства, дворянства, пролетариата, нации. В группе, касте, классе, нации создается одинаковая психология, которая воспитывает всех, кто попадает в сферу ее влияния. Создается таким образом новая социальная психология и особое „социально-эмоциональное" приспособление.

Здесь речь идет о видоизменении уже групповой психологии, на почве внутренних и внешних взаимодействий.

Подобно тому как организм приспособляется к новым условиям, так и в человеческой психике на почве индивидуально-эмоционального и социально-эмоционального приспособления вырабатываются такие мотивации, которые наиболее приспособлены для улучшения жизни в данном обществе. Если личная психология приспособляется к тем условиям, при которых достигается наибольшее количество благ, то и все общество, в котором этот человек живет, тоже пользуется результатами этого приспособления для достижения максимума экономических и этических благ. Вот чем объясняется, что если с птичьего полета посмотреть на человеческую жизнь, то мы замечаем, что человечество все более совершенствуется в разного рода областях, а эпохи упадка составляют временное отклонение. Совершенствование цивилизации и культуры, которое носит название прогресса, этого идола нашего века, объясняется психологическим приспособлением, вырабатывающим навыки, которые способствуют усовершенствованию общественной жизни. Изучение этих процессов приспособления и открытие их законов даст возможность человеку направлять дальнейшее развитие человеческого общества, помогать и ускорять его совершенствование.

9. Вырабатываются, как говорит проф. Петражицкий, „эмоциональные равнодействующие". На основе массы фактов и массового общения складываются некоторые „средние оценки", ниже тех, которые применяют наиболее выдающиеся этически индивиды, но выше худших. Эти средние оценки и равнодействующие не одинаковы в различных группах. Поэтому говорят о людях высшей и нисшей среды, высших и нисших

классах общества. Между различными группами нередко происходит разлад и борьба, но в конце концов все, что вредно данному обществу, вытесняется более годным. Получаются „процессы, аналогичные борьбе за существование и естественному отбору", но только вместо косы смерти действуют психологические настроения в пользу или во вред того или другого поведения. Эмоциональные настроения в пользу социально полезных действий и во вред социально нежелательным побеждают, и этим обеспечивается бессознательно достигаемое совершенствование—социальный прогресс.

Возможность передачи мысли на расстояние, социальное заражение при посредстве печатного слова, наконец передача приобретенных уже эмоциональных влечений по наследству и воспитанием содействуют тому, что накопленный веками психологический капитал не расточается, а увеличивается и обогащается. Уровень культуры, т. е. „эмоциональные равнодействующие" и „средние оценки", если и понижаются временами, то не надолго и с шансами восстановления и даже дальнейшего повышения.

Расширение сферы взаимодействия, в связи с законами подражания и заимствованья, в свою очередь благотворно влияет на ход прогресса, хотя и может вызывать порою отрицательные последствия, проистекающие из чисто внешнего восприятия чужой культуры, без предварительной психологической подготовки к ней.

Таким образом, в пользу прогресса действуют удивительные психологические пружины, не человеком выдуманные, а созданные бессознательным, но гениальным по своему действию процессом приспособления. Отдельный человек приспособляется к жизни в обществе, а взаимодействие людей создает господствующие настроения, некоторые равнодействующие, обеспечивающие социальную гармонию. Жизненный инстинкт, искание лучшего, наглядные выгоды общественного строя, в котором господствует добропорядочность, и предостерегающие примеры разложения и упадка, неизбежно сопровождающих деморализацию и господство злостных настроений, обеспечивают конечное торжество прогресса. Социально-психологический отбор проявляет себя постепенным вытеснением дурных этических склонностей в пользу укрепления права и усвоения высших требований нравственности.

ГЛАВА XIV.

ПРАВО, КАК ФАКТОР ПРОГРЕССА.

1. Влияние права на поведение людей (причинное действие права). 2. Правовая педагогика. 3. Воспитание гражданского характера. 4. Политика права и ее очередные задачи. 5. Необходимость укрепления солидаризма и возможные нововведения в законодательстве. 6. Преодоление пессимизма. 7. Силы, влияющие на социальный прогресс, наряду с правом. 8. Право и нравственность, как главные факторы этического прогресса.

1. Правовая психология, как и все прочие социальные явления,—продукт бессознательно совершающегося приспособления и прогресса, но в то же время она оказывает влияние на дальнейший прогресс.

Если культурный уровень соответствует некоторым средним оценкам, то значительная часть населения должна подняться до этого уровня. Действующее право не только поддерживает установившийся порядок, но и приучает к поведению, которое соответствует требованиям права.

О том, как действует право на общественное поведение, можно судить по нескольким примерам.

Допустим, что издан закон, в силу которого все имеющие золото должны сдать его; те лица, которые скрывают золото будут подвергаться наказанию; те, кто найдет и донесет, получит от власти награду. Конечно, все, обладающие богатством, будут изощрять свой ум, чтобы скрыть хоть часть ценностей, а все те, кто не имеет золота, но имеет надежду получить награду за открытие, будут искать чужое добро, прилагая все меры к тому, чтобы найти, будут шпионить, высматривать, выманивать признание. От этого получается, с одной стороны, искусственное уменьшение народных ценностей и накопление богатств, с другой стороны,—несомненная деморализация.

Представим себе, что издается закон, в силу которого дома перестают быть собственностью тех, кому они принадлежали, но бывшие владельцы обязываются поддерживать эти дома. Последствием будет то, что, вместо увеличения числа жилищ, и те, кто имели дома, будут стараться отделаться от неприятной связи с ними. Наступит разрушение имеющихся ценностей.

Представим, что закон устанавливает чрезвычайно мягкие наказания для конокрадов. Что из этого произойдет? Конокрадство является одним из самых тяжелых преступлений в крестьянском быту. Естественно, легкое наказание не будет давать

морального удовлетворения, которое может заставить отказаться от самосуда, от жестокой расправы и передать преступника на суд власти. Наступит деморализация, которой раньше не было. Вместо легкого наказания, установленного законом, преступника постигнет расправа зверского самосуда.

Так можно целым рядом примеров показать, что законы оказывают влияние и на накопление или растрату ценностей, и на улучшение или ухудшение человеческой этики.

Возьмем, например, наиболее широкую, подвижную отрасль права,—право гражданское[38]). Оно устанавливает институт собственности, которую называют священной, так как значение ее настолько велико, что от прочности прав собственности зависит и прочность общественного порядка. Установлена ли собственность в интересах общественных, или в интересах отдельных обладателей—это безразлично. Важно то, какие социально-экономические условия она создает. Если человеку обеспечить весь прирост ценностей, которые имеются в его руках, то он развивает наибольшую энергию, чтобы достигнуть того, что отвечает его внутренним силам и потребностям,—инстинкту жизни, инстинкту накопления, увеличения богатств. Собственность, открывая перспективы накопления, усиливает энергию, возбуждает предприимчивость и в результате все народное хозяйство выигрывает, народ богатеет.

Рядом с собственностью стоит другое начало—свобода соглашений. Она открывает собственнику возможность распоряжаться имуществом, каждому отдельному лицу располагать своим трудом и доходами. Но, может быть это опасно? Не нужно ли государству вмешиваться в соглашения отдельных лиц. Быть может, благодаря свободе договоров, тот, кто более ловок и умен, сумеет эксплоатировать не столь ловкого и осторожного. Если это так, то предоставление имущества в полное обладание хозяев и, следовательно, полной свободы распоряжаться правами заставляет учиться осторожности. Нельзя дать опекунов всем собственникам. Свобода договоров должна стоять рядом с началом собственности. Они самым тесным образом связаны друг с другом и готовят самостоятельных энергичных людей.

Не является искусственно связанным с другими институтами гражданского права и семейный строй. Начало семьи теснейшим образом связано с единоличной собственностью. Заботы о всех членах семьи должны быть возложены на голову семьи, иначе члены семьи должны будут подлежать опеке общества, а в этом случае к нему должно перейти и имущество. Если-б

[38]) Выяснение культурного значения гражданского права составляет одну из выдающихся заслуг проф. *Петражицкого* См. особ. его Теорию Права т. II стр. 688-712.

государство приняло на себя обязанности воспитания детей и призрения больных и старых, то естественно оно должно было бы получить и соответствующие имущества. При существовании же собственности, каждый несет обязанность попечения о малолетних, старых и больных членах семьи. Это смягчает эгоистическую психологию собственности и, сверх того, семейные обязанности заставляют каждого человека думать о будущем, накоплять имущество, обеспечивать доходность и, таким образом, достигается не только благополучие отдельных лиц; но и увеличение народного богатства.

Рядом с семейным правом стоит институт наследования. Если собственность связывается с семьей, то необходимо обеспечить собственнику свободу распоряжения имуществом не только при жизни, но и на случай смерти, не только во имя того, кто является собственником, но и во имя тех членов семьи, которые являются наследниками. И этот институт гражданского права теснейшим образом связан с другими институтами. Собственность способствует накоплению, семейные связи и наследование—сбережению. Мы видим, таким образом, что все эти институты гражданского права составляют как-бы огромный механизм, который идеально управляет народным хозяйством, способствуя его процветанию. Можно ли после этого говорить, что гражданское право создано в частных интересах.

Огромное влияние на развитие народа оказывает и государственное право. Каждый раз, когда государство, уступая напору новых сил, расширяет круг лиц активно участвующих в его жизни, оно поступает так, как страны, в которых проводят новую линию железной дороги в незаселенных и неразработанных местностях. И в одном и в другом случае пробуждаются к жизни дремлющие силы. Новые люди, которые привлекаются к участию в политической жизни, являются носителями известных ценностей, нетронутых богатств, они явятся новыми кадрами политических деятелей, вложат в государственную деятельность новую душу. Всякая государственная власть, которая во-время дает права, поступает мудро. Их надо давать ни раньше, ни позже. Нельзя давать их тем, кто не подготовлен к активному участию в политической жизни, нельзя опаздывать, иначе многие будут уже достаточно озлоблены и свою активность направят не в сторону мирного творчества, а в сторону революции.

В настоящее время часто и много критикуют парламентаризм. Он имеет много недостатков, но есть в нем одна положительная сторона, которую нельзя забывать. Система парламентаризма воспитывает дисциплину в партиях, при этой сис-

теме каждая партия может рассчитывать достигнуть власти, она старается тесно сомкнуться, чтобы довести до конца те стремления, которые партия проводит в жизнь, чтобы добившись доверия и признания, получить возможность оказать свое влияние на ход государственных дел. Разве не является неоценимой выгодой то положение, при котором государство переживает передачу власти мирно, без революций, правовым путем? Каждая партия готовится принять власть,—уже этим самым она приучается к ответственной политической деятельности, она не будет давать тех обещаний, которых не может исполнить, будет обдумывать каждый шаг. Только тогда, когда нет надежды получить власть, являются демагоги, увлекающие толпу и ведущие ее к безумным действиям.

Можно было-бы привести еще много примеров, но достаточно и того, что сказано, чтобы доказать, что право является могущественным средством воздействия на народное хозяйство и общественную жизнь.

2. Право есть средство народного воспитания[39]). Методы социальной педагогики пока еще недостаточно разработаны, но сущность их ясна. Что, если воспитатель с детства заставляет ребенка считаться только с одними требованиями, заставляет его беспрекословно исполнять все то, что говорят старшие. Какого гражданина подготовит такой воспитатель? Конечно, такого, у которого будет холопья, рабская душа. Если он не озлобится, то станет человеком, который будет склонять спину перед каждым, кто имеет власть. Если же педагог будет с детства приучать ребенка к тому, что у него есть права, не слишком расширяя круг их, пока детское сознание неспособно еще их воспринимать, а лишь постепенно подготовляя соответствующий кругозор, воспитывая сознание и обязанностей, и прав,—то этот ребенок будет воспитан, как настоящий гражданин.

3. Можно воспитать народ рабов и народ граждан. Подобно тому как в Риме с гордостью говорили: „я—римский гражданин", будут это говорить граждане государства, не только несущие обязанности, но и имеющие права;—государства, где они не холопы, но имеют права, которые государство защищает. Каких же людей должно государство воспитывать? Если, действительно, путем правового воздействия на народную психологию можно воспитать подходящих людей, то, конечно, все усилия должны быть направлены на это. Это тема для науки будущего.

Часто государственный деятель обнаруживает способность,

39) Ср. доклад *Mackenzie*, L'education morole en vue du progrés social, прочитанный на конгрессе в Риме (прим. l). Научное обоснование правовой педагогики принадлежит проф. *Петражицкому*. Теория Права I, § 7.

которой нет у других,—не только понять задачи момента, но и предвидеть. Такой государственный деятель достиг бы вдвое большего, если-б он знал, как подготовить восприятие будущего.

Подобно тому, как первый строитель храма с куполами с тревогой ждет момента, когда станут снимать леса, не обрушится ли здание, как изобретатель летательного аппарата ждал того момента, когда поднимается аппарат: полетит он или упадет,—так реформатор, который приступает к изменению государственного правового строя, при отсутствии исторического опыта, с волнением ждет результатов своих мер. Многие государственные деятели обладают гением предвиденья, но и они все-же должны работать, не выходя за границы момента, личностей, национальности,—словом, замыкаясь в свою эпоху. Тому, кто призван указывать пути человеческой культуры, должно смотреть гораздо дальше. Он призван воспитывать целые поколения. Он должен подыматься над горизонтами своей эпохи. Это задача не реформаторов, а ученых.

4. На помощь практическим политикам должна придти наука[40]), которую проф. Петражицкий предложил назвать политикою права.

Наука эта возможна лишь при условии изучения правовой психологии и при знании того влияния, которое оказывает право на поведение людей. На основе этих знаний могут быть установлены методы правовой психологии и можно определять, какие правовые нормы и какие способы воздействия необходимы для того, чтобы содействовать укреплению желательного режима или приближению нового порядка.

Награда и наказание—два могущественных средства дополнительного воздействия, которыми обладает правовой аппарат, с помощью которых можно воспитывать желательные мотивации и устранять или ослаблять нежелательные[41]).

Для успеха правовой педагогики необходимо прежде всего установить основную тенденцию развития права и его ближайшие этапы. Так, напр., при современном уровне индивидуальной и социальной психологии, всякая попытка осуществления социализма неизбежно приведет к тяжелому гнету. Индивидуализм воспитал эгоистическую психологию. Заботы о семье и о близких в лучшем случае несколько корректируют эгоистическую психологию, но семья слишком близка своим интересам, чтобы коррективы эти могли существенно изменять психологию,

[40]) См. *Г. К. Гинс* „Обоснование политики права в трудах проф. Л. И. Петражицкого“ Хрб. 1928 г.

[41]) Более подробное изложение учения проф. Петражицкого о педагогическом действии права будет дано нами в подготовляемой к печати книге „Основные вопросы права и государства“ (лекции по теории права).

направляя ее в сторону общего блага. Поэтому переход к социализму предполагает психологический прыжок на слишком значительную дистанцию. Возможность благополучно совершить такой прыжок вызывает сериозные сомнения. Работать, подчиняясь директивам власти, без возможности присвоить себе выгоды и располагать результатами, всегда и во всем руководствоваться общим интересом вместо своего—на это способны лишь люди очень высокого культурного уровня.

Совсем иное-солидаризм. Здесь нет радикальной ломки[42]). Сохраняются все основы существующего порядка: частная собственность, конкуренция, наследование. Изменяются главным образом методы работы. Деятельность одного человека теснее связывается с деятельностью другого. Изменяются и условия деятельности: вместо самостоятельной защиты своих интересов—коллективная, вместо борьбы—согласование.

Эти небольшие на первый взгляд изменения способны, однако, перевоспитать психологию, подняв ее на высоту социального сознания. Солидаризм ведет к новым достижениям культуры. Он укрепляет сознание, что вне общества не может быть значительных успехов и что для собственной выгоды необходимо согласовать свои интересы с общими.

Бессознательное приспособление уже само привело к солидаризму. Трудовое право, водное право, кооперация—не выдумка и не искусственное творение. Понимание потребностей нашего времени должно вложить теперь руководящую идею в правнополитическую деятельность, дать ей определенное направление. Политика права, для того чтобы не остаться только теоретическою идеею, должна помочь сознательному и систематическому проведению в жизнь идей солидаризма, как наиболее жизненных из передовых идей нашего времени.

Действующие кодексы могут быть перестроены. После революции 1789 г. на первое место выдвигались неотъемлемые права личности и „священное“ право собственности. Теперь права граждан в отношении к обществу и государству должны быть поставлены рядом с обязанностями их. Наряду с „декла-

42) На конгрессе в Риме (см. прим. I) *M. Novikoff* в докладе L'essence du progrès характеризовал сущность прогресса, как установление равновесия (equilibre), иллюстрируя эту идею на примере международных отношений, положении женщины в семье и др. Здесь есть нечто и от солидаризма и от социальной гармонии, под которой мы разумеем (см. *Г. К. Гинс* „Право и сила“ Гл. III) такое соотношение между активным и пассивным началом, которое при данных условиях наиболее удовлетворяет потребности в свободной деятельности, с одной стороны, и общим интересам—с другой. На том же конгрессе *М. Ковалевский* (Le progrès politique) связывал прогресс с экономическою эволюциею и развитием солидарности (ср Annales т. XIV p. 238), а *Buisson*—Note sur le progrès politique—указывал, что прогресс создает гармонию личности и коллектива (там же p. p. 244).

рацией прав человека и гражданина" нужна „декларация прав и обязанностей государства"[43]).

В гражданских кодексах по прежнему должна доминировать собственность. Но, в соответствии с глубоко уже проникшим сознанием, что собственность охраняется в виду ее социального значения, необходимо развить принцип недопустимости злоупотребления правом. Этот неопределенный пока принцип получает более ясное содержание, если под злоупотреблением разуметь намеренное использование прав вопреки их социальному назначению, с причинением вреда другим лицам. Следовательно, гражданские кодексы нашего времени должны выяснить социальное назначение частных имущественных прав и не допускать их сознательного извращения во вред другим лицам.

На ряду с этим, в гражданских кодексах должны быть особо выделены все ограничения собственности, устанавливаемые в целях солидаризации интересов.

Представления о предметах собственности не должны ограничиваться землями и домами. Собственность на торгово—промышленные предприятия занимает теперь не менее важное место, а между тем крупные фабрики и заводы уже давно рассматриваются, как средоточия сил народного хозяйства, служащие благу нации. Стоит подумать о закрытии заводов, на которых работают тысячи рабочих, чтоб стало ясно, насколько необходимо согласование различных частных и общественных интересов, связанных с существованием и работою завода.

Семейное право тоже может быть несколько перестроено. Прошло уже время безграничной власти домовладык, связывающей членов семьи в одно целое, но сменившая ее в современных кодексах тенденция изобразить родительскую власть, как обязанность, представляет другую крайность. Этим ослабляется семейная связь и без того непрочная, между тем как семья все еще служит первою школою социального воспитания и основною клеточкою общества. Современная семья может быть построена на началах солидарности интересов, связывающей членов семьи повиновением и признанием авторитета родителей. Эта идея предполагает признание не только обязанностей, но и прав родителей. Учение о родительской власти должно приобрести соответствующий характер, чтобы была, с одной стороны, подчеркнута необходимость повиновения родительской власти в собственных интересах каждого члена семьи, с другой—ограниченность прав родителей, предоставляемых им,

[43]) Эта декларация отнюдь не должна быть выражением прежней естественно—правовой доктрины „вечных, неотъемлемых" прав, она объединит лишь те правовые принципы которые выношены правовой психологией современности.

лишь по началам солидаризма, с целью обеспечения интересов подвластных и в той мере, насколько это соответствует их интересам.

Небезполезно было-бы и в наследственном праве дать отражение новым идеям, предоставив право наследования по закону не только членам семьи, но, при наличии значительного имущества, также и тем организациям, с которыми наследодатель был связан при жизни узами солидарных интересов и совместной деятельности (кооперации, профессиональному союзу и т. п.)

Те институты, которые в наибольшей степени отражают в себе тенденции солидаризма, подчиняя частные права принудительному контролю и согласованию или добровольному (не принудительному) взаиморегулированию, могли бы быть выделены в особые кодексы и в особую научную систему административно-хозяйственного права. Это соответствовало бы задачам политики права, так как способствовало бы более отчетливому выявлению правовых форм солидаризма.

Для поощрения солидаристических тенденций необходимо далее, как это делается уже на практике, предоставление преимуществ организациям, представляющим солидарные интересы, для того чтобы выгоды участия в них привлекали новых членов без понуждения. Организации эти должны быть привлекаемы в число активных участников государственной жизни, с соответствующим реформированием политического устройства.

Публично-правовой режим должен, в свою очередь, укреплять начала солидаризма, вводя, где необходимо, принудительные начала, как, напр., это делается уже для предотвращения забастовок и замены их арбитражем и согласованием спорных интересов. Даже в уголовных кодексах может найти место ряд статей, специально охраняющих от нарушения новые начала солидаризации общественной жизни.

Особое значение для укрепления начал солидаризма должно иметь социальное законодательство. Обеспеченье права на существование, хотя бы в постановке проф. Покровского[44]), как права на обезпеченье от безработицы, должно составить заботу связанных солидарностью людей, направляющих свои усилия на достижение общего блага. Чем шире будут проводиться в жизнь начала социального законодательства, тем больше будет ослабляться классовый антагонизм, который не может и не должен исчезать, но который принимает еще урод-

44) Проф. *И. А. Покровский*. Основные проблемы гражданского права стр. 319 и отд. изд. *Новгородцев и Покровский*. О праве на существование.

ливые формы, вследствие слабости солидаристических тенденций[45]).

Так все силы законодательства, под руководством политики права, как науки, могут быть направлены на воспитание новой правовой психологии, в целях ускорения прогресса. Это дело многих десятков лет, задача не одного поколения.

Стоит ли, однако, думать о задачах правового воспитания? Мы уже говорили о скептических доктринах, которые угрожают человеческой культуре тем, что так упорно подкрадывается к каждому человеку—старость, дряхлость, бессилие, смерть, и утверждают, что человеческая культура, как и человеческий организм, переживает зарождение, развитие, возмужалость, старость и смерть.

Есть общие идеи, которые освещают эту проблему. Одна из них рисует человека, как существо, в которое вложено божественное начало, и которое не подчиняется законам, управляющим жизнью мертвой природы. Другая точка зрения исходит из того, что человек и человеческая жизнь подчинены всем законам физического мира. Правильна третья точка зрения. Она ставит человека в независимое положение. Общие законы мира сильны и в отношении человеческой культуры, но есть у человека особенности, которые нельзя не учитывать, у него есть особая сила—психика, которая развивается вне действия обычных начал[46]).

Представим себе, что вдруг погибнет вся современная культура. Предчувствиями этой гибели полна современная литература. „Мы чувствуем, говорит проф. Виппер[47]), что наша цивилизация, подобно греко-римско-иудейской, клонится к кризису, дошла, после блестящего критицизма, после лихорадочного напряжения деятельности, до упадка и бессилия, слышит все больше и больше неминуемое приближение варварства. Опять культурное человечество, переживши период разрушения, кото-

[45]) Связь социального законодательства с идеею общественной солидарности очень отчетливо выражена в талантливой книге нашего безвременно погибшего учителя, проф. И. А. Покровского (ук. соч. стр. 321). Руководящая идея этой книги выражена в предисловии: стрелка компаса, которым должна руководствоваться политика „всегда поворачивается к одному пункту—именно, к тому, где сходятся свобода и социальная солидарность". Автор однако, не располагал, в то время багажом тех новых идей, которые преодолевают индивидуалистическую концепцию государства и ведут к непосредственному противопоставлению личности и государства (ср. стр. 316-321). Идея солидарности высказывается им еще как идеалистическая концепция совершенного строя, добытая чисто дедуктивным путем. В настоящей книге учения о персонализме и трансперсонализме, централизации и децентрализации, общественном устройстве, взаимоотношениях личности и государства излагаются на иных, чем в книге проф. Покровского, основаниях. Равным образом иными являются и исходные точки зрения на условия и законы общественного развития, излагаемые нами под влиянием соответствующих учений проф. *Л. И. Петражицкого.*

[46]) Ср. Доклад *L. Stein*—La philosophie du progrès (Annales v. XIV) см. прим. 1.

[47]) Проф. *Р. Виппер.*—Круговорот истории Москва Берл. 1923, стр. 99.

рое многие благодушно зовут живительною революциею, ждет какой-то реставрации, когда значительно уменьшенному составу образованных людей придется спасать гибнущие духовные ценности, приспособлять для дичающего общества обрывки старой науки и искусства к его сокращенным потребностям". Представим себе самое худшее, но, если когда-нибудь возродится человечество, и начнет создаваться опять человеческая культура, то подобно тому, как естествоиспытатель по отдельным костям восстановляет скелет, так по отдельным останкам современной культуры будущие люди будут восстанавливать современную жизнь. Какие-нибудь снимки, картины, изображения, надписи на таинственном и постепенно угадываемом языке будут раскрывать картины современной культуры. Остатки огромных собраний и следы законодательной работы представителей народа заставят смутно угадывать, как современное человечество достигло той ступени, когда одинаковы права женщин и мужчин, когда население участвует в политической жизни. Будут восстанавливаться все эти и другие образы умершей культуры. Возникнет соблазнительная идея воссоздать их в действительности.

Произойдет то, что уже происходило. Погибло Римское государство, вся его культура. Но настали новые времена, когда народы вновь созрели к усвоению цивилизации, восприняли древнюю культуру и дух классического мира, рецепировали законы Рима и ускорили на несколько веков темп своего развития. Япония, прикоснувшись к культуре Европы, в течение нескольких десятилетий проделала то, что проделывала Европа в течение нескольких веков. Восприимчивость человеческой психики обеспечивает воссоздание погибшей культуры более быстрым темпом. Не должно смущаться мыслью о том, для кого и для чего развивается культура. Пусть мы погибнем, но все, что мы завоевали, возродится, и будущее человечество будет благодарно нам за каждый шаг вперед, который мы сейчас совершаем. Эта вера, которая не должна никогда угасать, всегда поддерживает ту естественную силу, которая толкает нас к прогрессу.

7. Социальный прогресс зависит от многих условий. В их числе есть и космические, которые действуют стихийно, иногда неожиданно и неотвратимо. Есть такие, как физическое и моральное вырождение утомленной нации, которому можно лишь в некоторой степени противопоставить эвгенику (улучшение породы). Под влиянием новых условий приходится нередко изменять ближайшие цели (гетерогония целей). Но все это не должно смущать. Хороший корабль с опытною командою выходит в

море, не боясь бури, и приходит в порт назначения, хотя бы и изменив рейс.

Социальный прогресс совершается в пределах возможного для человека, а возможности эти очень велики.

8. Право служит одним из самых могущественных средств для достижения прогресса, так как оно организует и воспитывает человеческие массы. Цели права могут быть ясно и точно определяемы, цели эти могут быть изменяемы, сообразно обстоятельствам, но всегда в направлении общего блага. Достижение поставленных целей составляет один из главных элементов социального прогресса.

Итак, право является одною из величайших социальных сил. В область права всегда нужно вводить тех, кто готовит себя к широкой деятельности. Право, конечно, не единственная сила, влияющая на прогресс. Религия, нравственность, образование, эстетика,—трудно перечислить все управляющие культурой силы, но нет более важной, в смысле широты действия, чем сила правовой культуры. Нравственность украшает человеческую жизнь. Но, если она становится достоянием толпы, она перестает быть подвигом. Право, которое сопрождается наказанием или наградою, легче воздействует на массы. Религия в истории человечества имела огромное влияние, но каждый раз, когда религия имела задачею своею управлять движением человечества, она проникалась правовою этикою. Эстетика тоже управляет поведением. Поступить неэстетично, некрасиво—для многих современных людей так же страшно, как для проникнутого этическою культурою поступить безнравственно, но эстетика недоступна массам. Словом, всякие другие начала, определяющие правила поведения, имеют меньший эффект воздействия.

Но, зато, право находится под контролем и в зависимости от высшего этического авторитета—нравственности. Нравственные идеалы опережают идеалы права, и нравственность предъявляет большие требования к людям, не определяя точно своих требований [48]). Когда культурные низы подымаются до той средней, которая соответствует новому порядку, тогда создается благоприятная обстановка для очередного завоевания прогресса. В это время нравственные принципы оказывают влияние на пересмотр и дальнейшее повышение уровня правовой этики. Намечается новая средняя.

Право все более вытесняет силу, а нравственность все более облагораживает право. Так совершается процесс улучшения этики, управляемый законами приспособления и поощряемый

[48]) См. проф. *Л. И. Петражицкий*—Теория Права т. I стр. 179.

сознательною работою человека на пользу социального прогресса.

Исторические факты убеждают в неизменности этого процесса и вселяют бодрящую веру в будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1. Отражение современного кризиса в борьбе идей. 2. Обоснование экономического и политического либерализма. 3. Либерализм и социализм, как системы организации хозяйства. 4. Новые формы хозяйства, не соответствующие схеме централизованной и децентрализованной системы (кооперация, водное хозяйство, объединенная в концерны промышленность). 5. Солидаризм, как особая система хозяйства. 6. Противоречие индивидуализма социологической правде. 7. Проникновение коллективистических начал в науку права и законодательство. 8. Организация общества и государства, охраняющая личную и групповую самодеятельность. 9. Солидаризм в международных отношениях. 10. Преобразовательные возможности солидаризма. 11. Перспективы правового творчества на основах солидаризма, как руководящей идеи. 12. Этические преимущества солидаризма, как основы социальной политики.

1. Современный мир полон сомнений, тревог и противоречий, свойственных периоду кризиса. С одной стороны возводится гигантское здание сверх-капитализма, с другой—происходят попытки строить хозяйство без частного капитала. С одной стороны самосознание и личная требовательность развитой индивидуальности достигают высшего напряжения, с другой—крепнет разочарование в формальном демократизме, лишенном какой-либо определенности содержания, принимающем любое решение арифметикою большинства.

Кризис этот не агония, не предвестник неминуемой смерти. Кризис свидетельствует о наличии живых сил, которые стараются преодолеть болезнь.

И в самом деле, в современном кризисе трудно видеть исчерпание культурных возможностей. Наоборот, смелые замыслы радикального переустройства мира свидетельствуют об уверенности в силах. Современный кризис затрагивает, правда, не одну материальную культуру, он проникает и в глубины ее духовных проявлений, но он прежде всего и больше всего касается организационных форм; это—кризис хозяйственного и политического строя. Оттого и содержание этого кризиса находит себе выражение в борьбе идей, определяющих формы

общественного устройства: индивидуализм борется с коллективизмом, либерализм с социализмом.

Человеческая мысль всегда стремилась к обобщениям. С высоты обобщающей идеи яснее становится окружающее и видны пути будущего. Как слепой ищет поводыря и цепко держится за него, так человек ищет руководящей идеи и, уверовав в нее, боится уже потерять эту идею, а с нею и свой путь. Оттого некоторые идеи, нашедшие себе ясное и отчетливое выражение, отличаются исключительною долговечностью. Меняются условия жизни, а идеи эти, как незримые властители, продолжают господствовать и определять направление общественной мысли, задерживая проведение в жизнь новых начал.

С другой стороны, разочарование толкает часто в противоположную крайность. В борьбе с консервативным течением нередко побеждает резко отличное, увлекающее коренною расходимостью с существующим. Крайние лозунги психологически выйгрышнее: устойчивым идеям настоящего они противопоставляют их революционные антиподы, они больше всего отвечают потребности освободиться от власти мировоззрения, которое не отвечает уже потребностям времени.

В характеризующей наше переходное время борьбе идей индивидуализм и либерализм представляют идеи культуры, отходящей в прошлое. Коллективизм и социализм передают, наоборот, революционные настроения. Противоположение этих идей не случайное, оно соответствует двойственности человеческого духа. С тех пор как существует мир, борятся между собою „дух индивидуализма“ и „дух общественности“ (Ichgeist und Gemeigeist, как говорят немцы). Для блага человека необходимо существование общества, но как только общество, ради своего утверждения, слишком ограничивает личность, последняя ищет освобождения и индивидуалистическое начало вступает в борьбу с началом коллективистическим. Первобытному коммунизму можно противопоставить нынешний расцвет индивидуализма, нашедшего особенно яркие формы в римском праве. Точно также на смену стеснявшим личность средневековым формам общественного и хозяйственного строя пришел классический либерализм. Теперь социализм вновь возрождает психологию коллективизма и на смену либеральным началам неорганизованного хозяйства выдвигает схему хозяйства организованного. Капитализму, как типичному выражению эгоистических начал, противопоставляется социализм, как наиболее последовательное воплощение „духа общественности“.

2. В свое время индивидуализм отвечал живым потребностям эпохи. В период окончательной ликвидации средневековья

он способствовал развитию самосознания человеческой личности и преобразованию государственного строя. С этою идеею связано провозглашение „неотъемлемых“ прав человеческой личности. Она вдохновила „декларацию прав человека и гражданина“. Индивид, уподобленный общественному атому, был принят за исходную точку науки об обществе, как неделимый, простейший элемент его. Он стал вместе с тем предметом попечения правопорядка, главною задачею которого было признано обеспечение иидивидуальных интересов и предоставление каждому простора для выявления его способностей. Кто может лучше понять и защищать свои интересы, чем сам заинтересованный? Необходимо, поэтому, предоставить ему возможно большую свободу действий! Отсюда рождается либерализм экономический и политический.

В частном праве воспринимается ярко индивидуалистическая концепция собственности. Неограниченное безраздельное господство над вещью понимается как проявление свойств самой личности. Ограничение собственности означало бы, с этой точки зрения, покушение на индивидуальную свободу. Как права свободы, рассматриваются и другие гражданские права: свобода договора, свобода семейных отношений, свобода завещания.

Одновременно и политический строй обеспечивает гражданам различные свободы и, главным образом, свободу от вмешательства государства в сферу духовной и хозяйственной деятельности человека. Государство изображает из себя только „ночного сторожа“, охраняющего мир и спокойствие.

Однако, либерализм вызвал разочарование в себе, как только капиталистическое хозяйство обнаружило, что экономическое неравенство, при невмешательстве государства в договорные отношения, приводит к жестокой эксплоатации, а хозяйство, построенное на собственности и вытекающей из нее свободе распоряжения и инициативы, испытывает время от времени тяжелые потрясения.

На этой почве стало возрастать сочувствие к идеям противоположного характера, и либерализм столкнулся с социализмом. Системе хозяйства, построенного на началах собственности, свободы договоров и наследованья,—хозяйства, свободного от вмешательства государства, стала противополагаться система хозяйства организованного, в котором хозяева действуют не по собственной инициативе и не в меру своего желания, а как лица, обязанные в отношении государства, как чиновники, исполняющие возложенные на них функции.

3. Народное хозяйство, как оно складывается при действии собственности, свободы договоров и праве наследованья, Л. И.

Петражицкий удачно назвал децентрализованным, в виду отсутствия в нем связующего и руководящего управления из центра, и противопоставил ему систему централизованного хозяйства, предполагающего подчинение частных хозяйств руководящей и властной руке государства, с единством бюджета и плана.

Системе децентрализованного хозяйства соответствует господство частного права; централизация предполагает преобладание в хозяйстве начал власти и подчинения в интересах целого, т. е. права публичного. Переход от одной системы хозяйства к другой предполагает вытеснение основных частно-правовых начал публично-правовыми.

Собственность предоставляет каждому хозяину возможность распоряжаться имуществом по усмотрению. Производство зависит, таким образом, от инициативы отдельных лиц. Экономисты называют, поэтому, хозяйство анархическим или стихийным, приводящим к кризисам и перепроизводству. Частно-правовая система благоприятствует жестокой конкуренции, которая царит среди производителей и торговцев; свобода договоров обеспечивает возможность сильной стороне диктовать свои условия слабой. Наследованье закрепляет неравномерность распределения.

Отсутствие общего плана лишает производство, распределение и потребление каких-либо определенных оснований. Каждый производит, что хочет; продает и потребляет, как хочет; самостоятельно выбирает себе профессию, свободно распоряжается своим трудом и временем.

В противоположность этому централизованное хозяйство построено как-бы на военный манер. Каждому указывается, что надо производить и в каком количестве. Разделяются задания по определенному плану. Распределение продуктов тоже совершается по плану. Здесь уже нет места конкуренции. Потребности заранее учтены и, соответственно потребностям, происходит разумное распределение. Даже в потребление может быть внесена планомерность: если каждому будет выдаваться лишь то количество продуктов, которое ему необходимо, то возможно достичь наибольшей экономии.

Нетрудно видеть, что для осуществления такой системы требуется субординация—подчинение одной руководящей воле, безусловной и принудительной, одному командующему центру. Здесь господствует публичное право (jus cogens), столь характерно выявляющееся в праве государственном, уголовном и финансовом.

4. Разграничение двух систем хозяйства по указанному

признаку настолько ясно и отчетливо, что кажется исчерпывающим. Установившаяся классификация права на частное и публичное точно соответствует различению хозяйства децентрализованного и централизованного и укрепляет в убеждении, что схема эта имеет исчерпывающее значение. В лучшем случае допускается комбинированная система частью централизованного (железные дороги, почта, телеграф), частью децентрализованного хозяйства.

Но, действительность не вполне соответствует этой схеме.

Новые начала в хозяйстве внесла прежде всего кооперация. Справедливо говорится, что в кооперативной лавке горит звезда.

Кооперация основана на идее солидарности. Ее успех зависит от добровольного присоединения к делу лиц, понимающих выгоды кооперативного сотрудничества. Но, присоединяясь добровольно, участники принимают на себя ряд обязанностей, которые развиваются в целую систему организованного и поддерживаемого коллективною волею порядка. Достаточно представить себе организацию маслодельных артелей: целую сеть молочных, ответственность членов за доброкачественность продукта, обязанность поставки в надлежащее место и срок; связь артелей в союзы, организацию союзов в центральное объединение. Мы видим стройную иерархическую систему, поддерживаемую началом добровольно признаваемого принуждения, с единым планом.

Но это не то централизованное хозяйство, о котором шла речь. Здесь участники—самостоятельные хозяева, собственники, добровольно присоединяющиеся и имеющие право выхода (см. гл. IV).

С другой стороны, здесь не только упорядоченность хозяйства, здесь план и организованность, поддерживаемые самостоятельными, независимыми участниками.

Обособленная и самостоятельная сфера кооперативного хозяйства до последнего времени мало обращала на себя внимание юристов, а между тем в настоящее время ее опыт и конструктивные методы переносятся в гораздо более широкую сферу. Добровольное объединение встречает поощрение и поддержку закона, автономно устанавливаемые ограничения восполняются административным принудительным порядком.

Интересные иллюстрации в этом отношении представляет водное хозяйство.

Новейшие водные законы Германии вносят в организацию водного хозяйства особенности, не укладывающиеся ни в одну

из систем. Водные законы (см. гл. IX) сохраняют, большею частью, право собственности частных лиц на пространство, покрытое текучею водою, включающее в себя исключительное право пользоваться водою во всех отношениях. Но пользованье проточною водою отличается тою особенностью, что вода, переходя из одного владения в другое, создает постоянную общность интересов и часто тесную зависимость одного хозяйства от другого. Один выводит воду для орошения, другой остается без воды. Один устраивает плотину, у другого затопляются луга. Один загрязняет воду фабричными отбросами, остальные лишаются питьевой воды. Потребности земледелия сталкиваются с интересами промышленности; интересы судоходства с интересами использованья водной энергии.

Государство не централизует водного хозяйства, не подчиняет его единому плану. Но водное хозяйство, как оно складывается в современных государствах, нельзя всеже назвать децентрализованным, анархическим. Общность интересов водопользователей заставляет их согласовывать свои действия, избирать совместно водную администрацию, добровольно подчиняться общему режиму. Законодательство приходит на помощь и устанавливает контроль над водопользованьем, право перераспределения вод, принудительное прекращение опасных и вредных способов пользованья; допускается также принудительное допущение к совместному пользованью заинтересованных лиц и возлагается на собственников обязанность пользоваться водою целесообразно и поддерживать сооружения, существование которых важно для других лиц и общественной безопасности. В широкой степени применяется в водном законодательстве принцип недопущения злоупотребления правом, и в результате всех этих особенностей, при наличии специальной водной администрации и мер взыскания, водное хозяйство, не будучи централизованным, приобретает черты организованности и упорядоченности.

Для такого хозяйства наиболее подходит название солидаризированного. В основе всех принудительных мер, которые применяются в этом хозяйстве, лежит идея солидарности интересов водопользователей. Закон требует того, что водопользователи должны были бы установить сами, согласуя свои интересы, в целях взаимной выгоды. Но в результате добровольно и принудительно устанавливаемого порядка, водное хозяйство приобретает свои оригинальные отличительные черты. Характерно для водного хозяйства, что и здесь происходит объединение водопользователей в так называемые „водные товарищества“, которым закон предоставляет право принудительного

взыскания сборов и принудительного присоединения меньшинства. Начало коллективного сотрудничества, покушение на индивидуализм и здесь находят свое применение.

Представляет ли, однако, водное хозяйство типичный пример? не является ли оно исключительным, неприменимым в других отношениях?

Юристы, развивавшие идеи солидаризма (Дюги, Буржуа) уже отмечали необходимость (см. гл. I и III) отбросить индивидуалистическую концепцию собственности и подчинять ее ограничениям, вытекающим из служения собственности общественным интересам (социальная функция). Эта идея была воспринята сначала декларативно в Германской Конституции, а затем стала находить отражение в отдельных законодательных актах.

Так, напр., английский земельный закон 1920 г. устанавливает штрафы за отказ ввести улучшенные способы обработки земли и предоставляет арендатору произвести необходимые улучшения за счет собственника, который не выполняет предписаний Министра Земледелия. Это предвестник крупных изменений в области земельного хозяйства.

Ратенау (см. гл. IV) рекомендовал сохранить за государством то руководство хозяйственною деятельностью, которое принято было им во время войны в целях рационализации хозяйства, но без уничтожения частной собственности. Его сотрудник Мöллендорф предлагал план объединения промышленности.

Прежде чем государства приступят к осуществлению подобных замыслов, частная промышленность становится на путь самоорганизации (гл. II). Гигантские концерны объединяют множество разнообразных предприятий, выполняя, по словам Визера, те же исторически неизбежные задания, какие выполнены переходом от маленьких государств к великим державам". Объединение предприятий происходит по их инициативе и диктуется сознанием взаимной выгоды, но в грандиозных концернах трудно удержать хозяйственную дисциплину без принудительных мер, а потому одною из очередных проблем карательного права является вопрос об организации принуждения (Kartellzwang, Organisazionszwang).

Не исключена возможность, что объединение и соподчинение однородной промышленности примет широкие размеры, и государство, как и в водном праве, пойдет навстречу естественным тенденциям солидаризации. Будущему станут тогда известны „промышленные кодексы", вносящие плановые идеи в стихию промышленной свободы и конкуренции. Это не будет опять-таки централизованное хозяйство. Ему будет далеко до

социализма. Но подобная организация промышленности, уже выявляющая свое лицо в современном картельном движении будет, несомненно, далека и от чистых форм централизованной системы хозяйства[1]).

5. Солидаризированное хозяйство, таково название, наиболее подходящее к описываемой системе, царство которой на пути от либерализма к этатизму.

Солидаризм в хозяйстве представляет собою систему юридических взаимоотношений, при которой авторитет порядка поддерживает естественную солидарность отдельных хозяев.

Солидарность приводит к объединению сил и средств для достижения совместной цели. Она требует самоограничения в общих интересах. Право помогает объединению солидарно действующих лиц, присоединяя к ним тех, чьи интересы от этого выигрывают, но кто уклоняется от совместной работы во вред себе и другим. К добровольному самоограничению право присоединяет некоторые дополнительные требования, пределом условий которых является выгода самих участников. Таким образом, моральная идея солидарности претворяется в юридическую систему солидаризма.

---

[1]) В качестве примера, иллюстрирующего организационную деятельность синдикатов, можно привести § I договора Рейнско-Вестфальского синдиката угольных предприятий: „Угольный синдикат представляет объединение отдельных, входящих в его состав предприятий на основе и в соответствии с настоящим договором. Он исполняет в рамках настоящего договора решения, принятые объединением, т. е. совокупностью его членов.

Деятельность угольного синдиката безвозмездна; она не может иметь целью получение самостоятельной прибыли, и осуществляется исключительно для обеспечения выгод своих участников. Угольный синдикат действует при всех сделках от своего имени, но исключительно за счет своих участников, а получаемые им доходы предназначаются для его участников. В случае убытков, таковые должны покрываться его участниками. Всяким имуществом, поскольку оно превышает акционерный капитал, нужный для его образования, угольный синдикат владеет в качестве доверительного владельца, т. е. представителя своих участников".

Интересно, что и советская промышленность, за невозможностью ее полной социализации, перешла, в сущности, к солидаристической форме. Синдикаты, представляющие из себя в СССР служебные организации второй степени для трестов (государственных предприятий, работающих на хозяйственном расчете, в качестве самостоятельных лиц), устанавливают правила, обязательные для его участников, заменяя односторонними правилами договорную форму внутрисиндикатских отношений. Эту систему советские юристы истолковывают совершенно в духе солидаризма: „так как каждый вступил в синдикат, заранее зная, что подчинение является гарантиею того, что его интересы, *средние массовые интересы, которые являются характерными для участников этого объединения*, будут наиболее обеспечены, каждый дает основное согласие на подчинение большинству. В этом сказывается то коллективное начало, которое потом осуществляется на практике". (Вопросы промышленного права. Москва 1928 г. стр. 157). Советские юристы понимают, что здесь неприменимо признание ни полной самостоятельности всех связанных в синдикате юридических лиц, ни слитности их в одно юридическое целое. Единство здесь относительное (там же стр. 160). Действительно, единство это заключается, главным образом, в согласовании деятельности отдельных участников синдиката, т. е. солидаризации их. Такова также задача Арбитражных комиссий, которые, при решении споров между государственными предприятиями, руководствуются не только договорами но и целесообразностью и общегосударственными интересами (ср. ст. 13 Полож. 21 сен. 1922 г).

„Метод синдицированья, говорит советский профессор *Шретер*, является методом параллельным административному регулированью и планированью". (*В. Шретер*, Советское хозяйственное право. 1928 г. стр. 133).

Идея солидарности стара, как мир (см. гл. III), но только в конце XIX в. были сделаны попытки использовать эту идею для обоснования особой юридической системы. Однако, ни Буржуа, ни Дюги не достигли большого успеха. Как справедливо указал большой сторонник солидаризма, Шарль Жид, удалось вывесить флаг, но не создать школу.

Для того чтобы солидаризм мог стать юридическою системою, не нужно придумывать искусственных построений, как это пытался сделать Буржуа (формула квази-контракта). Нужно, прежде всего, указать, каковы будут те своеобразные особенности хозяйственных и общественных отношений, которые дадут возможность отличать солидаризированное хозяйство от систем лаберализма и социализма и солидаризированное общество от индивидуалистического и коллективистического.

Мы уже видели, как складывается солидаризированное хозяйство. Следуя тому же методу, мы можем изобразить и солидаризированное общество и солидаризированное государство. Как уже указывалось, здесь сталкиваются идеи индивидуализма и коллективизма.

Заслуги индивидуализма бесспорны и трудно оценимы. Не подлежит никакому сомнению, что им воспитана правовая культура и обеспечено ее дальнейшее совершенствованье: чем ярче выражено культурное самосознание и взаимное уважение членов общества, тем легче совершается дальнейшее развитие общественного целого.

Но также несомненна односторонность индивидуализма. Он не соответствует жизненной правде. Человек входит в состав разнообразных общественных групп и подчинен влиянию разнообразных связей. Его деятельность находится в зависимости от окружающих, его мнение отражает влияние среды. Самая даровитая личность—дитя свего века и своего общества. Самая сильная личность нуждается в общественной поддержке. Интересы каждого отдельного человека охраняются лучше всего при помощи организации однородных элементов общества. В этих организациях каждый индивид находит опору и то взаимодействие, которое благоприятствует его дальнейшему самосознанию и развитию. Государство слагается не из индивидов, а из различных общественных организаций, возникающих по началу кровных связей, национальной близости, общности профессиональных или духовных интересов и пр.

Индивидуализм затмил социальное окружение личности, сосредоточив свой свет на общественном атоме, человеке. Но социологическая правда заставила вновь обратить внимание на действующие коллективные силы, и индивидуалистическая кон-

цепция общества и государства начинает уступать свое место колективистической, социальной.

7. Выяснение и оценка коллективного начала в человеческой жизни проникает в науку права медленнее, чем это происходило в социологии. Но уже в трудах Иеринга новые идеи нашли себе ясное выражение. Иеринг, а впоследствии Гумплович, указали, что развитие права происходит в связи с борьбою за их интересы индивидов и общественных групп. Постепенно идеи этого порядка утверждались, и, под влиянием смены руководящих начал, стал происходить пересмотр многих учений гражданского и государственного права. Но пересмотр этот происходит еще и сейчас со свойственною юриспруденции медлительностью. Правопорядок нуждается в устойчивости, он не любит потрясений. Устойчивость положительного права одно из ценных его свойств, а потому и юридическая мысль, привыкшая базироваться на положительном праве, отличается медлительностью и лишь постепенно, под давлением нарастающего нового правосознания, преодолевает инерцию старого порядка и осознанные вновь идеи справедливости переносит в новые законы.

Новые идеи нашли себе особенно ясное выражение в современной организации профессионального движения. В то время как либеральная революция 1789 г. была враждебна ко всем организованным коллективам (закон 14 авг. 1791 г. воспретил все организации как рабочих, так и работодателей), мы являемся теперь свидетелями мощных профессиональных организаций, не только признаваемых, но и поддерживаемых законом и пользующихся исключительным влиянием в хозяйственной и политической жизни.

В современной практике профессиональные союзы почти вовсе вытеснили индивидуальные соглашения о найме труда, заменив их соглашениями коллективными, т. н. тарифным договором. Предприниматель, вместо разрозненных нуждающихся в работе людей, видит перед собою организацию, представляющую сомкнутые ряды рабочих, объединенных солидарным интересом. Рабочие получают, благодаря этому, возможность добиться наибольших для себя выгод, что способствует дальнейшему укреплению силы и значения союза. Предпринимателям остается объединиться в свою очередь, чтобы организованному коллективу рабочих противопоставить коллектив предпринимателей. Но тогда становятся друг против друга могущественные коллективные силы, столкновение которых было бы подобно борьбе титанов.

Если в отдельных случаях рабочий или предприниматель

выйграли бы, заключая договор не через посредство союза, то в массе случаев они выигрывают от того, что существует коллективный договор, который на установленный срок гарантирует от ухудшения условий для заинтересованной стороны. Некоторое ограничение свободы окупается бесспорными выгодами для всего коллектива рабочих или предпринимателей.

Неудивительно, поэтому, появление новой теории синдикализма (см. гл. V), которая предлагает ввести начало обязательности синдикальной организации, при условии ограничения компетенции синдикатов исключительно профессиональными вопросами, но с предоставлением синдикатам монополии представительства соответствующих профессиональных интересов.

Таким образом, каждый рабочий и каждый предприниматель могут найти защиту своих интересов только в одном соответствующем их профессиональной деятельности синдикате. Каждый профессиональный интерес должен иметь организованную защиту. Выгоды монополии представительства компенсируют стеснение свободы профессиональной самозащиты. Рабочие и предприниматели объединяются в противостоящие союзы. Каждая сторона обладает только одною организациею.

Как же определяются взаимоотношения этих организаций?

Так как они преследуют противоположные интересы, то, естественно, что отношения их не всегда выливаются в мирную форму. Но так как, с другой стороны, упорная борьба их привела бы к жестоким потрясениям народного хозяйства, то на случай их острого столкновения или непримиримости должно быть применено авторитетное и властное посредничество.

Австралия, Германия, Италия и др. страны ввели у себя примирительное производство и арбитраж, в целях возможного сокращения забастовок и локаутов, как явлений вредных для народного хозяйства (см. гл. VII). Законодательство стремится перебросить в отношения между организованными группами те принципы солидарности, которые господствуют внутри этих групп.

Характерно, что решения судов по трудовым конфликтам выносятся не применительно к одним только непосредственным участникам спора, а в расчете на их применение во всех аналогичных случаях. Каждая сторона в споре рассматривается в качестве представителя коллективных интересов и суд может разрешить вопрос, считаясь не только с договором, но и с целесообразностью. Его решение похоже иногда на правотворчество. Так, наряду с уголовною и гражданскою юстициею, возникает третяя юстиция, с новыми своеобразными задачами, вытекающими из идей солидаризма.

Новая система синдикализма отнюдь не преследует задачи устранить борьбу профессиональных интересов. Подобно тому как конкуренция играет исключительную роль в качестве стимула экономического прогресса, так соревнование профессиональных групп необходимо для прогресса социального. Не для того поощряется вступление в синдикаты, чтобы помешать борьбе их за профессиональные интересы своих членов, а для того чтобы поощрить их в этом направлении. Но если для подъема национальных настроений, для пробуждения мужественного духа нации ее надо готовить к борьбе с врагами и вооружать, то это не значит, что не нужно избегать войны, как крайнего и ужасного средства решения споров. Так и в синдикальной системе борьба не исключается, а лишь ограничивается. Чем сильнее вооружены нации, тем осторожнее они будут относиться к вооруженному столкновению. Так, чем сильнее синдикаты, тем охотнее они пойдут на взаимные уступки, вместо того чтобы истощать друг друга борьбою не на жизнь, а на смерть.

В революционных кругах развитие синдикализма привело к идее насильственного захвата власти и хозяйственного господства синдикатами трудящихся (революционный синдикализм); но, параллельно этому, крепнет идея о возможности мирного сосуществования организаций с противоположными интересами (корпоративный синдикализм).

Дух нового корпоративного строя выражен фашистскою Хартиею Труда (Carta del Lavoro). Основной принцип этого исторического документа и изданных в развитие его законов (гл. VI)—подчинение частного интереса коллективному. Индивид находит в синдикате опору своих прав и интересов, но он покупает эту поддержку ценою некоторых ограничений своей свободы. Синдикаты снабжаются некоторыми полномочиями со стороны государства, но зато они выполняют возлагаемые на них государством обязанности и подчиняются его контролю. Государство—нация выше индивида и выше всех коллективных групп.

Руководящим началом всей этой организации служит тот же принцип солидаризации интересов. Объединение совершается для совместного достижения цели; ограничения вводятся лишь в той мере, поскольку они оправдываются выгодами лиц и групп, которые им подчиняются.

Преобразующее влияние новых идей сказывается и на организации государства. Господство индивидуалистического мировоззрения приводило к представлению о населении государства, как сумме индивидов. Из этого представления логически

вытекало всеобщее избирательное право, как способ проявления народной воли и политических настроений населения. Равенство граждан, как личностей, составляющих народ, предполагает выражение каждою личностью ее воли, и арифметическая сумма, составляющая большинство, решает судьбы государства. Подчиненное воле и интересам слагающих его индивидов государство лишено возможности вмешательства в экономическую и духовную жизнь индивидов и обязывается к тщательной охране неприкосновенности той сферы существования человека, в которой проявляется свободное выявление его духовных сил и способностей.

Развитие коллективных организаций сделало очевидным, что государство составляется не только из индивидов, и, в связи с этим, стали появляться планы переустройства хозяйственного и государственного управления на основе признания группового представительства. Так,напр., Ратенау предлагал создать объединенные организации однородной промышленности, ремесл и торговых предприятий и возложить управление промышленностью на индустриальные союзы. В политических доктринах, на ряду со всеобщим избирательным правом или впротивовес ему, предлагается функциональное представительство, дабы каждый, избранный говорил не от себя и не от безличной массы, а представительствовал определенные интересы одной из общественных групп.

К этому течению мысли примыкает гильдейский социализм. Проекты этого рода (см. гл. VIII) намечают создание параллельных организаций производителей и потребителей и, наряду с ними, организации политической (государства). Первые две ведали бы хозяйственными вопросами, независимо от государства: последнее только вопросами административными и политическими. В совокупности эти организации охватывали бы все общество, обнимая тысячи групп и предоставляя наибольшие гарантии интересам каждой категории и наибольшие возможности согласования противоположных интересов.

Некоторые из идей этого порядка уже находят себе практическое осуществление. Так, напр., в Германии на основе функционального представительства организован Державный Хозяйственный Совет, представляющий интересы труда и капитала и оказывающий большое влияние на экономическую жизнь государства.

Итальянский поэт Габриэль Д'Аннунцио в своей недолговечной республике Карнара организовал, в качестве высших органов, два совета, состоявшие из представителей разных групп населения и по временам объединявшиеся.

Наконец, Италия превращена в корпоративное государство, созданное по принципу организации всего населения, посредством объединения синдикатов в федерации и конфедерации (гл. V) и согласования деятельности всех этих иерархически построенных организаций под наблюдением нейтральных государственных органов, корпораций (гл. VII).

Мы видим, таким образом, как далеко отошла от индивидуализма современная теория и как перестраиваются общество и государство, соответственно новым коллективистическим началам.

8. Коллективизм в его крайнем проявлении страдает такою же односторонностью, как и индивидуализм. Если последний распылял человеческое общество, игнорируя, что в действительной жизни существует не человек, а люди, связанные между собою взаимодействием и сотрудничеством, то коллективизм грозит игнорировать значение личного начала и дать слишком значительный перевес целому над его составными элементами. Неограниченный коллективизм угрожает прежде всего тем приобретеньям, которые дороги каждой культурной личности, свободе ее самоопределения и самодеятельности. Коммунизму уже пришлось однажды отступить перед грозным призраком упадка, вызванного покушением на эти индивидуальные блага. Самое уязвимое место фашизма заключается также в том, что он слишком бесцеремонно расправляется со многими приобретениями индивидуалистической культуры. Неограниченный коллективизм поглощает, однако, не только личную, но и групповую независимость, он признает только господство целого и служение целому.

Между тем, тенденции общественной мысли и законодательства, отдавая должное коллективному началу, отнюдь не несут с собою полного отречения от индивидуализма. Эти тенденции лучше всего отражает солидаризм. Признавая собственность и конкуренцию, он сохраняет движущие пружины экономического прогресса и открывает простор проявлениям личной инициативы и самодеятельности. Организуя человеческие общества, он не допускает принуждения там, где оно не приносит выгоды тем, кто подвергается ограничениям. Организованным группам, как и индивидам, солидаризм предоставляет свободу соревнования и вмешивается во взаимоотношения их, лишь поскольку это становится необходимым в случаях неразрешимых конфликтов.

Коллективизм в этой форме не поглощает и не убивает ни личной, ни групповой самодеятельности. В основании этого рода коллективизма лежит идея солидарности: согласования

действий во взаимных интересах. Коллективизм, построенный на этой основе, получает определенные границы. Он не может принести составные части в жертву целому, как это делает, напр., коммунизм. Только в тех случаях, когда противоположность интересов препятствует солидарности, производится принудительная солидаризация, т. е. принуждение к компромиссу, наиболее отвечающему интересам сторон и общему благу.

Законодательные акты и учреждения, осуществляющие идеи и тенденции солидаризма, могут составлять целую систему. Ее культурное назначение в том, что она способствует воспитанию и укреплению в народной психологии начал солидарности.

Поскольку солидаризм предполагает, как общее правило, добровольное сотрудничество, он близок к индивидуализму; поскольку он допускает принуждение в интересах общего блага, соответствующего и интересам сторон, он проводит социальные начала, т. е. осуществляет коллективизм. Таким образом, солидаризм является системою общественных отношений, лишенною односторонности; он наиболее отвечает вековечным исканиям человечества, объединяя личное и общественное начала.

Индивидуализм и социальные (коллективные) тенденции наиболее гармонично примиряются в солидаризме, который рассматривает каждого индивида, как часть целого, исходя из принципа, что индивид многим обязан тому обществу, в котором он живет. Но солидаризм считает в то же время, что общество, которое не обеспечивает индивиду возможности развить его творческие силы, неизбежно идет к упадку. Таким образом и индивид и общество выигрывают в системе солидаризма. Каждая сторона получает права и обязанности, соответствующие обоюдной выгоде.

Солидаризм поощряет корпоративную активность. Индивид входит в корпорацию, которая увеличивает его возможности и достижения. Корпорация получает самостоятельные права по отношению к государству, становится активным участником его жизни. Государство, по принципам солидаризма, слагается из сложной сети коллективов. Таким образом, власть корпоративного государства почерпает свою силу из организованного общества. Корпоративною организациею государства достигается сложная гармония многообразных обединений, представляющих все творческие силы нации.

9. Начала солидаризма проникают и в международные отношения. Свободному соревнованию народов, по принципу либерализма, противопоставлялись идеи централизации управления международным миром, по плану всемирного владычества или всемирного союза.

Взаимоотношения государств подчиняются тем же принципам, что и взаимоотношения частных лиц (см. гл. X) и поскольку последние, ради своей же пользы, привыкают подчиняться принудительному согласованию интересов, это новое правосознание переносится и на отношения государств. Сохраняя свою независимость, государства могут добровольно подчиняться общему порядку, во имя солидарности своих интересов и стремлений.

Лига Наций является проводником солидаризма в международные отношения. Солидаризм создает ограничения свободы действий отдельных государств, членов Лиги, но компенсирует их выгодами, которых нельзя достичь иначе, как совместными действиями и подчинением высшему авторитету. Так, напр., участие в Лиге Наций обязывает не прибегать к войне до решения третейского суда или рассмотрения конфликта советом Лиги; ограничивает свободу договоров; подчиняет государства ряду обязательств в отношении управления колониями и охраны труда. Намечаются и другие ограничения в международных интересах, в связи с осуществлением идеи свободы морей и воздухоплаванья.

Международное принуждение, которого тщетно искали в прошлом, для укрепления идеи международного права, возникло само собою, когда произошло объединение сильных государств со слабыми на почве общих интересов и сознана была необходимость самоограничения и подчинения общему для всех порядку. Солидаризм приближает нас к тому времени, когда человечество будет состоять из солидарно действующих народов-государств, подобно тому как общество составляется из солидарно действующих людей. Индивидуализм вытесняется, таким образом, из международных отношений, как он вытесняется и из частных.

10. Индивидулизм и либерализм уходят в прошлое. На смену им приходит солидаризм, как новая прогрессивная идея. Он выражает социальные идеи века, тенденции к коллективизму, к организации общественных сил и ко внесению в хозяйство планового начала.

Мыслители, изображающие будущее человечества, поддерживают веру людей в самих себя, когда описывают будущее в идеальных чертах. Этим объясняется в значительной степени и исключительный успех социалистических учений: они сулят массам трудящихся новые улучшенные условия жизни. Исключительный успех марксизма объясняется еще и тем, что здесь „земной рай“ не обещается, а доказывается, как неизбежность, и веру в социализм сменяет ощущение его близости.

По сравнению с радикальными и увлекательными планами социализма, солидаризм на первый взгляд не покажется заманчивым. Конкурировать с социализмом в увлекательности он не может. Огни его идеалов не так ярки, и люди, на которых он рассчитывает, слишком похожи ни окружающих нас.

Но солидаризм более обоснован, чем самый „научный" социализм: он учитывает все движущие силы истории, он формулирует процессы, происходящие на наших глазах, не идеализируя человека, не упуская из виду, что для достижения прогресса необходимо длительное и постепенное перевоспитание психологии человека (см. гл. XIII и XIV).

Социализм обещает принести с собою коренное преобразование существующего порядка, он революционен по своему существу. Солидаризм лишен революционных склонностей, но он заключает в себе широкие преобразовательные возможности.

Было бы ошибочно думать, что солидаризм—продукт искусственного компромисса двух противоположных начал, результат цепкости отживающего индивидуализма, который жадно хватается за любую возможность и прикрывает свою немощь обновленными формулами. В этом случае идеи солидаризма должны были бы постепенно выдыхаться. В действительности же, как мы видели (часть II), они все более укрепляются, находя себе воплощение в положительном праве, распространяясь на все более широкий круг отношений, обращаясь в юридическую систему. Солидаризм не является компромиссом уже потому, что он открывает широкие возможности проявлению коллективного начала. В этом отношении успех солидаризма подготовлен отчасти пропагандою социалистических идей. Они много помогли перевоспитанию индивидуалистической психологии. Но социализм неосуществим, пока социальное воспитание масс еще недостаточно, и он ненужен, так как еще далеко не исчерпаны полезные возможности и творческие силы индивидуализма,—об этом достаточно говорит современное развитие мирового хозяйства.

Солидаризм выражает признание коллективных начал в хозяйстве и способствует коллективной активности организованных групп. В этом его преобразовательная сила и прогрессивные возможности. Но, в то же время, солидаризм охраняет индивидуалистические начала: собственность и конкуренцию. Перестройка здания современной культуры производится им на прочном старом фундаменте.

Новые идеи формулируют вновь возникающие интересы, которые не удовлетворяет существующий порядок. Чем ярче они выражены, тем легче они вербуют сторонников. Социализм

родился из таких крайних революционных идей, в то время как солидаризм представляет формулировку более деловую и близкую психологии века и его возможностям. Но и тот, и другой взирают в будущее. Значение солидаризма, как и социалистических учений, в его преобразовательной способности. Фашизм показывает, что в этой своей тенденции солидаризм способен доходить до революционного пафоса.

11. С юридической точки зрения социализм приводит к господству публичного права и вытеснению частного, солидаризм же представляет сочетание частно-правового строя с административным режимом.

Административное право мирно сосуществовало с самым индивидуалистическим режимом, как это можно видеть из римского опыта. Многие преторские интердикты были не только дополнительным средством охранения частных прав, но и средством защиты общественных интересов.

Солидаризм, допускающий ограничение, а не упразднение частных прав, нуждается в содействии административного права, которое, в частности, определяет правоотношения между управляющим государством или публично-правовой корпорацией и гражданами, отдельными индивидами и коллективами.

В развитие этой формулировки следует прибавить, что административное право, определяя правоотношения государства и граждан, признает и охраняет как субъективные публичные, так и частные права граждан (индивидуально или коллективно выступающих).

Административному праву, в случае развития начал солидаризма, предстоит, поэтому, широкое применение. Оно будет включать в себя все нормы, определяющие границы хозяйственной свободы (гл. IV in fine)

С точки зрения социологической солидаризм означает наибольшую гармонию индивидуального и социального начал, развитие личной и корпоративной активности, укрепление начал государственности, наряду с обеспечением независимости и самодеятельности личности. В этом сочетании кроются трудно учитываемые и увлекательные возможности. Тысячелетия человеческой культуры искали этих возможностей и осуществление их даст несравненно больше, чем нераздельное господство только одного индивидуалистического или одного коллективистического начала.

При переходе от бессознательного приспособления, управляющего социальным прогрессом, к сознательному творчеству на пользу морального и материального успеха, идеи солидаризма могут с успехом вдохновлять политику права.

В отличие от „декларации прав человека и гражданина", наш век ждет „декларации прав и обязанностей государства". Права граждан должны быть ограждаемы, так как общество, которое не обеспечивает индивиду возможности развить его творческие силы, неизбежно идет к упадку. В то же время отдельный человек без поддержки общества и государства обращается в ничто, а потому он должен неуклонно выполнять свои социальные обязанности по отношению к коллективу, который расширяет круг его возможностей и достижений.

Идеи солидаризма указывают направление, в котором должно произойти преобразование современного государства. Солидаристическое государство будет представлять собою сложное сочетание многообразных объединений, охватывающих творческие силы нации. Оно будет почерпать свою силу из организованного общества.

В гражданские кодексы солидаризм внесет те ограничения частных прав, которые будут вызываться необходимостью солидаризации интересов. Идея злоупотребления правом откроет более ясно свое содержание, когда будет установлено социальное назначение частных имущественных прав и недопустимость сознательного извращения их во вред общества и других лиц.

Семейный строй будет поддерживаться главным образом сознанием общности интересов членов семьи и необходимости принудительной власти главы семьи, для согласования расходящихся интересов, к общей выгоде подвластных.

Несомненна необходимость в создании промышленного кодекса, содержание которого будет определяться необходимостью содействовать естественному объединению промышленных предприятий и согласованию их работы. Этот кодекс промышленного солидаризма сохранит частную собственность, но ослабит конкуренцию; сохранит частные права в предприятиях, не допуская поглощения их государственною собственностью по рецепту социализма, но будет поддерживать и охранять здоровые с общественной точки зрения соглашения об объединении предприятий и обеспечивать высшее наблюдение государства за направлением их работы.

Не менее важные изменения войдут, под влиянием солидаризма, в трудовое право. И здесь новейшее законодательство устанавливает несомненную тенденцию согласования интересов коллектива рабочих и коллектива предпринимателей каждой соответствующей отрасли промышленности, не устраняя профессиональной борьбы, но сглаживая остроту трудовых конфликтов и заменяя, по возможности, стачки и локауты арбитражем (см. гл. VII).

В области судебного процесса получит дальнейшее развитие производство, направленное к выяснению общественной стороны спора и поискам решения, правильного не в приложении к конкретному только делу, а как нормоустанавливающего положения, которое будет иметь массовое применение.

Уголовные кодексы должны будут отметить преступления и проступки против общественной солидарности.

Административное право обогатится многочисленными нормами, определяющими контрольные функции власти в области хозяйственной деятельности частных лиц и коллективов.

Необъятные горизонты и возможности открываются солидаризмом в области международного права, где впервые перестает быть источником права воля сильных держав и начинается опыт совместного законодательства сильных со слабыми. Солидаризм еще не претендует на изгнание из международного обихода войны, как средства самозащиты, но, применяя к ней такие же методы, как и в отношении классовой борьбы, он дает практические возможности избегать ее.

Таким образом, для законодателя солидариста открывается широкое поле деятельности, работа не для одного поколения.

Солидаризм, как это показала судьба его первого широкого проявления в кооперации, может объединить широкие круги населения и, следовательно, может повести за собою массы. Он обещает укрепление правовых начал, расширение общественной самодеятельности, содействие миру и материальному благосостоянию (гл. XI). Движение от либерализма к солидаризму будет отмечено новыми завоеваниями социального прогресса.

12. Счастлив тот век, который нашел свою идею. Век ренессанса или век классического либерализма никогда не потеряют своего „лица“ в истории.

Какова же идея нашего века? Сверхкапитализм—не идея, а факт и, при том, лишенный этического содержания. Сверхкапитализм поражает воображение, но не дает руководящих лозунгов. Другое явление нашего времени—коммунизм перестает быть даже фактом. Ему нельзя отказать в большом революционном размахе и широковещательных лозунгах, но он противен природе современного человека и ведет к обнищанию и упадку. Коммунизму противопоставляется итальянский фашизм. Он не претендует на всемирное значение и творцы его стараются заключить свое создание в узко национальные даже шовинистические рамки. В его итальянском воплощении, со всею искусственностью наспех создаваемых профессиональных и политических организаций, он представляет собою чисто мест-

ное явление. Но им восприняты некоторые идеи общечеловеческого значения и это придает фашизму особый интерес. Действительно, он духовно родственен многим другим явлениям современности, общею характерною чертою которых нам представляется солидаризм. Этим объясняется интерес к фашизму, как к одному из социальных опытов, характеризующих дух времени.

Именно в солидаризме, а не в каких либо других временных или местных явлениях заключена, по нашему мнению, руководящая идея века, открывающая пути к будущему. Идея эта необходима нашему времени не из-за одного только исторического тщеславия. Она нужна законодателям и политикам, педагогам и проповедникам. Она должна внести ясность в сознание, помочь изысканию верных путей, определению, что ошибочно и что верно.

Когда найдена руководящая идея, сознание становится ясным, как-будто рассеивается тьма ночи и настанет день. Заканчивается бесплодная борьба, начинается творческая работа.

Солидаризм может быть руководящею идеею, потому что он отвечает тем условиям, при которых совершается прогресс: он близок психологии современного человека, он отвечает тенденции нашего времени, он повышает этический уровень и способствует материальному прогрессу. Его большое преимущество в том, что он основан на идее глубокого этического содержания. Моральное совершенствованье человека будет расширять задачи солидарности, наполнять эту идею свежим духовным содержанием. Солидаризм открывает простор духовным исканиям, которые так чужды веку капитализма и его коммунистическому антиподу. Открываются безграничные и величественные перспективы высшей духовной красоты в царстве нравственного идеала.

Наш век ищет мира. Но что больше способствует миру, чем воспитание в идеях, осуждающих борьбу? Солидаризм способен дать внутренний мир и подготовить психологию народов для мира внешнего. Он готовит торжество права и правды!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие. Стр.

Характеристика мирового кризиса. Борьба принципов и идей. Поиски руководящей идеи. Методы ее нахождения и обоснования . . . 5.

Часть первая.

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О СОЛИДАРИЗМЕ.

Глава I. Эволюция правопорядка и ее отражение в юридических доктринах.

1. Сущность индивидуализма и либерализма. 2. Вырождение его. 3. Отклонения от индивидуализма, характеризующие новый век. 4. Увлечение социализмом, как реакция против индивидуализма и либерализма. 5. Неосуществимость социализма в современных условиях и необходимость формулировки другого руководящего принципа. 6. Отражение происходящего кризиса общественных и хозяйственных форм в правовых идеях. 7. Публично-правовой элемент в собственности. 8. Развитие корпоративного начала. 9. Учение *Дюги* о неотчуждаемых правах личности и государственном суверенитете. 10. Отсутствие руководящего принципа в новейших юридических учениях. . . . 15.

Глава II. Проявления солидаризма в современном праве.

1. Альтернатива будущего—этатизм или кооперация. 2. Особенность кооперации—организация на основах солидарности. 3. Солидарность и солидаризм. 4. Коллективные договора. 5. Соучастие рабочих в управлении и доходах предприятия, компартнершип, акции труда (франц. закон 1917 г.). 6. Организация концернов. 7. Сущность солидаризма: его отношение к либерализму и социализму. . . . . 29.

Глава III. Философия солидаризма.

1. История идеи социальной солидарности. 2. Попытки Леона Буржуа дать юридическое выражение идее солидаризма: конструкция квазиконтракта и ее развитие у *Шарля Жида*. 3. Социальный долг и индивидуальные интересы (культ „самого себя"). 4. Попытки практического применения идеи солидаризма партиею радикал-социалистов во Франции. 5. Критики солидаризма. 6. Соответствие идеи солидаризма психологии века. 7. Отношение ее к философии персонализма и трансперсонализма. 8. Необходимость юридической разработки вопроса по новейшему законодательству. . . . . 35.

Глава IV. Солидаризм и собственность (Организация хозяйства).

1. Опыт великой войны и попытки организации народного хозяйства. 2. Английский земельный закон 1920 года. 3. Признание солидаризмом собственности и связанных с нею институтов, как базы. 4. Отношение солидаризма к системам централизованного и децентрализованного хозяйства. 5. Административно-хозяйственное право. 6. Личная и корпоративная активность. . . . . 47.

Часть вторая. Стр.

СОЛИДАРИЗМ, КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА.

Введение . . . . . 59.

Глава V. Новые формы синдикализма.

1. Социальный атомизм и групповая активность. 2. Учение *Гастона Морэн* о синдикализме: монополия представительства; обязательность организации синдикатов рабочих и синдикатов предпринимателей. 3. Осуществление этих начал в Италии (закон 3 апр. 1926 г. о регулировке коллективных трудовых отношений). 4. Схема синдикальных организаций итальянского фашизма (федерации и конфедерации). 5. Практическое значение этих организаций. . . . . 61.

Глава VI. Хартия труда.

1. Carta del lavoro — конституция фашизма. 2. Основные начала ее: подчинение индивида нации; охрана собственности и частной инициативы; покровительство труду всех видов; согласование интересов всех участников народного хозяйства. . . . . 68.

Глава VII. Классовая борьба и социальная гармония (тенденции современного трудового права).

1. Отрицательное отношение солидаризма к классовой борьбе 2. Примирительное течение в профессиональном движении (желтые союзы). 3. Попытки современного законодательства смягчить классовую борьбу (бюро для регулированья заработной платы, принудительное третейское разбирательство и факультативный арбитраж). 4. Запрещение стачек и локаутов в Италии (зак. 1926 г.). 5. Надклассовый (национальный) солидаризм. 6. Корпорации—надклассовые органы фашизма. 7. Министерство Корпораций в Италии. 8. Специальные трудовые суды в Италии и их особенности. 9. Тенденции современного трудового права. . . . . 72.

Глава VIII. Корпоративное государство (фашистский режим в Италии).

1. Надклассовое и внепартийное начало в корпоративном государстве. 2. Отличие от государства либерально-демократического типа. 3. Сопоставление государственных организаций фашизма и коммунизма. 4. Идея солидарности в применении к демократическому государственному строю. 5 Проекты Коля (гильдейский социализм) Дюги, Ратенау. 6. Государственный строй современной Италии: значение фашистской партии; Верховный совет (реформа 1928 г.); фашистский парламент 1929 г. 7. Усиление центральной власти в Италии и общий политический режим. 8. Фашизм, как авторитарная демократия. 9. Существо фашизма и его значение. . . . . 83.

Глава IX. Принципы солидаризма в водном праве.

1. Естественная общность интересов водопользователей и ее юридическое выражение. 2. Добровольное подчинение выборной администрации. 3 Современные водные кодексы и ограничение в них частных прав. 4. Собственность на воды и проистекающие из солидаризма особенности ее. 5. Принудительное сопользование и другие ограничения собственников. 6. Водные переделы. 7. Примирительный процесс. 8. Концессионные права и система „укрепления" прав по Прусскому закону. 9. Водные товарищества. . . . . 102.

Глава X. Солидаризм в международном праве.

1. Связь международного права с внутренним состоянием государств. 2. Частно-правовой характер международных отношений 3. Влияние идей либерализма, абсолютизма и конституционализма на международные отношения 4. Солидаризм в международном праве. 5. Лига Наций и

переход от частно-правовых к публично-правовым началам в международных отношениях. 6. Ограничения прав отдельных государств в отношении войны. 7. Пакт Келлога 8. Сокращение вооружений 9. Ограничение свободы договоров 10. Новый принцип управления колониями, 11. Международные обязательства об охране труда. 12. Другие проблемы взаимоотношений государств. 13. Значение Лиги Наций в деле укрепления правовых начал и идеи солидаризма в международных отношениях. 14. Идея Пан-Европы и предпосылки международного солидаризма. . . . . 112.

Часть третья.

СОЛИДАРИЗМ, КАК ПРОДУКТ И ФАКТОР ПРОГРЕССА.

Глава XI. Солидаризм, как руководящая идея.

1. Солидаризм, как прогрессивное начало. 2. Смена правопорядков. 3. Преимущества солидаризма и юридическая сущность его. 4. Признаки правовой культуры. 5. Сопоставление с социализмом: примирение индивидуального и коллективного начала в солидаризме. 6. Этические основы солидаризма. . . . . 129.

Глава XII. Учения о социальном прогрессе.

1. Понятие этического и социального прогресса. 3. Сомнения в прогрессе этическом, предание о золотом веке. 4. Религия и вера в этическое совершенствование. 5. Отрицательные спутники культуры. 6. Непопулярность идеи прогресса в классическом мире. 7. Точка зрения средневековья и эпохи после ренессанса (Бодэн, Бэкон) 8. Учение Вико о циклическом прогрессе. 9. Развитие идеи прогресса в XVIII-XIX в. в.—идея непрерывности прогресса (Кондорсе). 10. Конструктивный идеализм (утопия „Земного рая") 11. Научная социология и положительная политика Конта. 12. Учение Спенсера об эволюции. 13. Марксизм об истории и перед судом истории. 14. Философское обоснование непрерывности прогресса у Гегеля. 15. Критики прогресса. 16. Культурный пессимизм Шпенглера и философия консерватизма К. Леонтьева. 17. Сущность культуры и прогресса. 18. Законы социального прогресса . . . . . 137.

Глава XIII. Обоснование этического прогресса.

I. Иллюстрации прогресса в истории римского права. 2. Прогресс в праве нового времени 3. Эволюция нравственности. 4. Периоды реакции и застоя. 5. Проблема тысячелетней неподвижности Китая. 6. Психологические основы прогресса (генезис). 7. Выгоды правопорядка. 8. Закон приспособления в применении к социальным явлениям: индивидуально-эмоциональное и социально-эмоциональное приспособление. 9. Средние оценки и эмоциональные равнодействующие. . . . 159.

Глава XIV. Право, как фактор прогресса.

1. Влияние права на поведение людей (причинное действие права). 2. Правовая педагогика. 3. Воспитание гражданского характера. 4. Политика права и ее очередные задачи. 5. Необходимость укрепления солидаризма и возможные нововведения в законодательстве. 6. Преодоление пессимизма. 7. Силы, влияющие на социальный прогресс, наряду с правом. 8. Право и нравственность, как главные факторы этического прогресса. . . . . 173.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1. Отражение современного кризиса в мире идей. 2. Обоснование экономического и политического либерализма. 3. Либерализм и социализм, как системы организации хозяйства. 4. Новые формы хозяйства, не соответствующие схеме централизованной и децентрализованной

системы (кооперация, водное хозяйство, объединенная в концерны промышленность). 5. Солидаризм, как особая система хозяйства. 6. Противоречие индивидуализма социологической правде. 7. Проникновение коллективистических начал в науку права и законодательство. 8. Организация общества и государства, охраняющая личную и групповую самодеятельность. 9. Солидаризм в международных отношениях. 10. Преобразовательные возможности солидаризма. 11. Перспективы правового творчества на основах солидаризма, как руководящей идеи. 12. Этические преимущества солидаризма, как основы социальной политики. . . . . 185.

Оглавление . . . . . 207.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Сибирь, союзники и Колчак.—Т. I и II, Пекин, 1920 г., стр. 930 с 71 иллюстр., ц. 1 долл. 75 ц.

Законы о торговле в Китае.—(Устав торговый и Положение о торговых товариществах. Практика Высшего Китайского Суда). Составили Г. К. Гинс и г. Ли Шао-ген. Харбин, 1921 г. цена 30 ц.

В Японии (впечатления экскурсанта). 1921 г., стр. 72, ц. 20 ц.

Индустриализованная Япония (с английским переводом). Харбин, 1925 г., стр. 69, ц. 25 ц.

Этические проблемы современного Китая. Харб., 1927 г., стр. 80, ц. 40 ц.

Обоснование политики права в трудах профессора Л. И. Петражицкого (к 35-летию научной деятельности 1892—1927 г.), Харб., 1928 г., стр. 28, ц. 20 ц.

Водное право и предметы общего пользования. Харбин, 1928 г., стр. 25+358, ц. 1 долл. 50 ц.

Право и сила. (Очерки по теории права и политики) Харб. 1929 г., стр. 112 ц. 75 ц.

Цены в американских долларах.

Склад изданий

Русско-Маньчжурская Книготорговля

Харбин, Новоторговая, 9/66.